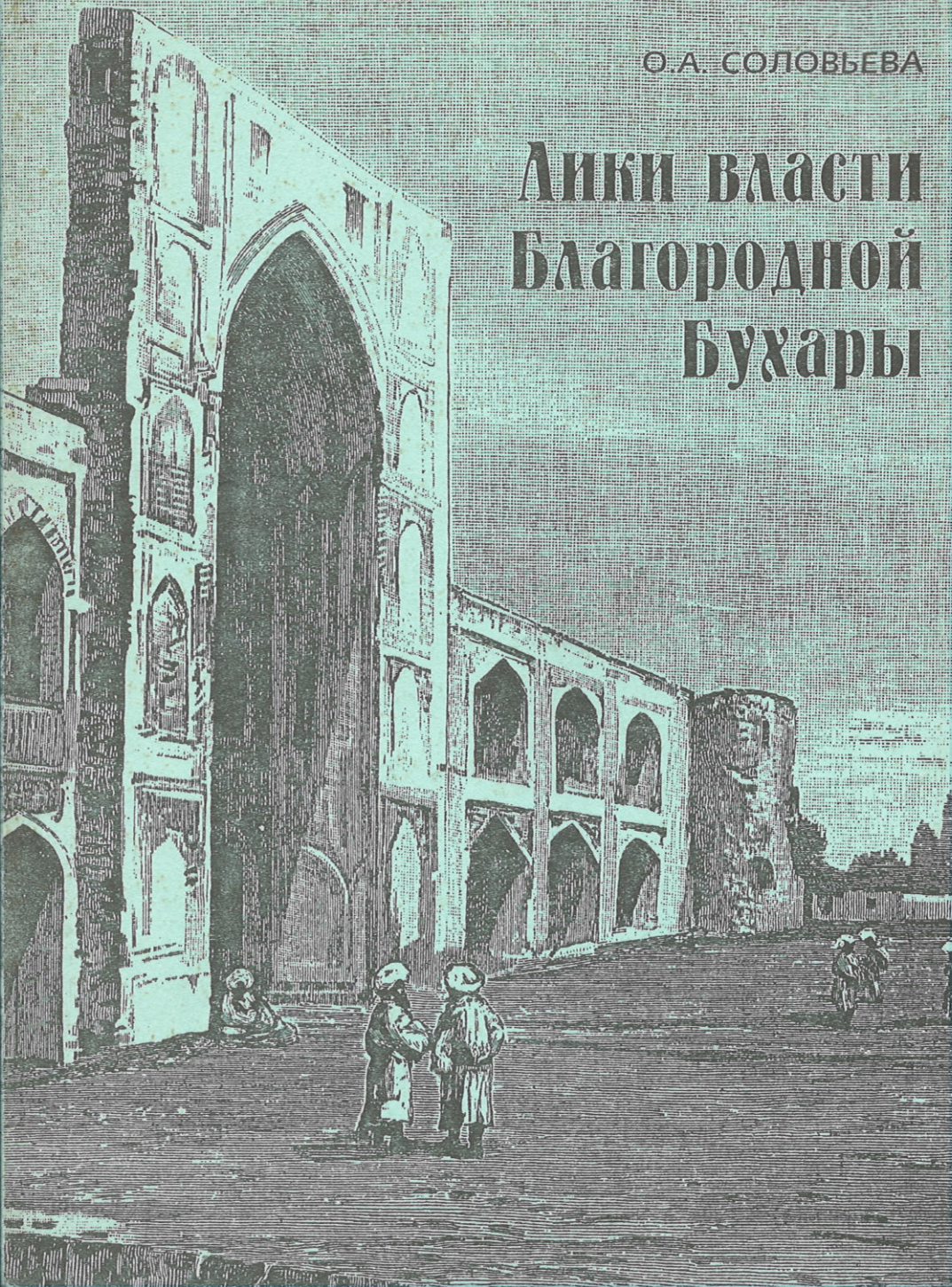

О.А. СОЛОВЬЕВА

Лики власти Благородной Бухары

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИМ. ПЕТРА ВЕЛИКОГО (КУНСТКАМЕРА)

О.А. СОЛОВЬЕВА

**Лики власти
Благородной
Бухары**

Санкт-Петербург

2002

ББК 63.5
С-60

Книга посвящена малоизученной в этнографии теме политической культуры народов Средней Азии. В ней исследованы различные аспекты традиционной власти в Бухарском эмирате, Хивинском и Кокандском ханствах XIX—начала XX века.

Важное место отведено рассмотрению вопросов, касающихся формирования и функционирования традиционной политической системы, методов управления и политической символики.

Предназначена для этнологов, востоковедов, политологов и широкого круга читателей, интересующихся историей и культурой Среднеазиатского региона.

Ответственный редактор
к.и.н. В.П. Курылев

Рецензенты:
д.и.н. В.В. Бочаров, д.и.н. Ю.Ю. Карпов

В оформлении обложки использован рисунок:
г. Бухара. Главное духовное училище Мир-Араб Медресе
(оригин. рис. Пясецкого, грав. Шлиппер).

ISBN 5-88431-066-8

© МАЭ РАН, 2001.
© О.А. Соловьёва
© А.Ю. Харитонова, художественное
оформление

Бухара. «Благородная, блистательная, благословенная, священная...» Такими яркими словами описан город в средневековой поэзии и исторических трактатах. Впоследствии менялся политический и культурный облик края, а эпитеты города и государства как воспоминание о его прежнем величии жили и живут в народной памяти и литературной традиции.

ВВЕДЕНИЕ

Объект, предмет и задачи исследования

Этнополитология, или политическая антропология, представляет собой пограничную область знания, лежащую на стыке этнографии (культурной антропологии) и политологии, которая сформировалась в самостоятельную субдисциплину сравнительно недавно. Исследований, проведенных в этой области, с широким привлечением этнографических материалов при рассмотрении политических процессов, немного, что и делает актуальными работы по данной тематике.

Объектом изучения этнополитологии являются прежде всего общества доклассовые или пребывающие на разных стадиях перехода от доклассовости к классовости, а также государственные образования со сложившейся докапиталистической классовой структурой, каким являлся и Бухарский эмират XIX в. Он и выбран в качестве объекта изучения данной работы.

Предметную область этнополитологии составляет в основном политическая культура. В целом под политической культурой следует подразумевать комплекс взаимоотношений между людьми по поводу власти и управления, сформировавшийся в ходе всей истории политического развития. В настоящее время предметная область существенно расширилась за счет включения в нее проблем соотношения традиционного и современного в указанной сфере общественной жизни.

Ключевым понятием в сфере политики является понятие власти. Она играет огромную роль в жизни каждого человека, который выступает то субъектом, носителем власти, то предстает адресатом разнообразных предписаний органов власти и управления. Любая социально-политическая доктрина отводит проблеме власти и механизмам ее реализации центральное место. Это одна из основных категорий

и одна из самых дискуссионных проблем политической науки, в том числе и этнополитологии. Изучение власти приводит к выделению таких ее понятий, как власть общественная и власть политическая. Первая существует на любой стадии развития человеческого общества. Политическая власть характеризуется способностью одного субъекта политики навязывать свою волю другому субъекту, используя различные методы и средства. Общественно-политическое устройство определяет разделение ресурсов власти, свободу действия и ее границы.

Целью настоящей работы является стремление внести посильный вклад в изучение традиционной политической культуры оседлого населения Средней Азии, а именно: охарактеризовать традиционное управление и должностную власть в Бухарском эмирате. По аналогии с политической властью должностная власть может рассматриваться как способность одного субъекта политики (должностного лица) навязывать свою волю другому субъекту (нижестоящему в должностной иерархии или бездолжностному лицу), используя различные методы и средства, ограниченные в некоторой степени рамками должностных полномочий. Любое человеческое общество для нужд саморегулирования учреждает определенные институты управления, наделяя их властными функциями. В результате этого происходит деление на субъектов управления (носителей власти) и объектов властного воздействия.

Согласно поставленной цели в работе решаются следующие задачи:

1) охарактеризовать специфику управления Бухарским эмиратом в XIX—начале XX в., выделив основные уровни управления и институты власти;

2) выявить механизмы взаимодействия политических и потестарных институтов управления;

3) проанализировать деятельность глав политических институтов, очертив границы их должностных полномочий;

4) выделить ведущие методы управления;

5) выявить и охарактеризовать основные виды символов и атрибутов власти.

Хронологические рамки исследования ограничиваются периодом XIX—начала XX в.

Для выявления особенностей традиционной политической культуры эмирата широко привлекаются сравнительные материалы по Хивинскому и Кокандскому ханствам. Длительные контакты ирано- и тюркоязычного населения в пределах одной историко-этнографической области привели к своеобразию развития межэтнических и внутриэтнических связей в материальной и духовной культуре, в том числе и в сфере властных отношений.

Научная новизна работы определяется уже самим выбором темы, в результате чего ряд аспектов традиционной политической культуры Бухарского эмирата XIX—начала XX в. впервые становятся предметом специального монографического этнографического исследования. Как представляется, решение поставленных задач закладывает необходимую основу для дальнейших разработок в данной области, а также дает возможность понять и оценить современное политическое и экономическое развитие независимых государств Центральной Азии.*

Источники и литература

При написании данной работы использовались источники различного характера, прежде всего те, в которых содержатся сведения по традиционной политической культуре *Мавераннахра* (букв. «то, что за рекой», вся территория за Амударьей, завоеванная арабами в средние века и названная ими *Ма вара'ан-нахр*).

I. Исторические хроники и трактаты. Содержащиеся здесь сведения дают представление о формировании политических институтов управления в Средней Азии, что позволяет проследить их последующие изменения и функционирование в Бухарском эмирате XIX—начала XX в. Среди таких источников выделяется «Сиасет-намэ. Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-Мулька» [1949]. Вазир султанов Али-Арслана (1063—1072 гг.) и Малик-шаха (1072—1092 гг.) выступал за централизацию государственной власти. Далее, памятник XI в. «Благодатное знание» Юсуфа Баласагунского [1983], посвященный эпохе государства Караханидов. Ценным источником по истории Бухарского ханства является хроника начала XVIII в. «Убайдулла-наме», написанная бухарским историком Мир Мухаммед Амин-и Бухари [1957]. Она повествует о событиях 1702—1711 гг., предшествовавших правлению рассматриваемой нами мангытской династии. Использовались трактаты среднеазиатского мыслителя и общественного деятеля XIX в. Ахмада Дониша [1960, 1967]. В них представлена история правления мангытов, отмечается своеобразие политики каждого из эмиров. Заслуживает внимания труд М. Наршахи «История Бухары» [1897], а также хроника «Шейбаниада. История монголо-тюрков» [1849].

* В настоящее время термин «Средняя Азия» вытесняется термином «Центральная Азия». В мировой литературе в этот регион обязательно включается Советская Центральная Азия (Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан, Туркменистан и Синьцзян, далее идут разночтения: включаются северные провинции Афганистана, Ирана, Пакистана и Индии, Монголия. В данной работе, посвященной традиционному управлению в Бухаре, используется термин «Средняя Азия».

II. Письменные источники XIX в. Они стали фактологической основой исследования.

1. Работы обобщающего характера, посвященные Средней Азии. Это «Досуги в Туркестане» Г.А. Арандаренко [1889], «Сборник статей, касающихся до Туркестанского края» А.П. Хорошхина [1876], «Туркестанский край» С.Р. Конопки [1912], «Туркестанский край» В.И. Масальского [1913]. Привлекались сочинения, посвященные описанию отдельных ханств. Среди них «Очерки Бухарского ханства» Н.А. Маева [1875], несколько работ Д.Н. Логофета [1909; 1911, т.2; 1912], в частности двухтомник «Бухарское ханство под русским протекторатом» [1911. т.1]. Книга Н. Веселовского [1877] повествует об истории Хивы с древнейших времен до конца XIX в. Указанные произведения дают общую характеристику географических условий края, политического и экономического развития региона, содержат сведения о кочевом и оседлом населении, специфике их хозяйства и материальной культуры. Ценными в этом отношении являются материалы воспоминаний среднеазиатского писателя Садриддина Айни [1935; 1980; 1981]. В них представлена картина жизни населения Бухарского эмирата XIX—начала XX в. Источник содержит сведения об отношении жителей к политике эмиров и методам их управления. В воспоминаниях имеются данные о деятельности различных должностных лиц, об отношениях между управляющими и подчиненными. В данном исследовании использованы описания С. Айни общественной жизни столицы, отдельных городов и кишлаков.

2. Многочисленные описания, очерки и отчеты, составленные на основании рекогносцировок местностей, которые проводились российскими офицерами в период ведения боевых действий в различных районах Бухарского, Хивинского и Кокандского ханств, а также после частичного присоединения территории Средней Азии к России и установления протектората над Бухарой во второй половине XIX в. Сведения собирались по заданиям и планам Генерального Штаба России. Это работы полковника А. Галкина [Краткий очерк... 1890; Краткий военно-статистический очерк... 1894] о Бухаре и Самаркандской области, отчет о поездке по бухарским и афганским владениям полковника Матвеева [Поездка... 1883; Краткий очерк... 1888], описание города Бухары подполковника И. Пославского [Бухара... 1891], очерки долины Амударьи и Зеравшана капитана Быкова [Очерк долины Аму-Дарьи, 1880; Очерк долины Зеравшана, 1880], сведения о Гиссарском крае капитана Лилянталя [Кухистан... 1888; Гиссарское... 1889], данные о Дарвазе капитана Кузнецова [Дарвоз... 1893], рекогносцировка равнинной части Бухарского эмирата капитана Архипова [Военная рекогносцировка... 1884] и многие другие. Материалы публиковались в

периодически издаваемых «Сборниках географических, топографических и статистических материалов по Азии». Значительная часть собранных сведений, датируемых, в основном, второй половиной XIX в., относится к Бухарскому, Самаркандскому, Каршинскому, Гузарскому, Китабскому, Шахрисябзскому, Гиссарскому, Кабадианскому, Кулябскому, Бальджуанскому, Каратегинскому и Дарвазскому бекствам. Авторы этих трудов, собравшие сведения, имевшие, в первую очередь, военно-стратегическое значение, оставили ценнейшие сведения о численности и составе населения, его занятиях, административном устройстве государства. Необходимо подчеркнуть, что именно вышеперечисленная группа источников послужила основой для рассмотрения мезоуровня управления в Бухаре. Из фрагментарных описаний отдельных округов и областей извлечены имеющиеся в них сведения о правителях бекств и амлюкдорств, их должностных полномочиях и взаимосвязях с вышестоящей властью, а также отрывочные данные о местном управлении в крае.

3. Работы участников дипломатических миссий, в которых достаточно подробно описывается их пребывание в Средней Азии. В XIX в. Россия вела активную внешнеполитическую деятельность на Востоке, в том числе периодически отправляла посольства в Бухару и Хиву. Каждая миссия имела свои, продиктованные временем, задачи. Привлекались труды Е.К. Мейендорфа [1975], Н.В. Ханыкова [1843], М.М. Соловьева [1936], Н. Игнатъева [1897], Л.Ф. Костенко [1870а; 1870б; 1871], С.А. Носович [1898], И.Л. Яворского [1882], В.В. Крестовского [1887]. В них содержатся сведения об институте верховной власти в ханствах Мавераннахра, приводится детальное описание этикета при дворе эмира и приемов у высших должностных лиц, подчеркивается отлаженная система подношений в сфере управления.

4. Публикации, носящие характер воспоминаний и путевых заметок о пребывании в Средней Азии. Они содержат много отрывочных сведений, касающихся вопросов традиционной власти и управления. Цели подобных поездок были различные (научные, политические, торговые). Сходен стиль изложения собранного материала. Следует отметить очерки Н.С. Лыкошина [1916], записи Ф. Назарова [Записки... 1821], описание странствования Ф. Ефремова [Странствование... 1811], путевые заметки А.В. Нечаева [1914], М.Э. Никольского [1903], П.И. Пашино [1898], впечатления Г. Мозера [1888], очерки путешествия Е. Маркова [1901], результаты трехлетних поездок В.И. Липского [1902]. Публиковали свои воспоминания о Средней Азии и посетившие ее в XIX в. западноевропейцы А. Борнс [1848]; J. Hutton [1875]; О. Olufsen [1911]; E. Schuyler [1876]; J. Wolff [1845]. В книгах указаны маршруты следования экспедиций, даны описания населенных

пунктов, в том числе городов и их архитектуры. Сочинения пронизаны личными впечатлениями от увиденных эпизодов общественной жизни среднеазиатского населения.

5. Описания ханств русскими военнопленными. Среди них материалы А.И. Глуховского [1868] и А.С. Татаринова [1867], которые являлись членами дипломатической миссии в Бухаре в 1865—1866 гг., сведения о пребывании в хивинском плену П. Инфантьева [1916]. Материалы содержат данные о видах наказаний в ханствах, о политической обстановке в регионе.

6. Многочисленные статьи, опубликованные в «Записках» и «Известиях» Русского географического общества. Источником послужили заметки в газете «Туркестанские ведомости» (издававшейся с 1870 по 1917 г.), а также в сборниках «Материалы для статистики Туркестанского края».

Дореволюционная литература содержит описание различных аспектов традиционной культуры населения Бухары, при этом большинство авторов были непосредственными участниками описываемых ими событий. Вышеуказанные труды ранее не являлись тематическими или проблемными исследованиями.

III. Публикации периода XX в. Многие сведения извлекались прежде всего из трудов известного востоковеда В.В. Бартольда [1909; 1963; 1964]. Благодаря великолепному знанию ряда восточных языков, он написал фундаментальные работы по истории Средней Азии, в которых не обошел вниманием и этнографические сюжеты. Подробно исследуя арабское, монгольское, узбекское завоевания, В.В. Бартольд выявляет специфику каждого из них и показывает, как она отразилась в различных областях традиционной культуры народов Мавераннахра. Использовались и труды востоковеда А.А. Семенова [1924; 1929; 1948; 1952; 1954]. Его работы по социальному строю Бухары и административному устройству эмирата в значительной степени основаны на личных наблюдениях и знании официального делопроизводства бухарских канцелярий и отдельных ведомств. Интересные этнографические сведения содержатся в полевых материалах М.С. Андреева [1924; 1925; 1929] и его совместной с О.Д. Чехович работе «Арк Бухары...» [1972]. В монографии изложены общие сведения об арке (дворцовом комплексе эмира в г. Бухаре), приведены схематические планы дворцовых помещений, имеются данные об институте верховного управления и ритуале смены власти эмира.

В 1930—1990-е гг. продолжается активный сбор полевых материалов и их обобщение. При написании работы использована литература данного периода. Привлечены статьи и монографии, касающиеся истории общественного быта узбеков [Мирхасилов, 1963; Ташбаева, Савуров,

1989]; амляковой формы земельной собственности в Бухарском ханстве [Мирзаев, 1984]; труды о социальных отношениях в Дарвазе [Латыпов, 1958; Неменова, 1956], Кулябе [Колпаков, 1954], Ура-Тюбе [Мухтаров, 1964]; «Материалы по истории Кокандского ханства» А.Л. Троицкой [1969]. Исследованию сельского управления в северных районах Узбекистана и элементов общинно-военной организации у узбеков посвящены работы Р.Я. Рассудовой [1968; 1987]. Следует особо выделить монографию Н.А. Кислякова «Патриархально-феодалные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства (в конце XIX—начале XX в.)» [1962]. В книге анализируются социально-экономические отношения среди оседлого населения Бухары.

Этнографическая литература по Средней Азии содержит в целом отрывочные сведения о местном управлении в регионе. Исключение составляют исследования О.А. Сухаревой [1955; 1958а; 1958б; 1958в; 1965; 1966; 1976], в статьях и монографиях которой, посвященных в основном городу Бухаре, анализируются внутригородская жизнь и быт квартальной общины, дается полная характеристика всех бухарских кварталов, прослеживается их история, рассматриваются роль и место аксакалов в системе квартального самоуправления. При этом автор широко привлекал не только собственные экспедиционные материалы, но и сведения письменных источников X—XV вв.

Работы о ремесленных организациях [Джаббаров, 1971; Пещерева, 1955, 1957, 1960; Сухарева, 1962, 1979, 1981; Турсунов, 1974] и мужских объединениях [Рахимов, 1990; Снесарев, 1963] использовались при исследовании вопросов взаимодействия политических и потестарных институтов управления.

IV. Материалы для теоретической и методологической основы работы. При рассмотрении различных категорий и попытке выработки терминов и понятий, характеризующих среднеазиатскую действительность, использовались данные философских и политологических словарей и энциклопедий, материалы многотомного труда «Философия политики» [1993].

Из общетеоретических работ отечественных, западноевропейских и американских исследователей критически привлекались труды, посвященные разработке концепции власти [Власть, 1989; Здравомыслов, 1994; Тоффлер, 1991; Bierstedt, 1950; Blau, 1964; French, Raven, 1959; Gerth, Mills, 1959; Lasswell, Kaplan, 1950; Parsons, 1963; Rogers, 1976; Wrong, 1968]; труды о политическом лидерстве [Ашин, 1990; Блондель, 1992; Bass, 1981; Lasswell, 1960; Stogdill, 1974] и политической социализации [Шестопал, 1988; 1990; Dowse, Hugher, 1986; Easton, Dennis, 1969; Jennings, Niemy, 1981; Human, 1959]; исследования, посвященные теории и практике насилия в общественной жизни [Бекер,

1994; Денисов, 1975; Дмитриев, 1994; Hartogs, 1970; Straus, Hotaling, 1980].

Привлекались теоретические работы в области политической антропологии. Прежде всего использовались методологические разработки Л.Е. Куббеля, изложенные в монографии «Очерки потестарно-политической этнографии» [1988], в которой рассмотрены предметная зона этой субдисциплины, ее понятийно-терминологический аппарат, понятия потестарной и политической культуры и их содержания, дан краткий обзор развития политической антропологии в нашей стране и за рубежом. Значителен вклад в изучение данной сферы общественных отношений В.В. Бочарова. Основное внимание в его работе «Власть. Традиции. Управление» [1992] уделяется исследованию роли традиций в политических культурах африканских государств, а также предпринимается попытка на базе некоторых результатов, полученных в области исторического изучения психических процессов, реконструировать психологическую сторону политических отношений в доколониальных обществах Африки, а также проследить процесс их эволюции.

Использованы материалы двух научно-теоретических семинаров, проводимых в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН под руководством В.В. Бочарова. Результаты первого из них («Этнические аспекты власти в современном мире», 1987—1989 гг.) отражены в сборнике статей «Этнические аспекты власти» [1995], в котором на материалах различных этносов проанализированы механизмы включения традиций в новый политический контекст. Для данной работы наиболее значимыми оказались статьи Р.Р. Рахимова о концепции лидерства у таджиков [1995, с.138—188] и Ю.М. Ботякова о традиционной политической культуре туркмен [1995, с.189—210]. Второй семинар («Этнические аспекты власти. Антропология насилия», 1996—1998 гг.) [Бочаров, 1996б, с.391—394] был посвящен изучению феномена насилия как общественного явления, а также механизмов влияния этнокультурных стереотипов поведения, связанных с агрессией и насилием, на современные политические процессы.

Применялись сведения и идеи статей, посвященных рассмотрению символов и атрибутов власти, их генезиса и функций в традиционной политической культуре [Бочаров, 1996а; Понов, 1996]. Привлечены материалы коллективной монографии «Потестарность: генезис и эволюция» [1997]. Один из ее разделов написан Р.Я. Рассудовой и посвящен анализу структуры управления и потестарным институтам народов Средней Азии в ханское, «военно-народное» (царская Россия) и республиканское (СССР) правления.

У. Другие источники. Не остались без внимания недавно изданные труды, касающиеся вопросов человека и власти на Востоке. Например, работы Ю.В. Павленко [1993], К.З. Ашрафян [1993], Н.Н. Крадина [1992, 1993], А.Б. Зубова [1990]. Проблема восточного деспотизма как особого социально-политического феномена давно привлекала внимание историков. Как известно, единодушного ответа на многие спорные вопросы до сих пор нет, хотя всегда подчеркивались отличия восточной государственности от западной, восточный деспотизм противопоставлялся гражданскому обществу и правовому государству.

Использовались материалы публикаций, в которых затрагиваются проблемы мусульманского права и религии, рассматриваются различные этнические процессы, происходившие в исламских странах [Ислам... 1984; Ислам... 1986; Керимов, 1978; Милославский, 1991; Пиотровский, 1987; Саидбаев, 1984]. В статьях и монографии Л.Р. Сюкияйнена [1985, 1986, 1987], посвященных мусульманскому праву, разрабатывается проблема власти в исламе, исследуются концепция халифата и современное государственно-правовое развитие стран арабского Востока.

Привлекались труды, характеризующие современную политическую ситуацию в Узбекистане и Таджикистане: «Гражданские движения в Таджикистане» [1990]; «Узбекистан...» [1994, 1995]. В них содержатся программные документы гражданских движений, рассматривается деятельность различных культурных центров, общественных организаций, политических партий и клубов. Интересны работы по экономическому развитию стран Центральной Азии в 1990-е годы С.И. Кузнецовой [1996]; В.Г. Растяникова [1996]; Л.А. Фридмана, М.Ф. Видясовой [1996]; А.Я. Эльянова, Н.А. Ушаковой [1996, 1997]. В них исследуются, в основном, внешнеэкономические связи новых независимых государств, приводится обзор зарубежной литературы, изданной за последнее десятилетие. Материалы о современной политической и экономической ситуации в регионе можно использовать при исследовании эволюции традиционных институтов управления.

Все вышеперечисленные группы источников и литературных материалов позволяют решить поставленные в работе задачи.

В книге использованы фотоиллюстративные материалы XIX—начала XX века из коллекций МАЭ РАН для наглядного ознакомления читателей с жизнью Бухарского, Хивинского и Кокандского ханств данного периода. Надписи к иллюстрациям даны по первоисточнику.

Государственная власть похожа на человека, сидящего на престоле, строительство которого невозможно без следующих пяти вещей. Прежде всего совесть и справедливость — сам престол; войско, народ, вода и казна — четыре опоры престола.

Ахмад Донши

Глава I

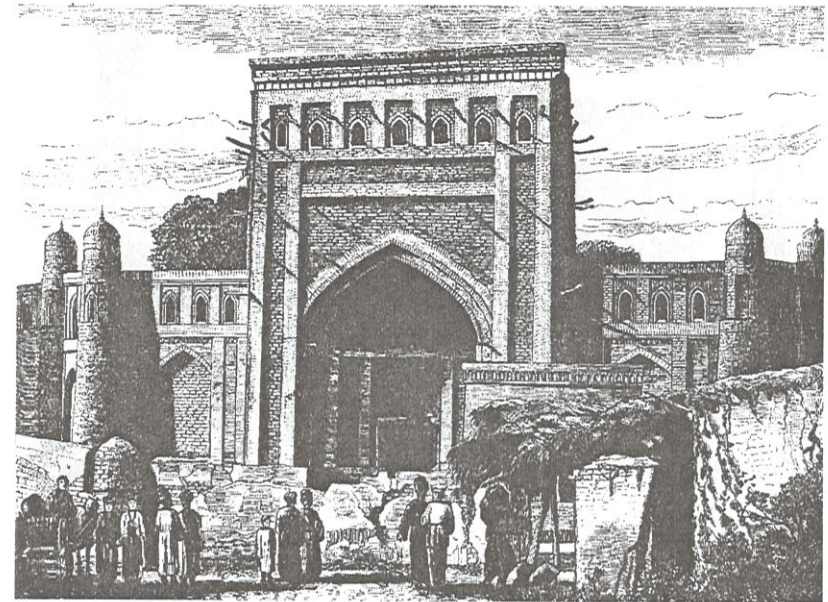
СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ В БУХАРСКОМ ЭМИРАТЕ

Политическая культура является составной частью культуры этноса. Ее специфика определяется многими факторами, в том числе и политической системой общества. Она представляет собой сложную совокупность различных политических институтов, социально-политических общностей, форм взаимодействий и взаимоотношений между ними, в которых реализуется политическая власть. Политическая система общества включает ряд подсистем: институциональную, нормативную, идеологическую, коммуникативную, культурную [Макаренков, Сушков, 1998, схемы 81—88]. В данной главе рассмотрим отдельные элементы институциональной подсистемы политической системы общества, а именно: основные институты управления в Бухарском эмирате периода мангытской династии.

1. СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТОВ УПРАВЛЕНИЯ

Традиционные институты власти, которые сложились к XIX в. у народов, населявших Мавераннахр (Бухарское, а также соседние Хивинское и Кокандское ханства), формировались на протяжении длительного времени, претерпевая различные изменения. Они впитывали в себя как новые черты, так и сохраняли, трансформировали прежние, что в своей совокупности придавало общей системе управления в ханствах Мавераннахра ту специфику, которая отличает их не только друг от друга, но и от остальных государств исламского мира. Следует особо подчеркнуть ряд ключевых моментов, повлиявших на формирование оригинальной политической культуры данного региона.

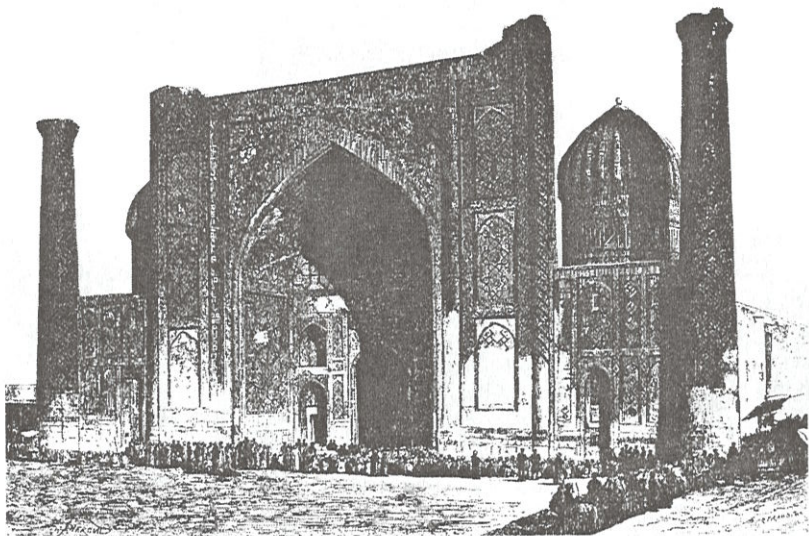
На протяжении столетий территория Средней Азии (частично или полностью) оказывалась под властью завоевателей. Вместе с

Хивинское ханство. Медресе Рахим Бердий бия в Хиве
(рис. И.К. Агапи, грав. Э. Даммюллер).

другими соседними территориями она входила в состав тех или иных государственных образований, т.е. политическое пространство Бухары развивалось не изолированно. Например, как отмечал В.В. Бартольд, арабское завоевание вновь присоединило часть Туркестана к Передней Азии в политическом отношении. К восточной окраине сасанидской Персии арабами были присоединены области за Амударьей [Бартольд, 1963, с.118]. Тимур, став эмиром Мавераннахра и сделав своей столицей Самарканд, приступил к широкой программе завоеваний, в ходе которой он объединил под своей властью сначала Среднюю Азию, затем Иран, а также значительную часть Западной Азии.

Далее, значительной вехой в истории Средней Азии стало привнесение на ее территорию ислама, который остается там господствующей религией до настоящего времени. Мавераннахр становится частью огромного мусульманского мира, хотя «мера интеграции и формы интеграции были различными для каждого из входящих в него регионов (в зависимости от специфики местной цивилизации, этнического состава и т.д.)» [Милославский, 1991, с.24]. Важно, что общественная жизнь начинает регламентироваться по законам мусульманского права. Это касается и сферы управления: представители власти всех уровней официально руководствовались в Бухарском эмирате нормами шариата.

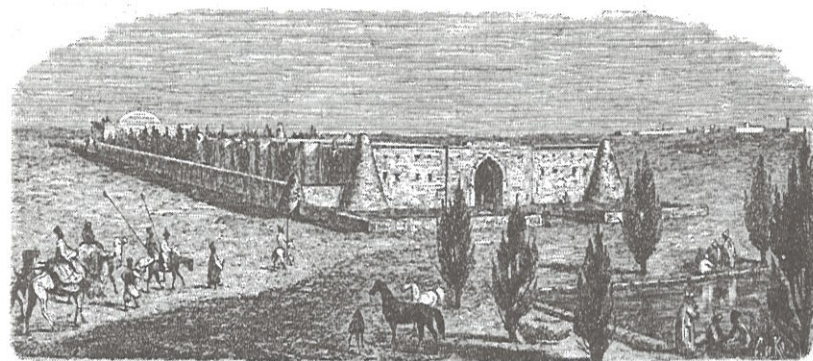

Самарканд. Мечеть Шир-Дар
(рис. Терон, грав. Бертран).

Периодически Мавераннахр подвергался нападениям кочевников. По мнению Н.Н. Крадина, подобные завоевания происходили «только в периоды, когда оседло-городские цивилизации были ослаблены или находились в состоянии упадка» [Крадин, 1992, с.170]. Очевидно, что для завоевателей традиции ислама и мусульманской культуры имели второстепенное значение по сравнению с военными, но часто эти традиции умело использовались как для управления населением, так и для возвеличивания своей державы.

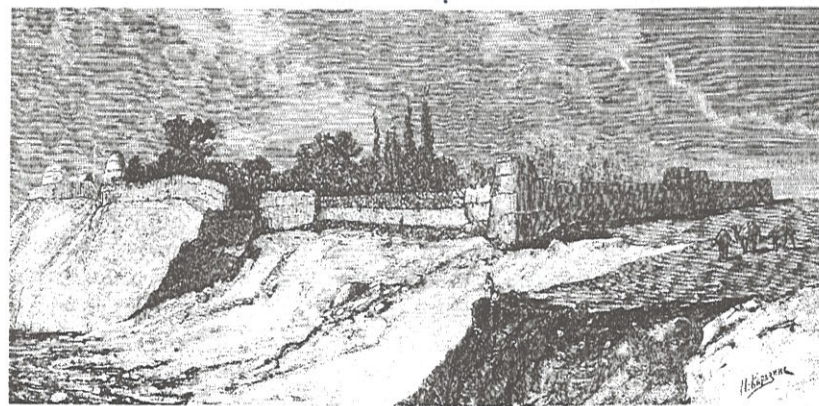
Политическая история данного региона сложна, также сложна и политическая культура, сложившаяся в Бухарском эмирате к концу XIX в. В средние века Средняя Азия входит в состав Арабского халифата. В период IX—X вв. сменяют друг друга государства Тахиридов, Саффаринов, Саманидов. Во время правления Саманидов вводится стройная система государственного управления, при которой аппарат делится на центральный двор и военно-гражданские управления — диваны. В XI—XIII вв. на политическую сцену выходят государства Газневидов, Караханидов, Гуридов и Хорезмшахов.

Значительный след в политическом и культурном развитии среднеазиатского региона оставили монгольское завоевание и эпоха державы Тимуридов. Каждый отрезок истории Мавераннахра вносил свои поправки в политическую культуру, поэтому сложно однозначно определить время формирования того или иного института управления.

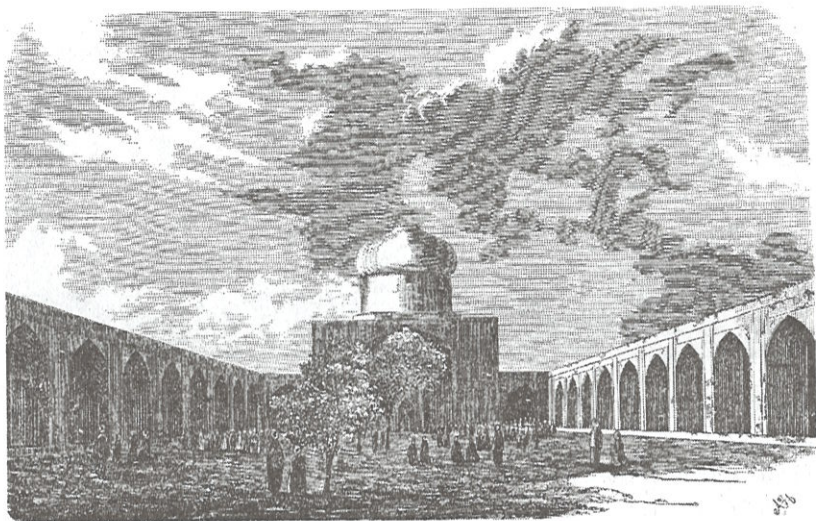

Вид крепости Ильгельди близ Хивы.

Очевидно, что при завоевании значительных территорий и даже целых государственных образований численность покоренного населения обычно намного превышала число завоевателей. Чтобы последним сохранить захваченную власть на протяжении длительного исторического периода, необходимо было в той или иной мере приспособляться к существовавшей у покоренных народов системе управления. При этом в нее приносились свои дополнительные элементы, но и сохранялись в большей или меньшей степени какие-то основы. Таким образом, для подчиненных внешне сохранялся режим привычного существования, сглаживался факт их завоевания. Как правило, в основном это касалось местного управления, что увеличивало число поддерживающих новый режим.

Вид цитадели г. Тюря-Курган с северной стороны
(с наброска шт. капитана Дикгофа. Рис. Н.Н. Карзин, грав. К. Вейерман).

Ташкент. Мечеть Хаджи Ахрал
(с рис. Вележева, рис. на дереве А.Н. Нисченков, грав. К. Вейсман).

В средние века на территории между Амударьей и Сырдарьей существовала система политических образований, при которой многие города, например Хива и Кунград, Бухара и Шахрисябз, Коканд и Ташкент, а также отдельные области управлялись независимыми правителями, власть которых была наследственной. На протяжении XVII—XIX вв. в каждом из трех ханств Мавераннахра идет процесс создания единых государственных образований, т.е. наблюдается тенденция к централизации управления. Бухара, в свою очередь, оказывается центром объединения, подчиняя территории уже соседних ханств. Данный процесс остался незавершенным в связи с вмешательством России, захватом ею части территорий и установлением протектората.

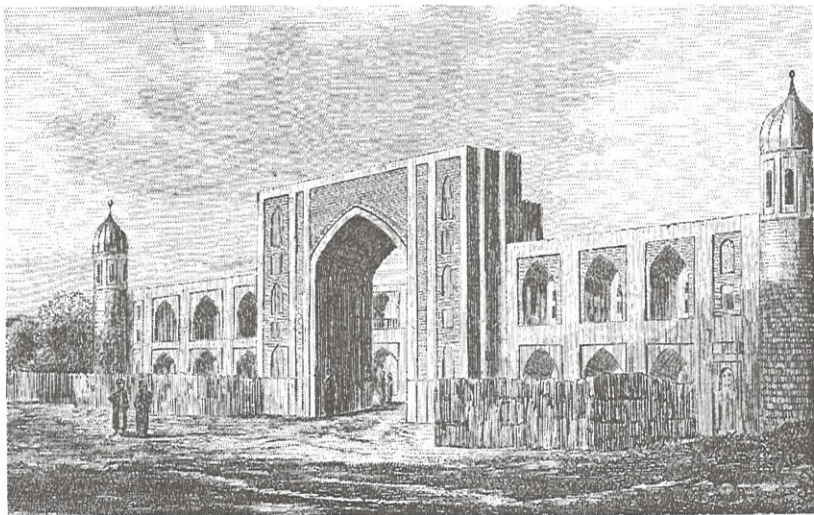
Условия формирования политической системы в Бухарском эмирате привели к созданию в нем в XIX в. специфичной политической культуры, которая заключалась в следующем.

1. Бухарский эмират представлял собой пестрое в этническом отношении государство. Преобладающим являлось тюрко- и ираноязычное население. К тюркам относились многочисленные народы, в настоящее время именуемые как узбеки, туркмены, киргизы, казахи, каракалпаки. Основными представителями региона, говорящими на иранском языке, являлись таджики. Разумеется, возможно рассмотрение систем управления отдельных народов. Но в данной работе, согласно указанной основной ее цели, дается общее описание политической культуры региона, состоящей из

множества отдельных компонентов. Это позволит сравнить по ряду показателей традиционные институты управления Бухары, Хивы и Коканда между собой.

2. Также к специфическим деталям относится сосуществование двух традиций в управлении: кочевников (тюрко-монгольская) и оседлого населения (иранская традиция доисламского и исламского периодов). Кочевые волны много раз захлестывали Среднюю Азию. Одно из последних крупных переселений было в XVI в., когда на территорию Междуречья приходят многочисленные кочевые племена из степей Дашт-и-Кипчака. В очередной раз происходят изменения на вершине властной пирамиды. Кочевники в течение короткого времени становятся правящим слоем, занимают ключевые должности в управлении. Они сливаются с местной знатью либо уничтожают ее. Имущественное и социальное положение простых кочевников постепенно опускается до уровня подвластного населения. В результате в XIX в. верховными правителями в трех ханствах становятся представители кочевых узбекских племен. Но в целом в управлении сохраняется традиция оседлых народов, поэтому, вероятно, при изучении специфики отдельных властных институтов среднеазиатского региона целесообразно привлекать в первую очередь сравнительный материал, касающийся преимущественно стран с многовековыми традициями оседлой культуры и принявшими ислам. В Бухаре традиции кочевников в государственном управлении проявляются, скорее, не в существующих там властных институтах, а в политике эмиров, основанной не только на мусульманском праве, но и на прежних степных обычаях. Например, даже бухарский эмир Шах-Мурад (1785—1801 гг.), получивший за строгое исполнение норм шариата и заботу о благочестии прозвище «безгрешный эмир», в начале своего правления «освободил жителей Бухары от подати, взимавшейся по числу домов, и дал им «грамоту на тарханство»», ссылаясь при этом на нормы степного права [Бартольд, 1963, с.281].

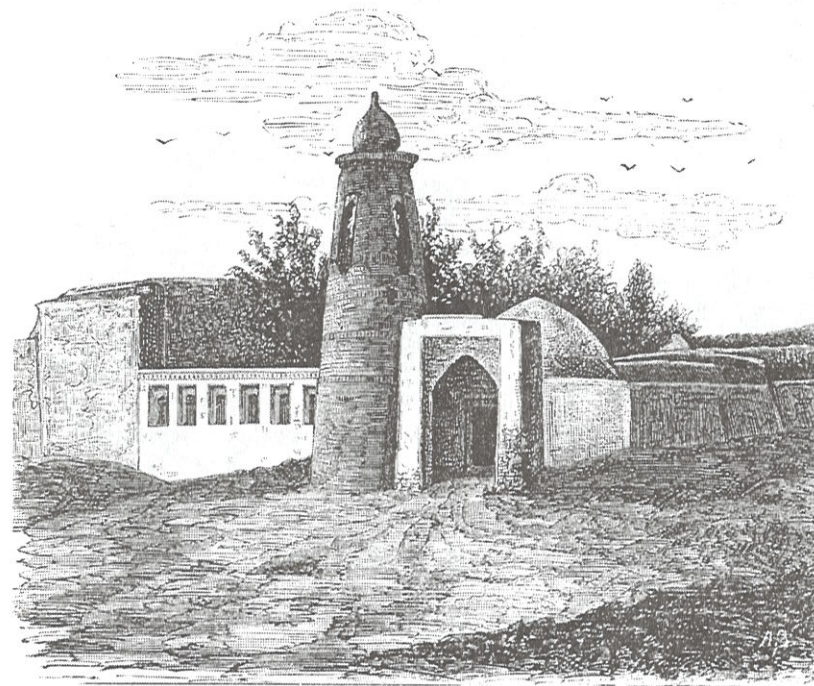
3. Как представляется, этнический фактор не является главным определителем специфики политической культуры данного региона. Ведущее значение приобретала хозяйственно-культурная ориентация населения в связи с сосуществованием оседлого и кочевого образа жизни. Следствием этого была оппозиция «кочевой—оседлый» и, соответственно, их соотношение в ханствах. Кочевые узбеки во время уже упоминавшегося крупного переселения в Мавераннахр в XVI в. захватывали культурные оазисы региона, сталкиваясь с оседлым населением. Ускорялся процесс взаимодействия двух культур. С одной стороны, происходило постепенное приспособление кочевой знати к системе верховной власти свергнутых Тимуридов, а с другой стороны, на низшем уровне управления у кочевников многое сохранялось, изменяясь по мере их перехода к оседлости. Возникла своеобразная

Ташкент. Медресе Бегляр-Беги
(с рис. Вележева, рис. на дер. А.Н. Нисченков, грав. К. Вейерман).

параллельность власти. Кочевники занимали большой удельный вес среди населения Хивинского и Кокандского ханств, поэтому с самого начала их образования присутствовала постоянная конфронтация верховной власти с туркменами и каракалпаками в Хиве, с киргизами и кипчаками в Коканде. Внешне создавалось впечатление, что стройная система управления в этих ханствах имела место лишь в столичных городах. В ряде работ авторов XIX в. высказывается точка зрения, что туркмены намного сильнее Хивы и давно бы от нее отмежевались, но им недостает единства и предводителя, например у Н.П. Иванова [1873, с.118].

Здесь следует сказать о так называемом этническом аспекте при назначении на должности: все должности в Бухарском эмирате, как правило, делили между собой оседлые тюрки и иранцы, определенное соотношение которых в администрации складывалось в правление каждого эмира. Причем вторым лицом в стране после эмира, принадлежащего к тюркоязычному племени мангыт, был, по сложившейся традиции, человек иранского происхождения. Иногда эмиры сами учитывали этническую принадлежность при назначении на должности, принимая во внимание прежде всего психологические особенности данного этноса. «Где более полезна покорность и преданность престолу, назначали добродушного и недалекого узбека, на ответственные же места, где нужен большой политический такт и осторожность — ловких и хитрых таджиков» [Семенов, 1902, с.973].

Мечеть подле Куня-Ургенча.

Наряду с двумя традициями в управлении (кочевой и оседлой) существовала сложившаяся параллельность в административном управлении отдельными регионами. На протяжении XVIII—XIX вв. площадь и границы Бухарского ханства, а также Хивинского и Кокандского постоянно изменялись вследствие частых войн. «Они меняли также часто свой вид, как и зыбучие пески, окружающие их», — писал об этом процессе Е.П. Ковалевский [Вальская, 1956, с.56]. Бухара подчиняет Гиссар, Дарваз, Каратегин; Коканд — Ташкент; Хива захватывает Кунград и т.д. Хотя в XIX в. ясно оформляются три ханства, но отчасти это формально. Сохранялась некая двойственность: власть столичных городов переплеталась с властью правителей ранее независимых от центра территорий.

4. Немаловажное влияние на специфику политической культуры оказывал религиозный аспект. Во-первых, в Средней Азии сформировался особый вид ислама, наложившийся на местные традиции региона. Во-вторых, в каждом ханстве отмечалось различное количественное соотношение людей, которые строго исполняли нормы, предписанные

мусульманской религией (как правило, оседлое население), и тех, которые являлись мусульманами только официально (в основном кочевники). Это сказывалось на влиянии духовенства во внутренней политике. Очевидно, в Бухарском ханстве оно играло большую и значимую роль в управлении, чем в Кокандском и Хивинском.

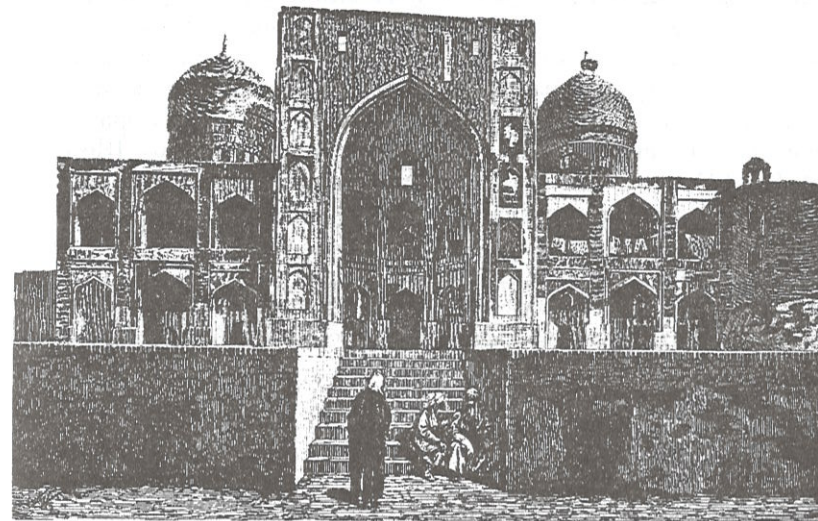
5. Также прослеживался и оказывал определенное влияние на формирование политической культуры заметный контраст «город— село». С одной стороны — высокоразвитая городская культура, с другой — многочисленные селения, где на первое место выходили иные, чем в городе, институты и методы управления.

Это лишь некоторые черты, которые определяли своеобразие политической культуры в каждом из трех ханств Мавераннахра. Следовательно, возможно рассмотрение политической культуры по крайней мере с двух позиций. С одной стороны, изучение так называемой официальной политической культуры. Оно включает описание структуры власти, обязанностей и функций отдельных ее компонентов, которые были установлены и отражены в законах. А с другой стороны, изучение реального правления различных властных структур. В данном случае Бухарское ханство, а также Хивинское и Кокандское дают в полной мере эту возможность. Все они официально жили по нормам мусульманской религии. Но в реальности действительные политические культуры, их специфика, вероятно, оказывались гораздо в большей степени отличными друг от друга, нежели ислам в этих ханствах.

Первоначально следует выделить политическое пространство, в котором находились институты управления всех уровней. Для более яркой его характеристики представим Бухару на фоне Хивы и Коканда. Можно говорить о своеобразной пирамиде трех ханств, на вершине которой стояла Бухара. Безусловно, это было закономерное явление по многим причинам.

Во-первых, это территория древней оседло-земледельческой культуры. Здесь были более устойчивы и ярко выражены традиции политической культуры. На протяжении многих веков система управления Бухары являлась своего рода образцом, на который, очевидно, впоследствии ориентировались и Хива, и Коканд.

Во-вторых, это один из центров мусульманского мира, а следовательно, науки и образования, «хотя правители Бухары давно уже уступили первенствующую политическую роль Великих калифов турецкому султану» [Духовская, 1913, с.13]. По классификации Г.В. Милославского, Мавераннахр является вторым центром ислама, т.е. территорией, подвергшейся влиянию данной религии на втором этапе арабских завоеваний. Стенные же и горные районы Средней Азии им отнесены ко второй периферии, куда ислам был привнесен не арабами,

Бухара. Остатки медресе Кекель-Таш.

а исламизированным ранее населением региона [Милославский, 1991, с.26].

Также через Бухарский эмират проходило множество торговых путей, т.е. оно служило своего рода связующим экономическим звеном между Хивой и Кокандом. Бухару знали повсюду, даже купцы различных областей Мавераннахра часто называли себя бухарцами в других землях, так как это было выгодно и престижно.

Можно выделить своеобразную временную иерархию трех ханств, т.е. постепенность их образования, где вначале идет Бухара, далее Хива, а затем Коканд. Аналогично представляется и силовая иерархия, включающая не только военную мощь, но и некую стабильность внутреннего развития. Здесь выделяется только Бухара, где отмечается более длительный срок правления отдельных ханов, а также, за рядом исключений, сохраняется традиция наследования верховной власти. Ф. Ефремов, странствовавший по Средней Азии в начале XIX в., дал такую приблизительную оценку увиденному: «Владетель Куканский (Кокандский. — О.С.) несравненно слабее (в десятеро) Бухарского, даже в двое против Хивинского... Владетель Бухарии довольно могущественен в сравнении с окружающими его землями и народами» [Странствование... 1811, с.97].

Иерархия ханств по своей сути может быть сведена к иерархии лидеров — правителей этих государственных образований. Неравенство верховных правителей ощущало и население данного региона. Так, будто бы эмир Бухары отвечал афганцам, хивинцам и другим соседям, желавшим, чтобы он начал войну с Россией: «Я сильно и не раз поплатился за то, что начинал войну. Вы говорите мне, что я старший, предлагаете мне стать во главе, так пусть же ваши ханы приедут ко мне да поклонятся и тем докажут мне мое главенство» [Носович, 1898, с.643]. В целом следует отметить, что все три ханства не были достаточно крепкими организмами. Можно привести слова М.И. Иванова, сказанные им о Хиве, которая «сильна больше слабостью своих соседей» [Иванов, 1873, с.62].

Подвести итог своеобразной иерархии трех ханств можно образным сравнением их систем управления: Бухара была подобна многовековому ветвистому дереву. Хива же и Коканд — словно огромная тень его пышной кроны, освещенной солнцем. Отдельные части тени в зависимости от падения солнечных лучей были где-то отчетливей и правильней, почти полностью походя на оригинал, где-то размытее и нескладнее. Также и отдельные ветви управления, ритуалы и церемонии, обычаи и политические символы Хивы и Коканда были более или менее сходны с бухарскими.

2. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО

Элементы политической системы, т.е. основные институты управления в Бухарском эмирате XIX—начала XX в., следует рассматривать в контексте с категорией политического лидерства. В зависимости от исследовательских подходов существует множество определений данного понятия. Это достаточно разработанная категория в политологии, которая располагает богатой историографией. Социальная антропология также внесла свой вклад в изучение лидерства, прежде всего в детальном описании форм и полномочий лидеров в Африке и Латинской Америке. Часто политическое лидерство представляют как «личностную способность влиять на политическое поведение и политическую деятельность людей, обусловленную системой социально-политических и психологических взаимоотношений и ориентаций в группе, организации, обществе» [Философия, 1993, кн. III, с.106].

Основные концепции политического лидерства могут быть разделены в зависимости от их теоретических обоснований на три группы [Политология, 1993, с.157—160]. Во-первых, лидерство как универсальный феномен человеческой деятельности, одинаково функцио-

нирующий во всех сферах общественной жизни (в политике, экономике, спорте и т.д.). Вторая группа концепций приравнивает лидерство к руководству и управлению. Достаточным и необходимым условием для него является формальное обладание властью, а деятельность лидера предстает как административная. И, наконец, третья группа рассматривает политическое лидерство как специфическое явление жизни общества, которое не сводится только к психологическим, экономическим или правовым принципам.

При этом лидерство существует на разных социальных уровнях, где выполняет специфические функции. Оно представляет собой институт, который включает население в решение социальных проблем в масштабах общества в целом. В зависимости от функций и содержания в механизме лидерства выделяется несколько блоков элементов. Один из них составляет государственный аппарат управления. Через механизм этой ступени политики разных уровней становятся обладателями должностных полномочий. Безусловно, необходимо отделять собственно политическое лидерство от функций должностных лиц. По-видимому, должностное лидерство является неотъемлемой частью политического лидерства. Ж. Блондель в своем произведении «Политическое лидерство: путь к всеобъемлющему анализу» приводит ставшее уже общепринятым разделение лидеров на две большие группы с точки зрения их влияния на общество — реальные лидеры и должностные лица, которые оказывали меньшее влияние на ход событий [Блондель, 1992, с.25]. В данном разделе рассматривается именно должностное лидерство в виде вертикали, состоящей из институтов управления нескольких уровней. На каждом из них ведущая должность представляла собой модель управления, сходную с ниже- и вышестоящими моделями. Сходство проявлялось в различных аспектах, что будет показано на протяжении всей работы при наличии подтверждающего фактического материала. Причем во властной вертикали делается акцент на главах политических институтов управления, т.е. выборных либо назначенных должностных лидерах на каждом из уровней иерархии. В Бухарском эмирате существовала предопределенность поведения и предсказуемость руководства лидеров всех рангов. Они должны были действовать не просто в рамках своих полномочий и принимать решения, не противоречащие законодательству, а управлять только в соответствии с положениями закона, постоянно находя в них подтверждение. Таким образом, не предпринималось серьезных нововведений, а свобода действий была ограничена, хотя не было и стремления ее расширить. Это не позволяло должностным лидерам какого-либо уровня власти, вплоть до верховного правителя эмирата, перерасти в политического лидера.

Перед непосредственным рассмотрением роли и места глав институтов управления следует сказать о концепции государственной власти в исламе. В Бухарском эмирате подавляющее число жителей исповедовало ислам суннитского толка. Классическое мусульманское право опирается на очень немногие нормы Корана и сунны, регламентирующие властные отношения. По сведениям Л.Р. Сюкияйнена, специалистом по мусульманскому праву, в основу концепции халифатского правления легли несколько предписаний Корана, а именно: требование консультироваться и принимать решения с учетом общего мнения, управление и решение споров по справедливости, подчинение посланнику Аллаха и лицам, обладающим властью [Сюкияйнен, 1987, с.46]. В подтверждение сказанному предлагаются три цитаты из Корана, в соответствующей последовательности [Коран, 1986, с.52, 64]. Сура III, 153/159: «По милосердию от Аллаха ты смягчился к ним; а если бы ты был грубым, с жестоким сердцем, то они бы рассеялись от тебя. Извини же их и попроси им прощения и советуйся с ними о деле. А когда ты решился, то положишься на Аллаха, — поистине, Аллах любит полагающихся!»; Сура IV, 61/58: «Аллах, поистине, повелевает вам возвращать доверенное имущество владельцам его и, когда вы судите среди людей, то судите по справедливости. Ведь Аллах — как прекрасно то, чем Он нас увещает! — ведь Аллах — слышащий, видящий!»; Сура IV, 62/59: «О вы, которые уверовали! Повинуйтесь Аллаху и повинуйтесь посланнику и обладателям власти среди вас. Если же вы препираетесь о чем-нибудь, то верните это Аллаху и посланнику, если вы веруете в Аллаха и в последний день. Это — лучше и прекраснее по исходу». Как видно, здесь не содержится информации о форме государственного правления, политическом режиме, конкретном руководстве по управлению населением.

Позднее богословами были сформулированы принципы организации и функционирования халифата на основе толкований Корана и сунны. Центральным институтом выступает глава государства — халиф. Он от имени общины осуществляет верховную светскую и религиозную власть, которая не является абсолютной. Сам он не имеет особых привилегий. Были выработаны требования, которым должен был соответствовать правитель, возможные способы его избрания, основные обязанности. Решающими же полномочиями наделялась община правоверных. В суннитской концепции важное место отводилось принципу совещательности в управлении. Это теоретические основы власти, сформулированные в средневековье, главное — было ли их реальное проявление. Естественно, в Бухаре XIX в., с учетом еще и местных условий исторического развития, ситуация была несколько

иная. Многие из полномочий халифа, такие как назначение и смещение чиновников и судей, сбор налогов, контроль за выполнением религиозных обрядов, защита границ от нападений врагов и т.д., действительно соблюдались верховным правителем эмирата. Специфика заключалась в механизме их осуществления. Первоначально рассмотрим статическое положение глав ведущих институтов управления, где лидером является должностное лицо.

В литературе представлена схема административного управления ханства, состоящая из четырех основных элементов: хан — *бек*, или *хаким* (глава округа), — *амлокдор* (глава области) — низшие органы управления [Кисляков, 1962]. Ею пользовались при рассмотрении патриархально-феодалных отношений среди оседлого населения. При анализе должностной власти в данной работе будет применена следующая схема из трех основных уровней. Во-первых, это макроуровень, включавший центральные институты власти. Во-вторых, мезоуровень управления. Он рассматривается как единый комплекс, сохранявший внутреннюю иерархию, так как при смене бексов одновременно менялись и амлокдоры, функции и методы управления которых очень сходны. И, наконец, микроуровень должностной вертикали, подразумевающий местное управление в городских кварталах и кишлаках. Данная вертикаль представляла центральный ствол, одновременно с которым существовали многочисленные параллельные линии. Это *кушбеги* (первый министр ханства, второе лицо государства) на макроуровне, выборные главы политических институтов бывших независимых от Бухары владений на мезоуровне. Наряду с официальными местными правителями, непосредственное влияние на население оказывали и бездолжностные авторитетные люди. То есть вместе с основными должностными лидерами находились своеобразные лидеры-двойники, действия которых по содержанию напоминали управление представителей основного ствола. Теперь более подробно о каждом из элементов властных уровней.

Макроуровень управления

Управление Бухарским эмиратом осуществлялось Государственным Советом во главе с эмиром и несколькими *диванами* (министерствами). В числе последних следует отметить диван, ведавший всеми административными и хозяйственными делами; диван финансов, занимавшийся учетом, сбором и распределением государственных доходов, в том числе налогов; военное министерство; диван *казия* (судьи) и др. Лицам, занимавшим должности в министерствах, присваивались соответственно гражданские (*мансаби наукари*), военные (*мансаби*

аскари) или духовные чины.* Отрывочные сведения о светских чинах имеются во многих источниках. Приведем данные Н.А. Кислякова, записанные им в 1959 г. в Гиждуване от информатора Кори Олима, много лет работавшего в бухарских канцеляриях. По его словам, в ханстве были следующие гражданские чины: 1) чехраокасы, 2) мирзобоши, 3) джевачи, 4) караулбеги, 5) мирахур, 6) токсаба, 7) ишикагабоши, 8) бий, 9) додхо, 10) инок, 11) парвоначи, 12) диванбеги, 13) кушбеги [Кисляков, 1962, с.37]. Названия чинов и их порядок совпадают с данными А.А. Семенова, за исключением самого низкого из них — бахадура и самого высокого — аталыка** [Семенов, 1954, с.64].

Военных чинов, по словам Кори Олима, было пять: дахбоши, чехраокасы, юзбоши, саркарда и лашкарбоши [Кисляков, 1962, с.37]. По сведениям А.А. Семенова, в ханстве было три духовных чина — урок, судур, садр [Семенов, 1954, с.59—61]. Как правило, почти все лица, имевшие военные чины, имели один из соответствующих гражданских чинов. Например, юзбоши мог быть одновременно в чине караулбеги или мирахура, а саркарда — в чине токсабы, ишикагабоши или бия [Кисляков, 1962, с.37]. К тому же лица, занимавшие ту или иную должность в системе управления, обычно получали и соответствующие чины, однако наличие у человека какого-либо чина не обязательно было связано с исполнением им должностных обязанностей. Чин мог быть ему присвоен по другому поводу.

Верховная власть в Бухаре, Хиве и Коканде принадлежала ханам. Они являлись представителями соответственно трех узбекских племен: мангыт, кунград и минг. В Бухаре последовательно сменяли друг друга три династии: Шейбанидов (1510—1599 гг.), Аштарханидов (1600—1753 гг.) и Мангытов (1754—1920 гг.). Среди последних особо выделяются: Шах-Мурад (1785—1801 гг.), Мир-Хайдар (1801—1826 гг.), Насрулла (1827—1860 гг.), Музаффар (1860—1885 гг.), Абдулахад (1885—1910 гг.) и последний правитель Алимхан (1910—1920 гг.). В период правления Абуль-Фейз-хана из династии Аштарханидов выдвигается один из представителей племени мангыт — Мухаммад-Рахим-бий, возведенный в звание аталыка столицы, к которому, по существу, и переходит управление ханством [Записки Мирзы-Шемса-Бухари... 1861, с.41—50]. При мангытской династии, просуществовавшей до падения Бухарского эмирата в начале XX в., завершается оформление прерогатив верховной власти, порядок наследования, ритуал смены правителя и т.д.

* Детальное рассмотрение чинов в Бухарском эмирате не является целью данного исследования.

** В названиях должностей и чинов в работе сохраняется орфография, приведенная авторами трудов.

Бухара. Эмир Насрулла (1827—1860 гг.)
(по Н.В. Ханькову [1843, с.225]).

Главы Бухары, Хивы и Коканда имели ханский титул, который был наследственным. Ханам являлись потомки Чингисхана, независимо от их роли в управлении. Возможно, не все основатели правящих в рассматриваемое время династий были ханами. Например, они могли являться просто племенными вождями. Однако позже во всех трех государственных образованиях центральная власть официально принимает ханский титул как подтверждение своего законного права на правление, т.е. представители правящих домов считались чингизидами.

Наряду с ханским титулом существовал титул эмира. В домангытский период бухарские ханы часто жаловали его главам племен или влиятельным лицам. По сведениям А.А. Семенова, «при Мухаммад-

Бухара. Эмир Музаффар (1860—1885 гг.)
(по В.В. Крестовскому [1887, с.1]).

Рахим-бие никто уже не стал носить этого звания, ибо оно с тех пор было присвоено только его особе» [Семенов, 1954, с.20], т.е. со второй половины XVIII в. этот титул начал связываться в основном с фигурой верховного правителя государства. Причем каждый из них, присваивая титул, мог придавать этому событию различный смысл. Так, Ахмад Дониш указывал, что Мухаммад-Рахим (1753—1758 гг.) вместо титула «хан» принял титул «эмир», подчеркивая, что он правитель только одной области, входящей в состав мусульманского государства [Дониш, 1967, с.130]. Но он и не был единоличным правителем Бухары, а являлся соправителем хана и аталыком столицы. После него мангыт Даниял Бий (1758—1785 гг.) также оставался еще соправителем аштарханидского хана Абдульгази.

Бухара. Эмир Абдулахад (1885—1910 гг.)
(по В.В. Крестовскому [1887, с.416]).

С 1785 г. верховное правление окончательно переходит к мангытам. Бухарский правитель Шах-Мурад также принимает титул эмира, полный вариант которого «эмир-эль-муменин» означает «повелитель верующих» [Записки о Бухарском ханстве, 1983, с.41], а ханство начинает именоваться Бухарским эмиратом. Вероятно, произошла исламизация власти сверху. Шах-Мурад восстановил также должность раиса [Вамбери, 1873, с.131], придавая всей администрации религиозный характер.* В соседних ханствах также отмечались случаи присвоения правителем себе этого титула. В Кокандском ханстве Омар-хан (1816—1821 гг.) объявил себя эмиром и

* Подобные действия аналогичны инициативам османских властей XVII—XVIII вв., когда султаны принимают титул халифа, всячески подчеркивая роль улама и факихов в управлении государством, что повышало роль духовенства в обществе и одновременно способствовало дальнейшему разделению светского и духовного в политической власти, отделению религии от политики [Пиотровский, 1987].

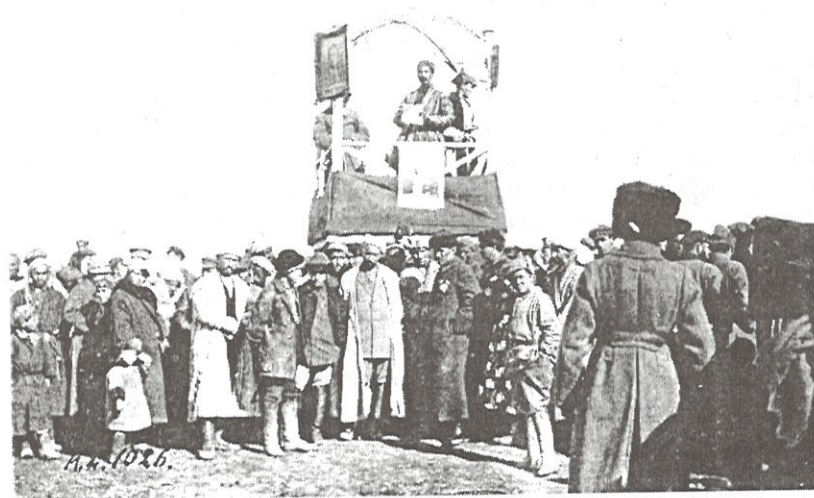
Бухара. Эмир Алимхан (1910—1920 гг.)
(из кн. «Хотираҳои Амир Олимхон». Душанбе, 1922).

«стал держать себя, подражая Чингизу и Тимуру» [Наливкин, 1886, с.76; Яковлев, 1946, с.32]. История принятия и значение титулов также указывают на переплетение кочевой и оседлой традиций в управлении. В результате установления протектората России над Средней Азией в дополнение ко всему Абдулахад получил от Николая II титул Его Высочество, а наследник эмира — титул Его Светлости [Путеводитель... 1903, с.292].*

* В данной работе термин «хан» и «эмир» используются в качестве синонимов верховного правителя.

Свержение эмира
(колл. МАЭ РАН, И-68-76).

Объявление от Ревкома.
(колл. МАЭ РАН, И-68-81).

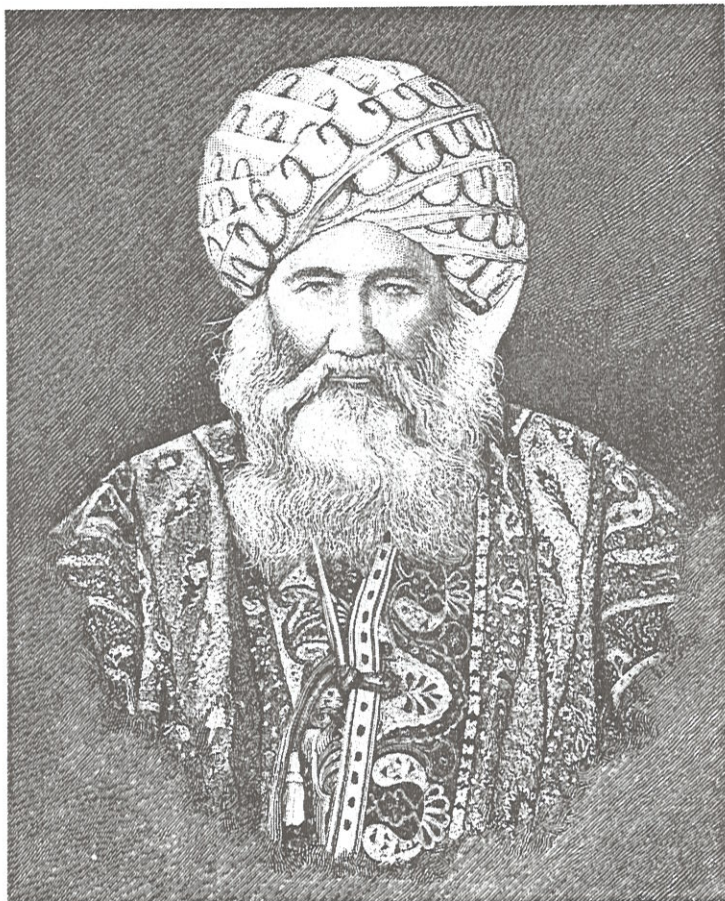

Восточно-Памирский Ревком
(колл. МАЭ РАН, И-68-80).

У хана было много и так называемых неофициальных титулов. Между собой чиновники называли его *джаноби али* (высочайшая светлость), *хазрати амир* (светлейший эмир) или просто «наше Солнце», избегая непосредственного упоминания имени правителя. Ведь имя также является одним из значимых символов власти. Например, в традиционной культуре таджиков относительно *касхудо* (глава семьи) «существовало табу на употребление его личного имени женой и детьми; жена обращалась к нему, называя его именем первого по времени рождения ребенка или адресовала ему выражение... “отец наших детей”» [Рахимов, 1995, с.146]. Вероятно, был определенный набор вокативных терминов, т.е. терминов прямого обращения как к верховному правителю, так и ко всем административным лицам остальных уровней властной иерархии. В прошениях, отчетах к хану часто обращались: «О опора для всего мира», «О покровитель» [Троицкая, 1969]. Как отмечал А. Борнс, при обращении к эмиру Бухары обычно употреблялось слово «газрат», произносимое мусульманами только тогда, когда они говорили о пророках [Борнс, 1848, с.472]. В народе в зависимости от проводимой верховным правителем политики его могли прозвать, например, *филькуш* (способный убивать слонов) или *мушпервер* (вскармливающий мышей) за благосклонность к беднякам и строгость к должностным лицам [Вамбери, 1867, с.164] и т.д.

Ханом мог стать, как правило, чингизид. В Бухаре такой порядок установился со времени Шах-Мурада, который отнес себя к потомкам Чингисхана, официально закрепив генеалогию. Это своего рода дань кочевым традициям, так как при нем же произошла исламизация власти. Опять — наличие и переплетение в управлении кочевого и оседлого элементов. Кокандские ханы также создали официальную генеалогическую легенду, связавшую их родословную с крупными предшествующими тюрко-монгольскими династиями — Чингизидами, Тимуридами, утверждая этим преемственность, законность и традиционализм политико-правовой идеологии. Таким образом, для правящей династии и для верховного правителя в частности, чтобы быть первым в ханстве, необходимо было постоянно подтверждать легитимность своего лидерства. Г.В. Милославский, отмечая особенности бытования мифа в сознании мусульман, писал, что информация воспринимается достоверно, если ее источник можно возвести к какому-либо реальному или мифическому авторитету, непосредственно включенному в иерархию идеальной модели мира [Милославский, 1991, с.51]. В данном случае происхождение ханов ведется от общеизвестных всемогущих правителей, т.е. наблюдается мифологизация власти сверху. По своей сути это сравнимо с мифологической концепцией власти, характерной чертой которой является догматическое утверждение ее сверхъестественного происхождения: корни земных порядков и законов заложены в космическом миропорядке, они передаются правителю государства. Только в ханствах Мавераннахра генеалогия была выстроена от реального исторического деятеля. Теоретически каждый в Бухаре, удовлетворявший условию принадлежности к чингизидам, имел возможность вступить на престол, причем происхождение по женской линии не отстраняло претендентов. В большинстве случаев действовал сложившийся обычай наследования власти старшим сыном хана.

Правитель Бухарского эмирата являлся главой светской и духовной власти. Он обладал самым широким кругом должностных полномочий по сравнению с любым другим жителем эмирата, но отнюдь не всездозволенностью. Главное, что официально он единственный имел право на жизнь и смерть по отношению к своим подданным, а также право на имущество населения. Недаром в источниках бухарский правитель всегда выступал как владетель эмирата. Отдельными сферами общественной жизни ведали различные ведомства. Их полномочия и круг обязанностей отличались в каждом из ханств Мавераннахра. Например, в Бухаре право непосредственного разбора дел и жалоб было предоставлено судебному ведомству, в то время как в Хиве в середине XIX в. этим занимался сам хан [Губаревич-Радобильский, 1905, с.190].

Бухара. Кушбеги Мулла-Магомет-Бий (при эмире Музаффаре)
(по В.В. Крестовскому [1887, с.289]).

Исключительно главе государства принадлежали такие привилегии, как молитва о нем в мечетях и обозначение его имени на монетах. По сведениям Мирзы-Шемса-Бухари, бухарский эмир Шах-Мурад не допускал, чтобы имя его упоминалось в хутбе или изображалось на монетах на том основании, как он говорил, что «мы не царского рода, предки наши простые Узбеки» [Записки Мирзы-Шемса-Бухари... 1861, с.53]. Эмир выступал в роли главнокомандующего и объявлял всеобщий призыв, хотя лично возглавлял войска только в особых случаях, например, в кампании Бухары против Шахрисябза [Аминов, 1873] и др. В большинстве же походов он делил военные полномочия

с сановником, известным своей храбростью и знанием военного дела, который сохранял власть главнокомандующего только во время кампании.

На вершине властной пирамиды наряду с фигурой верховного правителя особого внимания заслуживает также первый министр, являвшийся вторым лицом после хана. Это так называемая параллельная линия в макроуровне управления. Безусловно, справедливо отмечал А. Дониш, что «процветание государства зависит от проницательности, твердости характера и мнений вазира. Если вазир безрассудный, то такое государство впору оплакивать» [Дониш, 1967, с.42]. Значение *кушбеги* возросло до уровня премьер-министра только при мангытах. До этого «сокольничий», или «великий ловчий», занимался, в основном, своими прямыми обязанностями, отраженными в названии его должности. Как и хан, он вместе с семьей жил в арке и пользовался большой властью, которая в определенные периоды то усиливалась, то ослабевала в зависимости от желания хана. Министр был постоянно подле хана, словно тень. Один из них даже говорил: «Я то же, что и эмир» [Борнс, 1848, с.415]. Если правитель выезжал из дворца, «сокольничий» обязан был занять специальное место в воротах и сидеть до его возвращения, символизируя таким образом верховную власть в государстве. Он не имел права покидать арк без разрешения эмира, как и *топчи-баши* (начальник артиллерии бухарской армии). По сведениям А. Семенова и Н. Ханькова, если кушбеги сидел в воротах арка, то топчи-баши занимал место внизу его, в отсутствие же министра он сидел на его месте [Семенов, 1954, с.59; Ханьков, 1843, с.189]. Это напоминало роль хозяина дома, который в период торжества занимал место у входных ворот, встречая и приветствуя гостей. Этот древний обычай стал основой для мифологизации власти снизу, в отличие от подобных действий, которые предпринимались представителями управления для достижения конкретных целей с помощью мифа, созданного ими. В народе говорили, что в цитадели кушбеги хранятся драгоценности, серебряные вещи, оружие, подаренные эмиру другими правителями и разными посетителями. Однако люди не видели этих сокровищ. Эмир же поручил их хранение кушбеги, который по этой причине и не отлучался из дворца [Мозер, 1888, с.45].

В период правления мангытской династии в Бухарском эмирате сложился обычай, согласно которому должность кушбеги занимал человек иранского происхождения. О.А. Сухарева отмечала, что уже при Мухаммад-Рахиме, являвшемся аталыком при эмире, на посту кушбеги был перс Давлетбий [Сухарева, 1966, с.164]. Эмир Насрулла, как известно, сознательно стремился принизить господство узбеков в высшем управлении и на многие должности назначал происходивших из рабов персов. При нем кушбеги

сделался первым министром. Эмир назначил на эту должность бывшего раба, не имевшего в эмирате родственников и, благодаря этому, способного управлять делами государства независимо от их влияния и с меньшей потребностью к обогащению. Причем, кушбеги был шиитом, т.е. в данном случае, вероятно, проявилась одна из основополагающих в догматике и социальной доктрине ислама концепция о единстве всех мусульман независимо от национальных и социальных различий. Должность министра могла быть наследственной — действовал принцип назначения одного из сыновей преемником. При Насрулле вторым после эмира был перс, уроженец Табриза, при Абдулахде это место занимал купленный самим эмиром раб Джонмирзо. Позже на посту кушбеги был также происходивший из рабов Аббос, после него — его сын Остонакул, последний министр из персов [Сухарева, 1966, с.164]. Лишь после столкновений суннитов и шиитов в 1910 г. на должность кушбеги вновь стали назначаться узбеки.

В Бухарском эмирате премьер-министр являлся беком столицы и ее округа. Управление городом он обычно передавал своему помощнику, которым зачастую становился его сын, т.е. большую роль играла практика в управлении перед занятием основной должности. Сложившаяся ситуация привела к тому, что значительная часть административных должностей в эмирате отдавалась людям иранского происхождения. Таким образом, на вершине пирамиды власти стояли люди, представлявшие различные этнические общности Бухары.

Похожая картина прослеживается и в Хиве. По заключениям Е. Килевейна, во время правления Сейид-Мухаммед-хана (1856—1864 гг.) к высшим должностям допускаются сарты, а число узбеков, занимающих их, уменьшается. Но место кушбеги занимал узбек [Килевейн, 1861, с.105]. О статическом должностном положении в макроуровне управления можно сказать, что хан, безусловно, являлся лидером, первым человеком в государстве. Но то, насколько он действительно был таковым и хотел им быть, отражалось в объеме власти, концентрировавшейся в руках кушбеги, министров и назначаемых чиновников.

Мезоуровень управления

Теперь следует подробнее остановиться на мезоуровне управления в Бухарском эмирате. В нем выделяются две составляющие — ядро и периферия. В ядро входили районы государства с устоявшейся системой управления. Периферия представляла собой присоединенные на протяжении второй половины XIX в. значительные территории, которые ранее являлись независимыми владениями. В них вводились бухарские порядки, которые сочетались с остатками прежних местных форм управления. Рассмотрим сначала ядро мезоуровня.

В основе управления эмиратом лежал территориальный принцип. В столице государства, городе Бухаре, было сосредоточено центральное управление во главе с эмиром. Вся территория делилась на более мелкие единицы. Самыми крупными из них были округа, где должностными лидерами являлись их правители — беки. Центрами округов были крупные города, в которых жили беки со своим окружением. Зачастую все управление сосредотачивалось в одном городском квартале. Например, в квартале Дарвозол Тебалая города Куляба находилась резиденция бека, а также дома для приема гостей. Здесь же жили видные представители духовенства, казий Кулябской области, раис со своими помощниками [Колпаков, 1954, с.74].

Необходимо подчеркнуть, что количество бекств в эмирате варьировалось. В среднем их насчитывалось около тридцати. Безусловно, количественный фактор зависел в первую очередь от воли эмира, у которого были причины принятия им того или иного решения. Ему нужно было обеспечить поддержку во всех регионах эмирата. Одной из основных причин появления новых округов, по-видимому, являлась защита от внешних врагов, угрожающих могуществу верховной власти и целостности государства. Так, в Бухаре в 70-е годы XIX в. из состава Чарджуйского бекства в особые провинции были выделены Кабаклинское, Бурдалинское и Наразымское бекства с целью иметь более сильную власть в Амударьинской долине, устранить раздоры между туркменскими племенами правой и левой стороны реки и предотвратить их набеги на внутренние районы эмирата, по данным Быкова и Архипова [Очерк долины Аму-Дарья... 1880, с.15; Военная рекогносцировка... 1884, с.209]. Вероятно, на суммарную цифру округов влиял также личностный фактор, т.е. эмир вполне мог выделить отдельные территории управления для конкретных, значимых в государстве людей, а после ликвидировать или перераспределить их.

Отмечалось также различие и в территориальных площадях, занимаемых тем или иным бекством. Этот вопрос также находился в ведении эмира. Вместе с возможными политическими и экономическими причинами здесь уже очевидным становилось значение человеческого фактора. Например, учитывался чин назначаемого правителя округа. Так, капитан Лилиенталь, посетив в конце 80-х годов XIX в. Гиссарское и Кабадианское бекства, отметил, что в Гиссарском крае управляет дядя эмира, который недавно получил чин *аталыка* (аталык — один из высших чинов в бухарской служебной иерархии, давался редко, и самому почетному и уважаемому лицу, в знак особого расположения эмира), вследствие чего, согласно его новому положению, было расширено Гиссарское бекство [Гиссарское... 1894, с.315]. Также немаловажным была степень доверия эмира к назначаемому им беку, что приводило к

уменьшению или увеличению территории, т.е. отражалось на большей или меньшей доходности должностного места. К тому же, в результате борьбы за власть между беками перекраивались размеры подчиненных им территорий.

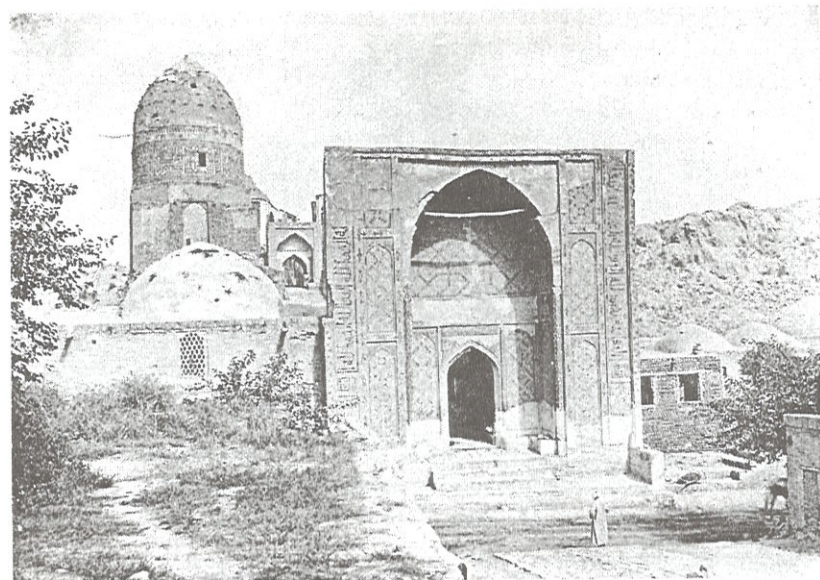
В зависимости от вариативности количества и площади бекств существовали две ярко выраженные иерархии правителей округов. Первая, так называемая «горизонтальная иерархия», которую, в свою очередь, можно разделить на два направления, в какой-то мере взаимосвязанных между собой. Во-первых, деление занимаемых должностей по степени престижности бекства. Например, место самаркандского бека считалось одним из самых почетных во всем Бухарском эмирате. Вероятно, это было связано с представлениями о Самарканде как о бывшем символе верховной власти и столице великих Тимуридов, где располагался знаменитый трон Тимура. Каршинским бекством управлял, как правило, наследник эмира. В Чарджоу назначались весьма знатные люди либо с большими связями, либо дети самого эмира или важных сановников [Ухтомский, 1891, с.185].

И, во-вторых, это деление бекств по уровню доходности, о чем ярко свидетельствуют многочисленные примеры приемов у беков. Так, Кабадианское бекство было достаточно бедным и правление в нем являлось обычно началом карьеры [Рожевиц, 1908, с.615]. Таким же являлось и Кургантюбинское бекство, по характеристике П. Гаевского, чего нельзя сказать, например, о Кулябском или Гиссарском краях [Кисляков, 1962, с.52].

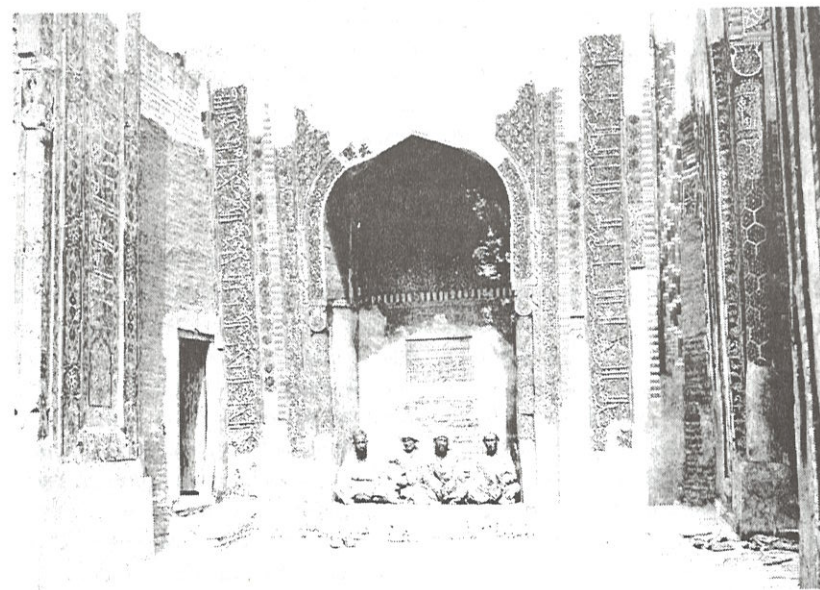
И вторая, так называемая «вертикальная иерархия», отражающая подчиненность беков между собой. Так, «в Магиане и Кштуте избирались особые беки, но тем не менее места эти всегда принадлежали к Ургуту и беки остальных округов признавали ургутского бека за старшего» [Федченко, 1873б, с.68].

Существовали те же иерархии бекств между сыновьями эмира. Как уже отмечалось, наследник обычно правил в Каршинском бекстве. В.В. Крестовский в воспоминаниях о пребывании в Бухаре во второй половине XIX в. описывал прием у Чиракчинского бека, которым тогда являлся один из сыновей верховного правителя. Члены посольства заверили его, что при удобном случае замолвят перед эмиром словечко о хорошем приеме в Чиракчи и впечатлении, которое произвел на них бек. Он же «тогда авось-либо может рассчитывать и на милостивое повышение в должности, в роде перевода на более видное и выгодное бекство» [Крестовский, 1887, с.104].

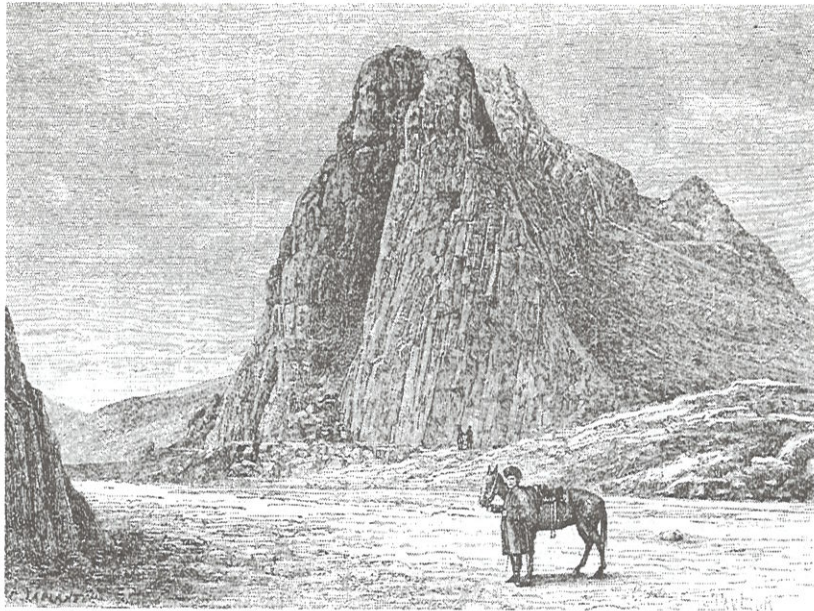
Остается открытым вопрос, кто реально правил в таких бекствах. Необходимо учитывать влияние советников, так как сыновья назначались беками в достаточно молодом возрасте. Отмечены и варианты

Самарканд. Вход в Шах-Зинда
(колл. МАЭ РАН, И-512-155).

Самарканд. Развалины мечети в Шах-Зинда
(колл. МАЭ РАН, И-512-157).

Тамерлановы ворота близ г. Самарканда
(рис. Тайлор, грав. Лаплант).

соуправления. О.А. Сухарева привела сведения Б. Литвинского, побывавшего в Карши в конце XIX в. Он отмечал, что наряду с наследником там правил еще бек, ведавший сбором налогов [Сухарева, 1958б, с.111]. Неизвестно, каким образом делилась власть и доходы между двумя беками, и было ли это обычной практикой или зависело от конкретного случая.

Должностной лидер округа назначался эмиром и подчинялся только ему. Его полномочия в крае были очень широкими, единственное, он не имел права лишать кого-либо жизни, хотя на практике зафиксированы подобные случаи. По своей роли бек в округе являлся тем же, кем эмир в государстве. Он представлял там высшую власть. В руководстве населением и сохранении общественного порядка он опирался на представителей специальных ведомств. Основная задача бека состояла в обеспечении сбора налогов на вверенной ему территории и пополнении тем самым ханской казны. Для ее выполнения использовались любые средства, которые могли выходить за рамки должностных полномочий и могли повлиять на дальнейшую карьеру. Казий Шаара говорил: «Мы, бухарцы, если становимся правителями какого-либо города, то совершенно забываем обо всем, что касается области и ее населения,

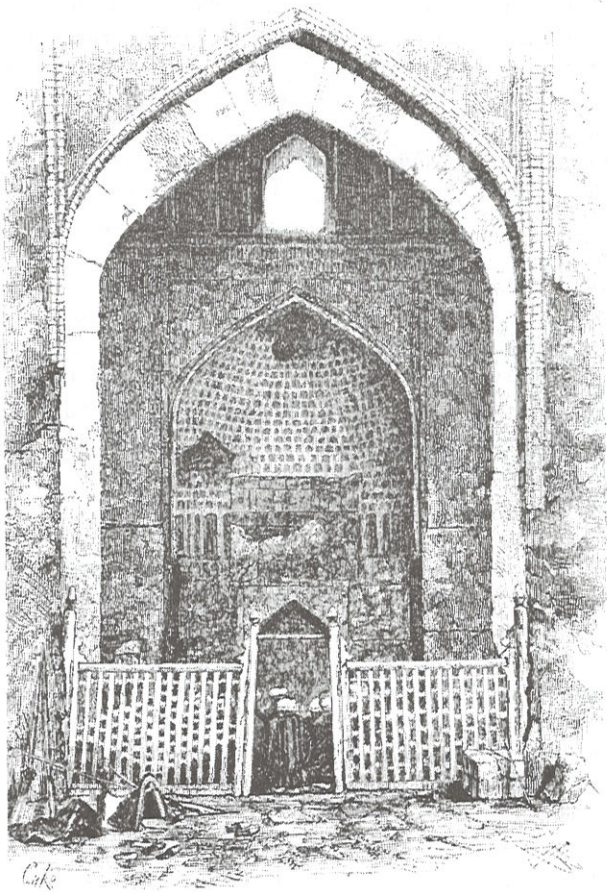
даже о боже редко вспоминаем, а все свое время употребляем на то, чтобы заслужить расположение эмира» [Абд-ур-Рауф, 1913, с.76]. Большинство несправедливых действий оставались безнаказанными, за них спрашивали разве что на Божьем суде. В одном из преданий в «Сиасет-намэ», книге о правлении вазира XI в., говорится, что «на страшном суде у тех, кто имел власть над народом, руки будут связаны на шее, если был справедлив, правосудие развяжет его руки и он отправится в рай, если был несправедлив — со связанными руками бросят в ад» [Сиасет-намэ, 1949, с.14].

В случае отъезда бека из округа обязанности принимал обычно его сын. Например, известен факт, когда самаркандский бек был назначен главнокомандующим армией. На это время его место занял сын, являвшийся тогда *мирахуром* (заведовал лошадьми) эмира [Татаринов, 1867, с.70]. Как и на макроуровне властной вертикали, здесь также уделялось большое внимание практике управления. Сын бека либо помогал отцу в городе, либо назначался в одну из подчиненных беку областей, чтобы впоследствии, накопив опыт, самому получить место в одном из округов.

Бекства, в свою очередь, также делились на административные единицы. Во главе областей стояли амлокторы, назначаемые беком и подчинявшиеся ему. У них были сходные с беком функции, основная из которых — административно-податная. Амлокторы отвечали за сбор налогов перед беком. Ряд очевидцев среднеазиатских событий XIX в. были абсолютно уверены в том, что беки вели особые книги, в которых подробно регистрировалось «все, касающееся населения и процветания страны», но сами они отказывались это подтвердить [Грулев, 1909, с.210]. Так как это были более мелкие по площади единицы управления, они подвергались еще большим территориальным изменениям по воле правителя округа.

Причины переделов походили на ханские по отношению к бекствам. А.Е. Снесарев напрямую связывал количество областей с числом привезенных беком придворных: «...будет их много, получится много амлякдарств... иной бек, отличаясь жадностью и недоверием, стремится все сохранить в своих руках и несколькими амлякдарствами... старается управлять лично сам» [Снесарев, 1906, с.72]. Безусловно, на первом месте стояла экономическая заинтересованность правителя округа. Как отмечал Н.А. Маев [1875, с.55], Кассан являлся пригородом Карши, а имел отдельного амлоктора, так как это был большой торговый кишлак, доходы от которого шли на дастархан каршинскому беку. Таким образом, для амлокторов была характерна именно доходная иерархия, а престижность управляемых территорий отходила на второй план.

Необходимо отметить, что существовали амлокторства, подчинявшиеся непосредственно эмиру. Возможно, такое положение

Мечеть Кон-Гумбаз в Ура Тюбе
(с фотогр. кап. Кривцова, рис. А.К. Бегтров, грав. Л.А. Серяков).

являлось не постоянным, а временным. О 70-х годах XIX в. сообщалось, что в Бухарском эмирате Дербентское, Сарыджуйское и Файзабадское амлокторства Гиссарского края находились вне бекств [Кисляков, 1962, с.54], хотя позднейшие авторы говорили об обратном. Аналогичные сведения имеются и в отношении Кокандского ханства, в котором независимо от бекств существовало несколько селений, управляемых самостоятельно поставленными ханом сборщиками податей, преимущественно из бывших рабов [Кун, 1880, с.54]. Таким образом, реальная ситуация административного деления в ханстве была достаточно пестрой, и количество должностных лидеров варьировалось в мезоуровне.

А на внутреннее содержание территориального принципа управления влиял личностный фактор, который не позволял оставаться в стороне от руководства многим людям, занимавшим высокое социальное положение.

Следует также остановиться на периферии мезоуровня управления, где затрагивается не только статическое положение должностного лидера, но и механизмы его появления и взаимодействия с другими структурами. К периферии относились в основном районы Восточной Бухары, являвшиеся ранее независимыми владениями. Информация о системах управления в данном регионе достаточно ограничена из-за труднодоступности горных районов для исследователей XIX в. и вхождения в состав эмирата только со второй половины XIX столетия. Поэтому отмечаются лишь общие черты должностного лидерства.

До присоединения к Бухаре для этой территории была характерна пестрая, непрерывно изменяющаяся политическая ситуация, которая выражалась в постоянном переподчинении и зависимости отдельных регионов как друг от друга, так и от соседних Бухарского и Кокандского ханств. Это происходило с различными по площади независимыми районами. С одной стороны, множество видов соотношений крупных владений. Например, А.Е. Снесарев отмечал [1906, с.45], что в период правления Измаила-ша (1845—1863 г.) Дарваз обратил в наместничество Каратегин и Шугнан, сделав ненадолго своим данником Куляб, «в другие времена более счастливыми были другие государства». С другой стороны, мелкие бекства, например, района Когистана: Фальгарское, Матчинское, Ягнобское, Фанское, Кштутское и Магиано-Фарабское. Находясь в экономической зависимости от окружающих государств, они попадали и в политическое подчинение. По сведениям капитана Генерального Штаба Лилиенталя, Фальгар нуждался в хлебе Ура-Тюбе или Самарканда, а сам сбывал в эти города скот, вследствие чего подчинялся правителям Ура-Тюбинского или Самаркандского бекств. Матча попадала в зависимость от Каратегина, Фан и Ягноб — от Гиссарского бекства. Иногда вся горная страна подчинялась Бухаре [Кухистан... 1888, с.38]. Бухарское и Кокандское ханства постоянно делили между собой управление соседними территориями.

В конце XIX в. многие районы, один за другим, в том числе и Восточная Бухара, теряют независимость и попадают под власть бухарского эмира: Шахрисябз — с 1870 г., Гиссар — с 1875 г., Дарваз, Каратегин и Куляб — с 1877 г. и т.д. Переход осуществлялся постепенно. Первый этап заключался в установлении вассальной зависимости, что выражалось в абсолютном сохранении там прежней системы управления. Лишь ежегодно правители посылали подарки эмиру, который, в свою

очередь, также одаривал их. Зависимость могла проявляться еще и в утверждении или назначении эмиром местного правителя. Так, на протяжении XIX в. вассалитет над Каратегином переходил то к Бухаре, то к Коканду. В 1870 г. Каратегин попадает в ведение бухарского эмира, который назначает в ней нового правителя с сохранением его прежнего титула [Костенко, 1880, т.3, с.294]. Аналогичная ситуация складывалась и в Ура-Тюбе, оказывавшемся в разное время под властью какого-либо из ханств. Однако и Коканд, и Бухара придерживались сложившейся там традиции управления и назначали правителей из племени юз, в противном случае представители других династий воспринимались населением как незаконные, и над ними нависала угроза быстрого свержения. [Мухтаров, 1964, с.22—24].

Правителями в Восточной Бухаре были шахи, носившие титул «ша», означавший «благородный». Почти все они возводили свой род к Александру Македонскому. Могли даже приводиться конкретные свидетельства, подтверждающие легитимность правления. Так, в Дарвазе были обнаружены две каменные чаши, которые, согласно версии местных привилегированных мусульман, сделали дэвы по велению Александра Македонского. По мнению же простого населения, чаши изготовил двести лет назад выходец из Кашгара, чтобы толочь и растворять в них краски для окрашивания тканей. А.А. Семенов, записавший предания, отмечал правдоподобность второй точки зрения, ведь эта часть Дарваза славилась своими хлопчатобумажными тканями [Семенов, 1903, с.16—17]. Наряду с легендой о знаменитом царе и полководце существовали и другие легенды о происхождении шахов. По одной из них выходцы из Бадахшана братья Какаха утвердили свое господство в Дарвазе. Они захватили также Вахш, Хуталаян, Рог, Гиссар, Каратегин и Рушан. Именно от них будто бы пошел род дарвазских шахов [Латыпов, 1957, с.93].

Второй этап потери независимости был ознаменован присоединением к Бухарскому эмирату. Внешне немного изменялась существовавшая в области система управления, причем в своем новом виде она оказывалась различной в каждой из них. Основные изменения проявлялись в том, что бывшие независимые владения переходили в категорию бекств с назначаемыми туда из столицы правителями. Устанавливалась характерная для Бухары властная вертикаль (хан—бек—амлокдор), состоящая из непрерывной цепи центральных назначенцев. Судьба прежних правителей складывалась по-разному. Например, бывшие руководители Шахрисябза, которых, как правило, было двое, теперь жили при эмире в Бухаре, а их место занимал назначенный бек. По данным полковника Галкина, в подвластных Шахрисябзу городах были также поставлены столичные чиновники [Краткий очерк... 1890,

Улица в Ходженте
(с рис. Верещагина, рис. на дер. Н.И. Соколов, грав. Л.А. Серяков).

с.49]. Дарвазский шах Сераджетдин-ша был заключен в бухарскую тюрьму. Однако после смерти эмира Музаффера и восшествия на трон Абдулахада он был отпущен на свободу и получил должность в административном аппарате [Кузнецов, 1893, с.6].

Параллельно с нововведениями сохранялась роль прежних институтов управления. Наряду с назначаемыми амлокдорами выбирались шахи из родовой аристократии, по мнению Д.Н. Логофета, с такими же обязанностями [Логофет, 1911, т.2, с.359]. Шах утверждался беком и занимал должность до тех пор, пока им было довольно население. Следовательно, при смене амлокдоров шахи, как и аксакалы, оставались. Необходимость новых выборов возникала в случае, если шах по каким-либо причинам переставал устраивать население, которое, явившись к нему, могло произнести символическую фразу типа: «Выходи, ша, мы тебя не желаем» [Логофет, 1911, т.1, с.240]. Очевидно, что перевыборы случались крайне редко и человек исполнял обязанности вплоть до своей смерти. В конце XIX в. должность предстает уже как наследственная. Согласно одному из исследовательских объяснений, в рассматриваемое время в связи с малочисленностью людей с титулом «ша» на огромной территории после смерти старого шаха, как правило, выбирали его сына [Логофет, 1911, т.2, с.359].

Общее правило назначения беков действовало в ханстве не повсеместно, что составляло специфику управления в отдельных регионах. Например, должность бека в Кулябе являлась наследственной [Крестовский, 1887, с.158], а в Шахриябзе — выборной [Федченко, 1950, с.141].

Таким образом, на территории бывших независимых владений сосуществовало две ветви власти — центральная и местная. Сохранялась сущность политической системы, изменилась лишь ее оболочка. Назначаемые чиновники не меняли принципов управления в этих землях. Они в основном контролировали местных правителей в делах, касавшихся сбора налогов, т.е. имела место та же вассальная зависимость в форме обязательных ежегодных подношений бухарскому эмиру. К тому же, чем дальше от столицы, тем центральная власть была слабее. Там беки управляли своими округами почти независимо от эмира. И.И. Гейер сообщает [1901, с.27] о том, что в ряде случаев сами бухарские беки не подозревали о существовании многих разбросанных таджикских селений в верховьях Пянджа, Вахша и Кафирнигана. Большая часть жителей Восточной Бухары никогда не видела эмира и знала о его существовании только по налогам, собиравшимся беком, и «мало чувствовала силу его власти» [Матвеев, 1888, с.1].

И тем не менее сохранение активной местной власти и присутствие столичных чиновников, а также естественная их борьба за власть создавали определенную напряженность политической ситуации в регионах. Нередко это приводило к вооруженным конфликтам между ними. Отмечены многочисленные попытки возврата к прежнему режиму. Например, в период правления эмира Музаффара зафиксирован следующий факт: перебив стражу и арестовав бека, и тем самым уничтожив следы бухарской власти, народ избрал беками в Шааре — Хаким-бека, а в Китабе — Джура-бека [Кун, 1880, с.36] и т.п. Были случаи, когда эмир вновь возвращался только к местной основе самоуправления и отказывался от назначения столичных чиновников. Так, в Локае, где жили могущественные племена узбеков-локайцев, в 80-е годы XIX в. был убит первый назначенный туда бек. Безуспешными оказались и последующие попытки отправления в регион новой администрации. В итоге бухарский эмир решил изменить свою политику в отношении Локая и назначил правителем главу исанходжинского племени, а подчиненными ему должностными лицами — местных влиятельных людей и духовенство [Ильютко, 1929, с.47]. Иногда население некоторых областей, избавившись от чужой власти, приходило к выводу, что внешнее управление для них даже более приемлемо. Его результатом являлось уменьшение межплеменных и родовых распрей, вызванных стремлением к главенству в регионе. Например, по этой

Враждебные России Беки
(рис. Н.Н. Каразин, грав. Л.А. Серяков).

Отряд по борьбе с басмачеством (1932 г.)
(колл. МАЭ РАН, И-1035-10).

причине жители Когистана попросили вернуться бежавшего из региона бека, напуганного наступлением русских на Самарканд. По сведениям Либиенталия, матчинцы обращались к каратегинскому правителю с просьбой назначить к ним для управления бека [Кухистан... 1888, с.39].

Таким образом, Бухарский эмират дает пример сохранения в большей или меньшей степени традиционных властных институтов во вновь присоединенных во второй половине XIX в. владениях. Общий принцип и форма управления этими территориями находились на стадии формирования. Процесс остался незавершенным в связи с потерей независимости самого Бухарского эмирата. Здесь, по-видимому, присутствовали элементы прямого управления, связанные с делением данных районов на округа и области по образцу остальных регионов Бухары и с назначением в них чиновников из столицы, а не из местного населения. Но в основном имела место косвенная система управления, так как наряду с нововведениями сохранялась действующая прежняя структура власти, контролируемая центром. Подобное управление в целом напоминало колониальную политику России в отношении отдельных регионов Средней Азии. Специфика же мезоуровня управления в Бухаре, выраженная в описанной выше параллельности существования политических институтов, а также иерархия беков и амлокторов по различным категориям дает тем самым и четкую картину иерархии не просто должностей, а, прежде всего, соотношенность между собой конкретных людей, ставших руководителями областей и округов по назначению свыше или в результате выборов. Им необходимо было различными способами доказывать соответствие занимаемым постам. Шахи присоединенных территорий оказывались как бы «новыми лидерами» в эмирате, своего рода конкурентами на власть не только бекам и амлокторам по сходным с ними полномочиям, но даже и эмиру по своей значимости для населения, так как именно шахи являлись истинными и законными правителями для населения.

Микроуровень управления

Микроуровень властной вертикали представлял собой местное управление, где ведущую роль играли уже выборные руководители, а не назначаемые из столицы. Главное место в управлении населением начинают занимать не политические, а потестарные институты. Необходимо особо отметить институт *аксакалов*, так как он являлся низшим звеном вышеописанной должностной вертикали во главе с верховным правителем эмирата, а также посредником между населением и политической властью.

Аксакал стоял во главе городского квартала или кишлака. Квартальные аксакалы подчинялись одному или нескольким городским аксакалам. Квартал являлся основной административной единицей в городе. Обычно он представлял собой улицу с выходящими на нее домами. Соответственно, жители входили в квартальную общину, основанную в первую очередь по территориальному, а не этническому принципу. В Бухарском эмирате квартал назывался *гузаром* или *махалля*. По данным О.А. Сухаревой [1965, с.101—104], в таком значении термин «гузар» утвердился с XVII в. и был распространен на территории западной части государства. Термин «махалля» использовался здесь для обозначений городских пригородов или изолированных частей города. В восточных же районах эмирата он закрепился в качестве определения кварталов. Иногда кварталы объединялись в более крупные административные группы, называемые *роат*. В роаты входило различное число кварталов, жители которых участвовали в совместных общественных и семейных обрядах друг друга [Турсунов, 1967, с.26].

Часто двумя-тремя кишлаками руководил один аксакал, или, наоборот, в одном селении их могло быть несколько, по мнению большинства исследователей, из-за больших размеров кишлака [например, Кисляков, 1962, с.58 и др.]. Возможно, имела значение и полиэтничность крупных поселений, в которых аксакал представлял отдельные этнические группы. Например, арабы, цыгане или евреи имели своих старшин. Следует, вероятно, учитывать и следующее обстоятельство. Учет войска в эмирате велся по племенам, которые были территориально разрознены, поэтому установленное число войск распределялось внутри племени по отдельным группам населенных пунктов — территориальным общинам, состоящим из нескольких кишлаков [Рассудова, 1968, с.115]. Глава этой общины выполнял сходные с аксакалом функции.

Подобная ситуация по различным причинам была характерна и для городских кварталов. Иногда жители не могли прийти к соглашению по выдвинутым на должность аксакала кандидатам даже после обращения к вышестоящим властям. Такой пример зафиксирован в гузаре Буйробофон города Бухары, население которого состояло из двух этнических групп: переселенцев из Хорезма (урганджихо) и туркмен племени хидир-эли. В результате квартал разделился на две части, каждая из которых выбрала своего руководителя [Сухарева, 1976, с.35].

Аксакал осуществлял общее управление населением кишлака или гузара. В отличие от макро- и мезоуровней и их лидеров он не был окружен представителями различных ветвей власти (финансовой, судебной, полицейской и др.). Все это аксакал объединял в своем лице на уровне местного управления, являясь первичной инстанцией

Самарканд. Общественные увеселения. Группа мужчин и мальчиков, сидящих на паласе.
Двое мужчин с бубнами
(колл. МАЭ РАН, И-1718-335).

Самарканд. Общественные увеселения. Группа женщин за дастарханом
(колл. МАЭ РАН, И-1718-333).

на пути к политическим институтам. Он имел достаточно широкие полномочия по регулированию всех областей общественной жизни, которые определялись сложившимися в гузарах или кишлаках обычаями. В своем руководстве он опирался только на выборных помощников. Внутри городского квартала и селения аксакал выполнял роль третейского судьи. Разрешал возникавшие в любой сфере жизнедеятельности конфликты и разногласия между жителями, стараясь не доводить дело до вышестоящего управления. Ведал всеми вопросами, касающимися имущества населения. Также он являлся организатором и руководителем общественных работ, проведения обрядов жизненного цикла и календарных празднеств [частичные сведения об этом см.: Сухарева, 1976, с.32—41]. Наряду с аксакалом главой женской половины жителей квартала была *кайвони*. Она также имела помощниц, а ее роль и функции среди женщин были похожи на обязанности аксакала. Как отмечала Е.М. Пещерева [1960, с.44], среди горных таджиков словом *кайвони* называли старшую из женщин в большой семье, которая распределяла домашнюю работу и принимала участие в семейных советах. Вне квартала и селения основная обязанность аксакала состояла в том, чтобы выступать посредником между вышестоящей властью и народом, отстаивая и защищая интересы своих жителей в судебных разбирательствах и по любому другому поводу.

Безусловно, в каждом населенном пункте функции и полномочия аксакалов могли иметь свои особенности, на которые влияли различные факторы, в том числе и этнический. Существовали отличия между городом и кишлаком, а также наблюдались межгородские различия. По сообщению А.К. Гейнса [1898, с.456], в обязанности городских аксакалов входило следующее: каждое утро являться к беку за приказом; исполнять приказы бека, касающиеся нужд войска; заведовать исправлением путей сообщения; наблюдать за чистотой улиц; решать споры между знатными людьми. Очевидно, что ежедневное взаимодействие с главами округов могло быть лишь в условиях городской жизни. Глава же кишлака в большей степени выступал для управляемого населения в роли единственной постоянной официальной власти и имел в связи с этим широкие полномочия, которые были подчинены цели сохранения установленного традиционного порядка в общине.

При межгородских различиях, связанных с местным управлением, особенно выделялся контраст между столицей и регионами. По данным О.А. Сухаревой, специфика города Бухары заключалась в более замкнутом характере быта жителей кварталов, что проявлялось, в частности, в проведении ими общественных работ. Население столицы освобождалось от обязанностей по благоустройству города. Этим занимались преимущественно наемные рабочие [Сухарева, 1976,

с.20—21; 1958а, с.35—38]. В других же городах общественные связи были развиты гораздо сильнее. Это обстоятельство, безусловно, отражалось на деятельности аксакалов.

В некоторых областях эмирата были промежуточные правители между микро- и мезоуровнем управления. Например, *амины*, являвшиеся руководителями отдельных частей некоторых амлокторств. Они, как правило, назначались из местных жителей, многие из которых ранее занимали должность аксакала. Амины подчинялись амлоктору и помогали ему в сборе налогов. В их ведении находилось несколько кишлаков. Кроме назначаемых правителей были и выборные, такие как *агалыки*. В Бухарском эмирате они присутствовали в четырех бекствах: Чарджуйском, Каршинском, Шахрисябзском и Китабском. Считается, что агалык являлся посредником между беком и местным населением, а также осуществлял определенный контроль за деятельностью бека. По мнению А.А. Семенова [1952, с.5], присутствие в данных округах агалыков связано с трудностью управления богатыми регионами и поддержания в них спокойствия. Реальная же их роль и место в системе управления не изучены.

Безусловно, потестарные институты управления оказывали большее влияние на жизнь каждого конкретного человека, чем политические структуры власти, и авторитет выборных руководителей также был гораздо выше, чем у назначаемых из центра правителей округов и областей. Важно отметить: люди, пользующиеся авторитетом, но не занимавшие должностей, могли оказывать большое влияние на общественную жизнь. Даже о 80-х гг. XX в. С. Брынских писал, что «во всякой махалле есть так называемые “неформальные лидеры”, которые должностей никаких не занимают, даже не входят в состав махаллинского комитета, предпочитают оставаться в тени, но влияние на людей имеют большое, подчас именно они задают тон при решении того или иного вопроса» [Брынских, 1988, с.41]. То есть параллельно с существованием власти аксакала имела место и власть авторитетных людей, где, безусловно, не последнюю роль играли такие критерии, как материальное благосостояние и возраст. Хотя ими могли быть не только старики, но и молодые люди, способные отстаивать интересы жителей своего кишлака. С.Ф. Архангельский и М.М. Шпигель назвали подобное явление «культом авторитетов», где «на первый план всегда выдвинута определенная группа “первых граждан”. Это они подают на сходках веские реплики, это они без официальных полномочий действуют от имени кишлака за всех. Все уверены, что “они” выражают мнение народа, и сам народ в этом уверен, и никто никогда не станет это оспаривать. Они не коронованы, но в любое время и в любом месте могут отдавать распоряжения любым гражданам» [Архангельский, Шпигель, 1926, с.19].

Система управления Бухарского эмирата XIX в. представлена в виде иерархии, образующей вертикаль должностных лидеров (хан—бек, амлоктор—аксакал). Однако кроме статического выделения элементов важно проследить механизмы взаимосвязей компонентов трех уровней власти, которые в большей степени отражают специфику политической культуры данного региона.

3. МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ УПРАВЛЕНИЯ

Механизмы появления и смены лидеров

Взаимодействие властных структур между собой, с одной стороны, и с управляемым ими населением, с другой — обеспечивало функционирование Бухарского эмирата как единого государственного организма. Эмир являлся одной из центральных фигур, приводящих в движение весь общественный механизм. Ориентируясь на схему политических институтов управления, необходимо проследить пути появления и смены лидеров, т.е. в данном случае руководителей, находившихся на определенной ступени властной лестницы. Как представляется, ключевыми моментами были выбор и назначение лидера и обратная их сторона — стремление к лидерству людей, желавших выступать в роли управляющих другими людьми. Данные процессы могут рассматриваться под разным углом зрения для всех основных представителей традиционных институтов управления Бухары.

Власть верховного правителя являлась наследственной, поэтому заранее были известны претенденты на лидерство. Эмир мог завещать свой трон «достойнейшему», но, по сложившемуся обычаю, осуществлялся принцип майората. Еще при жизни отца старший сын именовался *катта-тўра* (главный, старший наследник престола), т.е. принцип наследования отражался в терминах. Безусловно, данный обычай мог быть нарушен. Так, эмир Музаффар лишил старшего сына Абдуль-Малика прав на престол за его стремление овладеть троном еще при жизни отца [Шубинский, 1892, с.120] и назначил при этом преемником не второго, а третьего сына, нарушив, таким образом, принцип старшинства. В случае незаконного прихода к власти кого-либо из ханских сыновей все равно после его смерти трон переходил по праву майората, как это было, например, в случае с Насруллой и его сыном Музаффаром. Наследование могло осуществляться и по линии от старшего брата к младшему при отсутствии прямых потомков. Аналогично происходила смена власти в Хивинском и Кокандском

ханствах, хотя в Хиве и преобладало наследование от старшего брата к младшему в отличие от Бухары и Коканда. В эмирате имел место также обычай, по которому наследник, прежде чем занять место верховного правителя, служил беком в одной из областей. Каршинским бекством управлял, как правило, наследник эмира. Будущий эмир Абдулахад в восемнадцатилетнем возрасте был назначен беком в Кермине, где он жил до смерти отца [Путеводитель... 1903, с.291]. Таким образом, если судьба даровала человеку право управлять большим количеством людей, то, прежде чем им воспользоваться, необходимо было научиться властвовать, т.е. требовалась обязательная практика, как и в любом другом деле.

Стремление к лидерству на уровне верховного правления особенно сильно проявлялось в борьбе за власть сразу после смерти хана как возможность занять освободившееся место. Распри возникали, в первую очередь, между сыновьями и родственниками и принимали подчас острые формы. Обращает на себя внимание, что эта борьба, как правило, происходила между родными братьями, т.е. внутри одного поколения. Иногда старший сын заявлял о своих претензиях на власть ранее установленного обычая времени. Например, в 1868 г. катта-тўра эмира Музаффара со своими сторонниками предпринял попытку свержения отца, которая не увенчалась успехом [Костенко, 1880, с.295—296]. Следовательно, стремление к лидерству существовало еще при жизни хана несмотря на то, что был установившийся с течением времени определенный принцип наследования. Были здесь и элементы выбора будущего правителя, который вроде бы был уже известен приближенным. Борьба за место первого лица в эмирате происходила между лидерами, сумевшими объединить вокруг себя значительное число людей, которые поддерживали, подчинялись им и видели их в роли главы государства.

На микроуровне должность аксакала являлась выборной. Осуществлялся отбор кандидатов, обладавших необходимым набором качеств, таких как опыт, знания, материальный достаток и др. Круг претендентов был известен заранее. Ведь в него входили люди, с которыми жители квартала или селения ежедневно контактировали, неофициально определив для себя лидера. Выбирали аксакала обычно из нескольких человек, выдвигаемых на эту должность различными семейно-родственными группами. Формальная процедура происходила, как правило, в мечети, что повышало авторитет будущих руководителей. Иногда инициатива передавалась имаму, который и называл кандидата, конечно, предварительно согласовав решение с наиболее влиятельными прихожанами, от которых зависело его собственное положение и доходы. Иногда стороны, выдвигавшие различных претендентов, не приходили к соглашению. Это приводило к выборам отдельных аксакалов от каждой

группы. Зачастую в случае возникновения каких-либо споров последнее слово оставалось за беком. К нему же по окончании выборов шли уважаемые люди, чтобы сообщить имя новоизбранного, и бек утверждал его в должности. В городах главами кварталов обычно выбирали не богачей или людей знатных, а чаще всего местных торговцев, так как аксакалы считались слугами общества, об их деятельности говорили как о службе [Сухарева, 1976, с.33]. Есть указания на их выбор из среды пожилых торговцев, в чью мудрость верили больше всего [Записки о Бухарском ханстве, 1983, с.57]. Это указывает на исключительную роль торговли в городах. Кайвони и ее помощницы избирались женщинами из наиболее влиятельных жительниц гузара. Нередко со всеобщего согласия должность переходила от матери к дочери [Пещерева, 1960, с.44].

Как отмечалось в разделе «Микроуровень управления», в местном управлении параллельно с аксакалами большой властью обладали авторитетные люди, не имевшие официальных должностей. Именно к ним в наибольшей степени применимо понятие «выбор лидера». Смена неформальных лидеров происходила постоянно. Влиятельные люди в любое время в силу каких-либо обстоятельств могли дискредитировать себя в глазах окружающего населения и, потеряв авторитет и должное уважение, переставали влиять на общественную жизнь. Их место занимали другие люди, хотя данный процесс и не был связан со смещением и занятием должности.

От верхнего и местного управления существенно отличался механизм появления правителя на мезоуровне, а именно беков и амлокдоров, которые были не выборными, а назначаемыми свыше. Следует отметить, что все служилое население (военные чины и гражданские должностные лица) составляло группу сипо (сипаи). В ней были представлены различные сословия. Среди них — руг-дар (уруг-дар), к которому принадлежали, по мнению Евреинова [Рекогносцировка... 1888, с.121] и Н.В. Ханькова [1843, с.112], узбеки и потомки высших административных чинов, а также шакыр-пиша, в числе которого были таджики, персы, сарты. Для последних существовали ограничения на получение определенных высоких должностей. В Бухарском эмирате существовало так называемое должностное сообщество, имевшее свою границу и структуру, из членов которого и назначались чиновники. Сыновья и братья крупных сановников даже носили звание «бегиджон», указывающее на принадлежность к кругу кандидатов на высшие должности в административном аппарате эмирата [Сухарева, 1966, с.269].

Итак, на данном властном уровне сами правители выбирали и назначали лидеров округов и областей, т.е. ханы — беков, а беки —

амлокдоров. Важно, кого именно утверждали на эти должности. Хан для управления во все округа назначал в основном столичных жителей, обычно из близких ему людей или родственников. Кроме осуществления необходимого контроля со стороны центральной власти, это способствовало также уменьшению сепаратистских тенденций на местах, которые во многих районах ханства оставались достаточно сильны, и воспоминания о былой независимости отдельных регионов сохранялись среди населения. В описаниях очевидцев часто подчеркивалось родство беков с высшими сановниками ханства. Например, в Карши должность бека в 1880 г. занимал двадцатилетний внук кушбеги [Крестовский, 1887, с.224]; государственным казначеем обычно являлся ближайший родственник кушбеги; «в то время когда пост кази-каляна (главный судья Бухары. — О.С.) занимал козы Бадреддин, его сын Бурхонеддин был в Бухаре раисом» [Сухарева, 1966, с.268] и т.д.

Амлокдоры, назначаемые беком, по установившемуся порядку также являлись родственниками или друзьями последнего. По словам А.В. Нечаева [1914, с.73], беки искренне удивлялись и совершенно не могли себе представить, что «можно управлять с “чужими людьми”». Иногда в некоторых частях бекства руководителями небольших административных единиц назначались влиятельные люди из местных жителей, имевшие значительные бухарские чины. Они считались ниже амлокдоров и подлежали наблюдению и контролю с их стороны [Снесарев, 1906, с.72]. Данный факт опять подтверждает роль и влияние чина и социального положения на создание специальных должностных мест для конкретных людей. Таким образом, в целом на данном властном уровне соперничество за должности велось в основном между родственниками того или иного главы политического института. Однако и здесь, несмотря на родственный принцип, уместно упомянуть и о выборе лидера, так как, хотя и назначались «свои люди», необходимо было выбрать и среди них наиболее подходящего, чтобы извлечь для себя наибольшую выгоду от результатов их правления.

При назначении чиновников глава государства иногда пользовался и иным приемом, являвшимся одним из действенных методов управления. Он продвигал во власть новых, маловлиятельных людей, ограничивая сферу деятельности традиционных правящих родов. Так, например, поступал эмир Насрулла, привлекая для управления большое количество персов и отстраняя узбеков от должностей. Хивинский правитель XIX в. Мухаммед-Рахим лишил привилегированного положения господствующий слой узбеков, а важные должности раздавал выходцам из других народностей, находившихся ранее в подчиненном положении [Дружинин, 1927, с.67]. Это был один из распространенных приемов

при назначении на должность в любые времена, свидетельствующий о слабости вышестоящей власти и боязни своих подчиненных. Происходило приближение человека слабого, который будет всегда за это благодарен и верен, будет покорно выполнять все распоряжения руководителя не только не возражая ему, но даже и не думая о том, чтобы в чем-то прекословить и не соглашаться с ним.

Одна из важных отличительных черт появления лидера на мезоуровне состояла в возможности действия случая, чего не могло произойти на макро- и микроуровнях. Недаром «каждый самый последний простолюдин не теряет надежды со временем сделаться высоким сановником» [Стремоухов, 1875, с.681]. Нередко даже раб становился беком. Например, один из рабов по имени Якуб-бек, будучи в детстве в гареме эмира, обратил на себя внимание государя. В период правления Музаффера он дошел до звания бека и пользовался большим уважением [Татаринев, 1867, с.16—17]. Есть множество и других подобных примеров. Однако у такого случая была и обратная сторона, т.е. за мгновенным взлетом могло последовать такое же быстрое падение, ведь все зависело от воли эмира. «Сегодня он может приблизить к себе первого встречного арбакеша... хазрету ровно ничего не значит завтра же отправить его на виселицу или под нож палача» [Крестовский, 1887, с.173].

В аппарате управления, как известно, в основном находились турки и иранцы, т.е. в какой-то степени можно говорить о правлении родственных кланов различной этнической принадлежности. Вероятно, независимо от того, каким путем появлялся глава того или иного института управления, т.е. в результате выборов или назначения на должность, для того чтобы как можно больше находиться в роли лидера, ему должны были быть присущи черты властного, сильного человека, который «может подчинять себе более слабых, хотя бы его воля совершенно не была на это направлена, но разница в силе воли, в количестве и интенсивности тех черт, которые создают тип “властного”, должна быть» [Хатунцев, 1925, с.121]. Особенно это касалось авторитетных людей, не занимавших каких-либо должностей в управленческом аппарате.

Что же давало тому или иному человеку лидерство, кроме права управления другими людьми? Получение должности открывало путь к приобретению большего авторитета, пусть даже и внешнего. Но главное заключалось в том, что получение должности способствовало значительному повышению материального благосостояния, т.е. открывало путь к накоплению богатства. «Каждому хочется получить хотя незначительную должность, чтобы грабить и наживаться» [Стремоухов, 1875, с.681]. Имели место многочисленные подношения со стороны

подчиненных. Существовали и официальные привилегии для служилых людей. По сведениям О.А. Сухаревой [1958б, с.101], согласно заведенному в Бухаре обычаю, человек соответственно должности, на которую он назначался, получал казенную квартиру на весь период пребывания у власти. Чиновники владели также поместьями на правах частной собственности и получали доходы от подаренных эмиром танхо, т.е. доходных статей в виде земли, лавок, жилых домов и т.д., налог с которых поступал владельцу танхо, существовали и другие привилегии.

Беки и амлокдоры жалования от эмира не получали, а жили за счет собранных налогов, точнее на остатки от обязательных к сдаче в казну сумм. Финансовое накопление происходило на основе игры на разнице собранных и сданных налогов с населения, где не обходилось без злоупотреблений. Часто назначались завышенные цены на хлеб при сборе податей. Как отмечал полковник Белявский, в 1885 г. цена батмана пшеницы определялась в 6 рублей, а на рынке она колебалась около 3 рублей. Твердого контроля за сбором налогов установить практически было невозможно, так как такими людьми опять стали бы родственники или близкое окружение правителя ханства и действовали бы они заодно с главами округов и областей для увеличения своего личного благосостояния. Амлокдоры, например, для повышения доходов вступали в сделки с асакалами и жителями в ущерб казне эмира [Дополнительные сведения... 1887, с.159]. Таким образом, введение новых должностей привело бы лишь к еще более разветвленной сети чиновников, но при этом — к отсутствию результатов от их деятельности. Увеличились бы поборы с населения, а поступления в казну остались бы прежними.

Сформировались своеобразные виды традиционных приемов взаимопомощи в среде чиновников для извлечения из административной службы наибольших доходов. Назначали на должность родственников, что давало возможность помочь им материально. Это также была одна из причин управления со «своими людьми». Вариантом являлось перепоручение родственникам выполнения части своих обязанностей. Официально как помощники они не числились [Сухарева, 1966, с.268], но, очевидно, вознаграждались должностным лицом за подобную семейную помощь. О том, что управление оказывалось действительно прибыльным делом, свидетельствует следующий факт. Попытка Алимхана ввести в 1917 г. в Бухаре штатно-окладную систему по российскому образцу вызвала резко негативную реакцию чиновников всех уровней управления, что отразилось в многочисленных жалобах к кушбеги с просьбой отменить распоряжение [Семенов, 1954, с.11]. Многие должностные лица кроме непосредственного управления охотно занимались еще и другими видами деятельности для пополнения своих

доходов, например торговлей [Мейендорф, 1975, с.120]. Причем на многие должности в дальние округа назначались в основном столичные жители ханства, которые стремились накопить состояние и вернуться обратно.

Однако у лидерства была и другая сторона. Оно могло привести и к разорению, потере уважения окружающих, т.е. вернуть человека в исходную точку карьеры. Как сетовал один отстраненный амлокдор: «Бог с ней с должностью, а убыток большой, совсем разорен» [Нечаев, 1914, с.17], так как получение места связывалось с немалыми расходами на подарки беку и его приближенным. И вот этих-то расходов он и не успел возместить. Н. Петровский писал, что «вчерашний бек, живший в большом доме, ездивший в хороших халатах и на хороших лошадях, сегодня сам торгует на базаре халатами и совершенно примиряется со своей участью» [Петровский, 1873, с.230]. Таким образом, человеку нужно было не просто добиться первенства среди окружающих и стать во главе какого-либо института управления, а суметь быть лидером, постоянно находящимся у власти, чтобы за допущенные оплошности не оказаться вновь наравне с остальными. Правильный выбор и назначение лидеров играли, в свою очередь, важную роль и для подчиненного им населения. Они являлись рычагами огромного общественного механизма, регламентировавшего жизнь каждого человека в ханстве.

Каждая властная ступень характеризовалась определенным механизмом замены главы политического института. Для одних потеря лидерства наступала с потерей авторитета, а для других, кроме этого, происходило и смещение с занимаемой должности. Глава ханства исполнял обязанности верховного правителя до самой смерти, поэтому население переставало воспринимать его в роли первого человека государства лишь с его кончиной. Иначе обстояло дело на мезоуровне управления с назначаемыми руководителями, т.е. главами округов и областей. Должность беков официально не была наследственной, хотя, по-видимому, каждый конкретный человек, занимавший ее, стремился любыми способами передать ее своим детям. Главной помехой являлась частая смена беков, поэтому и не сложился какой-либо определенный принцип наследования по аналогии с верховной властью.

Уместно сказать о своеобразном косвенном наследовании на мезоуровне управления. Дети беков если и не занимали место отца, то становились правителями в других округах или получали доходные должности в государственном аппарате. Смена беков осуществлялась только по воле верховного правителя эмирата. На потерю должности влияли многие факторы. С одной стороны, принятие подобного решения исходило непосредственно от вышестоящей власти. У эмира были для этого свои причины. Одна из них заключалась в том, чтобы не позволить

некоторым бекам слишком укрепиться, разбогатеть и править в регионе независимо от верховной власти. Подобные сведения содержатся и в исторических хрониках. В «Сиасет-намэ» отмечалось, что «следует каждые два—три года сменять амилей и мукта, чтобы они не могли укрепиться, создать себе прочность и доставить беспокойство, чтобы они хорошо обращались с народом» [1949, с.43]. С другой стороны, основным поводом для смещения бека с должности являлись жалобы и доносы эмиру, касающиеся финансовых злоупотреблений. Если верховный правитель считал, что глава округа прислал недостаточно из общей суммы сборов, то требовал прибавки. Если же бек не мог или не желал внести дополнительную сумму, то его лишали должности, а имущество забирали в пользу эмира. Бек имел возможность вернуться на прежнее место при условии внесения требуемой от него суммы [Грулев, 1909, с.222].

Возможно, разница в количестве поборов с населения, посылаемых ежегодно хану, могла появиться не только из-за стремления бека оставить себе значительную часть от общей суммы для увеличения состояния. Например, по сведениям Н.П. Иванова [1873, с.118], племена кочевников довольно часто меняли места своего пребывания, переходя из одного ханства или бекства в другое, а беки собирали подать только с кочующих внутри ханства, т.е. это хоть и не намного, но могло оказать влияние на результат общей суммы сборов. Безусловно, денежные присвоения являлись неотъемлемой частью управления. Иногда они приводили не только к потере должности, но и к физическим наказаниям вплоть до лишения жизни. Однако, как говорили сами беки: «Игра эта очень опасна... но зато и очень выгодна, отчего ей все и предаются на свой страх и риск» [Стремоухов, 1875, с.685]. Очевидно, что следовало опасаться доносов в первую очередь не от простого населения, подвергавшегося злоупотреблениям, а от влиятельных лиц, находившихся с беками на одном или более высоком уровне управления, у которых были свои причины раскрыть подобные деяния: занять освободившееся место, не позволить чрезмерно разбогатеть и т.д. Переходной ступенью к окончательному смещению могло быть понижение в должности, например перевод в менее доходный округ или частичное ограничение полномочий. Иногда, по сведениям Галкина, хан лишал бека права взимать *закят* (один из видов налога), передавая его в виде награды другим правителям, но при этом сохранялась прежняя сумма, вносимая в казну [Краткий военно-статистический очерк... 1894, с.28].

Амлокдоры менялись с еще большей частотой, чем беки, так как полностью зависели от последних. Как отмечал В.И. Липский [1902, с.376], очень редко они находились у власти несколько лет, обычно

смещались через год—два, а то и чаще, переводились на другое место или попадали в опалу. Беки и амлокдоры составляли как бы единое управляющее целое, так как при смене первых полностью изменялось и все низшее звено управления, подчиненное им, т.е. амлокдоры. Следовательно, они, как правило, не были заинтересованы в смене бека, а, наоборот, по возможности поддерживали его всеми от них зависящими средствами. Их цель заключалась не только в пресечении появления жалоб и доносов со стороны собственного окружения и населения на самого себя, но и на бека. Однако в реальной жизни, вероятно, иногда оказывалось и по-другому. Например, амлокдор мог намеренно послать хану донос на бека, пытаясь занять место главы округа и т.д. Беки и их окружение (соответственно амлокдоры и их окружение) менялись одновременно. Потеря должности не свидетельствовала об окончании карьеры. Можно было получить назначение в другие округа и области. Очевидно, что по воле лидеров наиболее преданные из их окружения оставались, занимая прежнюю должность. Таким образом, менялись местами не просто отдельные люди, менялись местами более или менее постоянные группы. Окружение во всем поддерживало своего лидера ради сохранения в первую очередь собственного положения и, безусловно, обеспечивало всеми средствами более длительное пребывание главы в должности.

На уровне местного управления должностная жизнь выборных лидеров — аксакалов обычно длилась в течение долгого времени, пока ими было довольно население, зачастую это продолжалось до их смерти. Необходимость новых выборов возникала по причине общего недовольства, обычно связанного с какими-либо денежными злоупотреблениями с их стороны. Например, люди начинали поговаривать: «Зачем нам такой жадный аксакал? Пусть он убирается!» [Сухарева, 1976, с.40] и т.д. Очевидно, подобное отмечалось не часто. Можно предположить, что в случае решения дел не в угоду высшей власти, аксакал мог быть смещен беком, несмотря на мнение населения. Так, шахрисябзский бек арестовал одного аксакала за показ месторождений нефти русскому офицеру [Обручев, 1948, с.71]. Важно, что при смене правителей мезоуровня аксакалы, как и шахи, оставались на своих местах. Таким образом, имело место противостояние между назначаемой администрацией и выборной, даже если это и не выливалось в открытую борьбу, но сам факт несменяемости последних свидетельствует об этом. Выборные органы представляли собой своего рода контроль над политическими институтами управления.

Подводя итог рассмотрению механизмов появления и смены лидеров на трех уровнях властной иерархии, следует отметить современную структуру соподчинения правителей разных рангов,

напоминающую традиционную. Согласно 102-й статье Конституции Республики Узбекистан, принятой в декабре 1992 года, представительную и исполнительную власть на соответствующей территории возглавляет хоким области, района или города. Хоким области и города Ташкента назначается и освобождается от должности Президентом и утверждается соответствующим Советом народных депутатов. Хокимы районов и городов — хокимом соответствующей области [Узбекистан... 1994, с.186] и т.д. Соответственно нижестоящие хокимы назначаются и смещаются с должности по решению непосредственно вышестоящей власти. Срок полномочий хокима определен в 5 лет.

Напоминает традиционную и микроуровень управления. В статье 105 говорится, что «органами самоуправления в поселках, кишлаках и аулах, а также в махаллях городов, поселков, кишлаков и аулов являются сходы граждан, избирающие на 2.5 года председателя (аксакала) и его советников» [Узбекистан... 1994, с.186]. Законодательно современная структура принципиально отличается от системы Бухарского эмирата фиксированными сроками управления, установленными для глав политических институтов. По-видимому, на местном уровне данный период деятельности правителей является номинальным и постоянно продлевается.

Взаимосвязи между главами институтов управления

Существовали две основные сферы взаимодействия лидеров. Во-первых, внутри системы управления, что предполагало участие в процессе только должностных лиц, и, во-вторых, многочисленные разновидности контактов правителей и подчиненного населения эмирата.

Остановимся первоначально на взаимосвязях между главами институтов управления. Как и при любых контактах, имела место двусторонняя связь, а именно: прямая, при которой инициатива исходила от высшей ступени власти и была направлена к низшей, и, соответственно, обратная связь. От вышестоящих органов управления поступали указания для подчиненных руководителей, которые, в свою очередь, отчитывались о результатах их выполнения. Существовал регулярный информационный обмен по линии «хан—бек, амлоктор—аксакал». Очевидно, что при его отсутствии невозможно было бы функционирование Бухарского эмирата в рамках единого государственного организма, а также управление населением.

При каждом руководителе находился штат рассыльных, который увеличивался по мере возрастания должности (т.е. от аксакала до эмира) в связи с повышением объема и частотой передаваемой информации,

а также с возрастанием дальности расстояний. Беки обязаны были отправлять еженедельные донесения о состоянии вверенного им округа. Сообщения посылались так, чтобы эмир получил их в пятницу к моменту окончания утреннего намаза, так как именно после него верховный правитель просматривал отчеты беков, выносил по ним решения и давал указания (см. у М.С. Андреева, О.Д. Чехович [1972, с.128] и Евреинова [Рекогносцировка... 1888, с.128]). Действовала система гонцов, и очевидно, что беки дальних округов отправляли очередного посланника, когда предыдущий еще находился в пути. В случае получения ханом не обычного очередного донесения, а официального письма соблюдались принятые правила этикета во время приема послов. Существовала длинная цепь для передачи писем от одного человека к другому, Бекчурин описывает вариант, где последним в цепи оказывался кушбеги, передающий донесение эмиру: передача осуществлялась по возрастающей, т.е. от низших должностей к высшим, и в итоге — от второго лица в эмирате к первому [Бекчурин, 1873, с.298]. Есть сведения, что во времена Тимура заключительным звеном в цепи был сын старшего сына эмира, передававший письмо правителю [Клавихо, 1881, с.249]. Здесь, по всей видимости, передача происходила по линии наследования власти. Таким образом, органы верховной власти обладали правом принятия решений и выступали как центр управления, из которого постоянно поступали указания для низшего руководства. Каналами связи служили иерархически соподчиненные властно-управленческие органы, основной функцией которых являлась реализация этих решений. Обратная связь по этим каналам характеризовалась отчетами об итогах выполнения поступивших сверху распоряжений.

Информация, касающаяся деятельности политических институтов, доходила до населения и становилась предметом обсуждений. «Проезжая мимо, джигит всегда успеет сказать встретившемуся приятно, куда он едет и что ему поручено... редко удается скрыть от народа какое-нибудь действие эмира» [Сборник... 1885, с.82].

Верховный правитель Бухарского эмирата созывал беков на совет в случае необходимости обсудить какие-либо вопросы, причем приглашались наиболее приближенные из них. Очевидно, что созвать одновременно всех беков было не всегда возможно и нужно. Судя по имеющимся сообщениям о подобных совещаниях, которые относятся к 1868 г. [Богданов, 1873, с.430] и 1870 г. [Носович, 1898, с.278], такие заседания эмира с беками не были частыми и постоянными, как, например, Государственный Совет. Главы областей созывались в периоды нависшей над эмиратом внешней военной угрозы (в данном случае со стороны России) для информирования верховного правителя о делах в округе, в частности о степени их боеспособности, и согласования действий в случае военных столкновений.

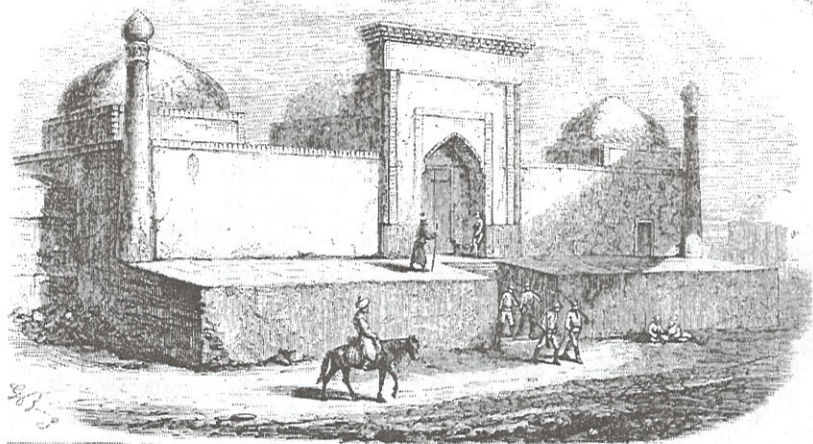
Сами эмиры периодически посещали свои владения, встречаясь с главами округов и областей, с представителями кишлачной администрации. Были и традиционные регулярные визиты. Так, эмир бухарский весной и осенью ездил к бекам Китаба и Шаара (к первому дню уразы). Абдулахад, живя обычно в Кермине, летом предпринимал поездки по эмирату, посещая Чарджоу, Карши, Гиссар и Китаб [Olufsen, 1911, с.574].

Главы округов являлись промежуточной инстанцией для местного управления при его взаимодействии с верховным правителем. Но в то же время аксакалы, как связующее звено между беком и народом, имели возможность высказывать жалобы и просьбы эмиру не только в косвенной форме, т.е. через правителей округов и областей, но и напрямую. Беки за полученные на них жалобы могли быть смещены со своих должностей, а все их имущество конфисковывалось. Взаимодействие по линии представителей институтов управления всех уровней основного ствола было главным, но не единственным.

Существовали и постоянные, так называемые перекрестные связи между лидерами центральной вертикали (хан—бек, амлокдор—аксакал) и параллельных линий (главы бывших независимых территорий, вошедших в состав ханства, и бездолжностные авторитетные лица в гузарах и кишлаках). Первые среди равных люди в селениях или городских кварталах были вовлечены в систему взаимосвязей прежде всего с аксакалом и беком. Они намечали кандидатов на различные должности в местном управлении, а также непосредственно влияли на выборы аксакала, так как за ними было последнее слово. Ведь беки, утверждавшие главу местной администрации в должности, в случае возникновения спорных ситуаций считались с мнением именно авторитетных людей.

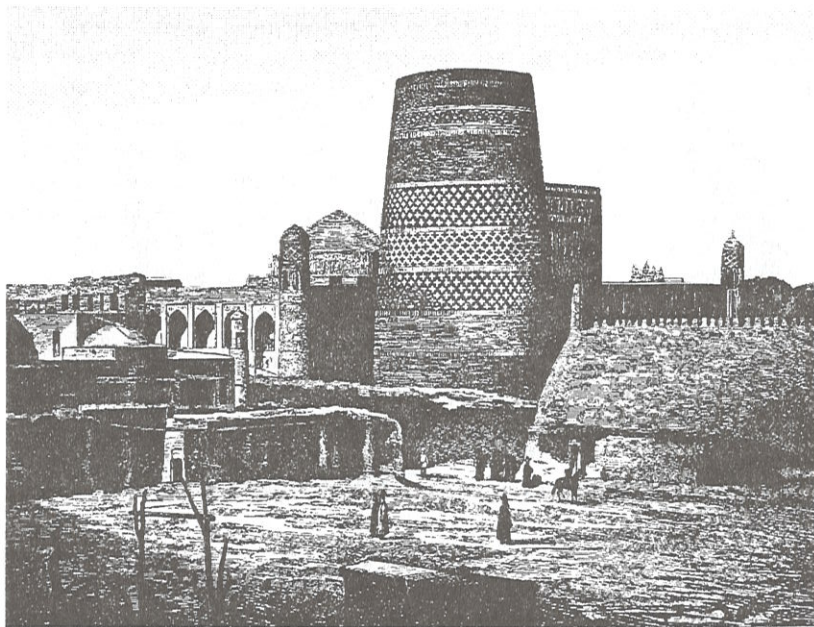
Лидеры и их непосредственное окружение

Внутри системы управления немалое значение имели контакты лидеров с их непосредственным окружением. Для руководителей важно было завоевать доверие, получить поддержку окружения и полностью подчинить его различными методами, чтобы устранить стремление (и даже возможность его возникновения) к замене существующего лидера. Центральной фигурой в государстве был хан, приводящий в движение весь общественный механизм. Став во главе ханства, он постоянно опасался быть свергнутым, поэтому сложился своеобразный обычай, по которому вновь избранный правитель казнил или изгонял из столицы своих родственников и всех подозрительных лиц.

Медресе в Хазар-Асп
(рис. Г. Броминг, грав. К. Вейерман).

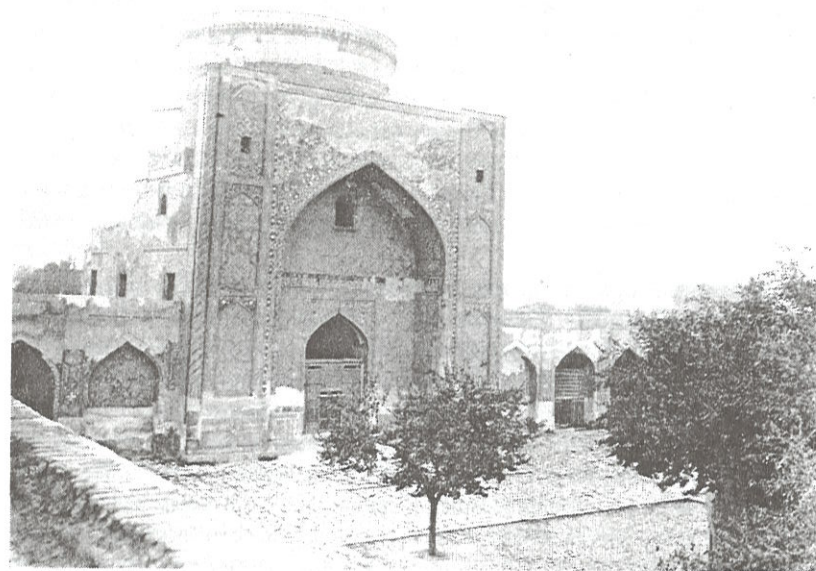
Хан находился в постоянном контакте со вторым по значимости человеком в ханстве — кушбеги (первый министр), власть которого была параллельна ханской. Но первый министр одновременно входил в число людей, постоянно находившихся рядом с ханом, поэтому о его роли здесь уместно упомянуть. Кушбеги непосредственно оповещал правителя о происходящем в стране и давал от его имени указания остальным должностным лицам ханской администрации. Как правило, это был ежедневный доклад верховному правителю, если последний находился в столице, в противном случае министр посылал ему сообщения в письменной форме. Кушбеги, как известно, пользовался большой властью, имел доступ к главнейшим ее рычагам, ведь кроме множества обязанностей он ведал доходами от внутренней и внешней торговли. Обычно, когда эмир находился в своей резиденции в арке, его министр должен был быть подле него и не мог ни под каким предлогом отлучаться даже на короткое время. Имеются сведения о том, что если кушбеги устраивал для бухарского эмира прием в одном из своих домов в городе, то один из его сыновей всегда находился рядом с правителем [Записки о Бухарском ханстве, 1983, с.38]. С одной стороны, это делалось для оказания хану необходимых знаков внимания и получения в любой момент указаний с его стороны, но в то же время здесь просматривается и боязнь измены или каких-либо действий, направленных против него доверенным лицом. Правители ханства постоянно опасались первых министров, которые могли создать

Хивинское ханство. Мечеть ханского дворца в Хиве
(рис. А.О. Адамов, грав. Э. Даммиоллер).

определенную оппозицию верховной власти. Например, бухарский эмир Насрулла после приказа схватить кушбеги «так испугался этой минутной решимости, что выехал за город и окружил себя войском» [Ковалевский, 1871, с.46].

В Бухарском, а также в Хивинском и Кокандском ханствах при верховном правителе был учрежден Государственный Совет, который собирался для обсуждения различных дел в ханстве. Иногда из его представителей создавался высший контрольный орган, в обязанности которого входило рассмотрение самых важных вопросов, таких как возведение хана на престол или должностные назначения и т.д. Количество человек в Совете не было строго ограниченным, а постоянно варьировалось. В него входили, как правило, доверенные лица из ближайшего окружения правителя, представители духовенства и племенных вождей, руководители городов и областей. Заседания всегда проходили под председательством самого хана, и в своих решениях Государственный Совет также руководствовался его волей. Какие-либо предложения со стороны чиновников высказывались в очень деликатной форме. «Если кому из приближенных и придет хорошая и полезная мысль, он должен сообщить ее эмиру таким образом, чтобы последний

Самарканд. Мечеть во дворе медресе Тилия Кары
(колл. МАЭ РАН, И-512-166).

был убежден, что это собственная его мысль, только высказанная устами его подданного» [Сборник... 1885, с.93]. В одном из источников при описании летней резиденции эмира, расположенной в трех верстах от Бухары, упоминается самая парадная комната дворца — тронный зал, в котором эмир принимал посольства «и где собирался Совет» [Путеводитель... 1903, с.305—306], что свидетельствует о достаточно регулярной работе данного органа управления.

В Хивинском ханстве происходили еженедельные заседания Совета. В одном из его составов при хане Мухаммед-Рахиме были представлены первый и второй визири, старший брат хана, кази и «родоначальники четырех узбекских поколений» [Дружинин, 1927, с.87]. Заседание Совета происходило следующим образом. Хан внимательно выслушивал каждого из присутствующих, но если кто-то придерживался иного мнения, отличного от позиции верховного правителя, то его хан ругал, а иногда просто выгонял такого советника с заседания [Веселовский, 1877, с.294]. Таким образом, данный орган носил совещательный характер и не обладал реальной властью в государстве. Это была одна из возможностей высказаться, да и то с похвальной речью, в адрес своего лидера, чтобы заслужить тем самым еще большее его признание и доверие. Члены Совета, как правило, никакого жалования не получали.

Хотя, по сведениям Н. Веселовского, в Хиве им в награду позволялось вырыть водопровод или отводилась необработанная земля [Веселовский, 1877, с.294]. А.П. Хорошхин же писал [1876, с.48], что в Коканде такие сановники получали «по 1.500 четвертей разного рода хлеба», что и составляло жалование. Следует отметить, что и в Узбекском улусе XVI в. в Дашт-и-Кипчаке ханы созывали совет из предводителей племен, духовенства для решения различных вопросов с той принципиальной разницей, что здесь голос хана не был решающим [Ахмедов, 1965, с.98].

Верховный правитель, как известно, обладал светской и духовной властью. Бухарское, Хивинское и Кокандское государственные образования официально жили по нормам мусульманской религии, поэтому хана окружало большое количество духовенства, с которым он постоянно контактировал. Очевидно, что духовенство играло немалую роль в управлении. Верующие воспринимали духовных лиц как людей, выполняющих волю Бога, к тому же высокообразованных, следовательно, их всегда ставили на ступень выше по сравнению с обычным населением. Б.Н. Хатунцев, пытавшийся понять природу власти вообще, писал, что «религиозная власть основывается на двух моментах: 1) сознании зависимости человека и человеческого общества от божества и его воли и 2) признании за тем или иным лицом особого отношения к божеству и в силу этого на признании за таким лицом особых свойств, делающих целесообразным, желательным и необходимым повиноваться ему» [Хатунцев, 1925, с.99]. По данным Ф. Назарова, в Бухарском эмирате в начале XIX в. духовенство съезжалось по пятницам на двор эмира, где заседало с аталыком и давало советы в соответствии с Кораном, какие решения следует принять по прошениям, поданным людьми верховному правителю [Записки... 1821, с.82]. Также и в Хиве ханы иногда призывали духовенство на совет, как это было, например, в 1837 г. по случаю задержания хивинского каравана российскими войсками [Иванин, 1873, с.61]. Таким образом, хан не только отдавал приказы окружению, но и советовался с ним. Возможно, с середины XIX в. необходимость совещания глав ханств Мавераннахр со своими приближенными возросла и их частота увеличилась в связи с нависшей угрозой потери независимости.

Низшие по рангу должностные лица, бывшие на службе у эмира, проводили в его дворце почти целый день со времени окончания утреннего намаза до наступления вечернего. Ежедневно они собирались в арке, чтобы получить распоряжения от верховного правителя. В воспоминаниях А. Татаринова говорится: «...каждый день наш хозяин отправлялся во дворец, где он сидел на корточках вместе с другими государственными лицами... и ожидал, когда владыке угодно будет отдать

ему через окно какое-нибудь приказание» [Татаринов, 1867, с.31]. Здесь представлен один из методов управления, при котором руководитель, обладающий определенными должностными полномочиями, на первое место ставил свое превосходство над зависимыми людьми вместо четкого управления и организацией работы. Служащим необходимо было постоянно демонстрировать свое подчинение вышестоящей власти, готовность незамедлительно выполнить любое ее распоряжение, несмотря на пустое времяпрепровождение в безынициативном ожидании указаний.

По существу во взаимоотношениях между верховным правителем и его окружением действовал символический принцип: «Если эмир велит принести чалму, то принесут голову» [Айни, 1960, с.183], так как каждый стремился всячески угодить ему. Ведь только главе эмирата было официально дано право лишать жизни своих подданных, которым он и мог воспользоваться для наказания неугодных. Это, по всей видимости, дало повод для распространенного утверждения о неограниченности верховной власти. Некоторые представляли ханов Мавераннахра чуть ли не самыми могущественными властелинами в мире, особенно это касалось эмира бухарского. Едва ли с подобным утверждением можно полностью согласиться. Скорее, верны слова персидского шаха Фатх Али: «Что за удовольствие царствовать, если не можешь делать то, что тебе угодно» [Мейендорф, 1975, с.131]. Этому же мнения придерживается египетский исследователь мусульманского права Садек Ибрагим Урган: «...глава государства занимает пост пожизненно, управляет, но не обладает властью абсолютного монарха, будучи связанным Конституцией Корана, сунной...» [Сюкияйнен, 1987, с.51]. Действительно, власть хана была ограничена Кораном и шариатом, даже если в чем-то их и обходила. Известно, что духовенство не раз вынуждало изменять намечавшиеся решения или отменять уже принятые. Далее, сам факт наличия Совета при ханах Бухары, Хивы и Коканда из духовных и светских лиц, собиравшегося по приказу хана для обсуждения важных дел. К тому же важна была поддержка окружения для сохранения власти и, следовательно, необходимость учета их мнения и т.д. А во второй половине XIX в. ханства вообще попадают в подчинение к России. Таким образом, по-прежнему остается до конца нерешенным вопрос, насколько теоретически и практически был неограничен в своем руководстве верховный правитель.

Рассматриваемые государственные образования обычно именуют в литературе восточными деспотиями. Одно из определений деспотизма: «...абсолютная и незаконная власть, произвол, самоуправство, самодурство» [Политология... 1993, с.98]. Оно не может быть в полной мере применимо к Бухаре, где действовали установленные в результате

длительного времени законы и традиции, регулировавшие общественную жизнь. Как утверждает Жюльен Фрэнд, закон устанавливает порядок, а не справедливость, из чего вытекает неразрешимый конфликт между политикой и моралью [Власть, 1989, с.47]. Вероятно, ориентируясь на многие морально-этические воззрения и концепции, вершину властной пирамиды можно охарактеризовать как центр деспотизма, передававший импульсы по каналам подчиненных институтов управления к низшим уровням.*

На мезоуровне, подчиненном верховной власти, лидеры также находились в центре своего многочисленного окружения. Беки и амлокдоры имели большой штат чиновников, причем большинство должностей были аналогичны должностям личного окружения эмира. Быков, очевидец бухарской истории второй половины XIX в., привел приблизительные цифры о количественном составе аппарата чиновников у должностных лидеров. При самых маленьких амлокдорствах было 5—10 мелких служащих, при больших — 20—30 человек, соответственно при беках это число увеличивалось в несколько раз, особенно если главой округа являлся старший сын верховного правителя, наследник трона. Его окружение составляло более 500 человек [Очерк долины Зеравшана... 1880, с.21]. Таким образом, общее количество людей, занятых в системе управления (по Бухарскому эмирату приведенные в литературе цифры колеблются от тридцати до пятидесяти тысяч), сравнимо с возрастанием в геометрической прогрессии от нижней ступени власти к верхней. Иногда беки также созывали совет, желая узнать мнение подданных. Его состав, в который входили духовные лица, военачальники, влиятельные представители кишлачного управления, не был постоянным, а для участия в нем требовалось приглашение в каждом отдельном случае [Мухтаров, 1964, с.51]. Основной функцией совета являлась совещательная. Скорее, это было своеобразное символическое действие, организуемое беком для подтверждения правильности своего руководства и очередного публичного признания своей лидирующей роли. Происходило копирование метода управления верховного правителя ханства.

На микроуровне управления наряду с главой квартала или кишлака были еще и советы общин, объединявшие представителей старшего поколения, умудренных жизненным опытом, хорошо знавших традиции и обычаи. В состав совета общины, помимо старейшин, из числа жителей

* По-видимому, целесообразно проведение специального исследования по данному вопросу с привлечением массового сравнительного материала, в первую очередь по государствам мусульманского мира, учитывая при этом специфику среднеазиатского региона, которая заключалась, прежде всего, в сосуществовании иранской и тюркской традиций в системе управления и общественной жизни в целом.

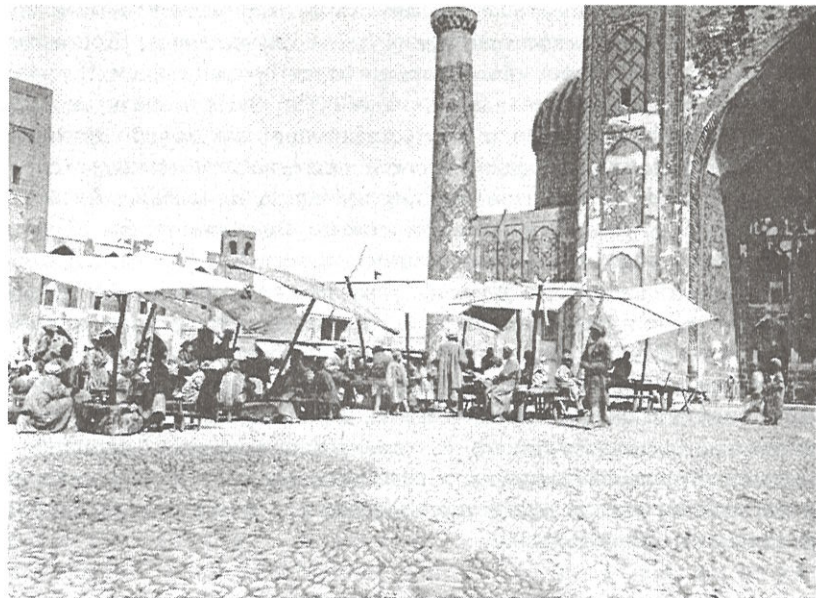
выбирались особые представители, известные, например в Ура-Тюбе, под общим названием *хизматгори халк* (букв. — слуги народа) [Тошматов, 1993, с.35]. Избирались они ежегодно перед празднованием Ноуруза. Их количественный состав обычно не менялся, однако отдельные люди могли переизбираться, если они не устраивали по каким-либо причинам жителей. На данном собрании аксакал ежегодно отчитывался о своей работе, получал от населения подтверждение на управление. Аксакалу приходилось считаться с мнением совета. Подобные выборы перед Ноурузом проходят и в настоящее время в Средней Азии.

Итак, лидеры всех уровней управления находились в центре многочисленного окружения из должностных лиц, количество которых возрастало от нижней ступени к высшей. С ближайшим окружением лидеры обсуждали наиболее важные вопросы общественной жизни, а от значимых и авторитетных людей из их числа стремились получить поддержку своим действиям. К тому же приходилось считаться с мнением подчиненных должностных лиц в зависимости от объема власти, находившейся в руках конкретного лидера, и от места, занимаемого им в системе властной иерархии.

Лидеры и подчиненное население

Второй основной сферой деятельности лидеров, кроме постоянно действующих взаимосвязей по линии политических институтов, являлись их многочисленные контакты с управляемым населением ханства. Верховный правитель встречался с различными категориями жителей. Западноевропейский путешественник XVII в. Шарден писал об иранском празднике: «...султанский Науруз длится восемь дней: первый день шах как бы принимает мольбы всего народа, второй день посвящает ученым, особенно астрологам, третий день — духовенству, четвертый — чиновничеству (магистрат), пятый — вельможам, шестой — своим родственникам, а седьмой и восьмой — своим женам и детям» [Кисляков, 1973, с.182]. Эти сведения четко отражают реальные взаимоотношения бухарского эмира с основными слоями населения в период его правления. Нередко исследователи указывали на необыкновенную доступность главы эмирата, что до некоторой степени уменьшало произвол чиновников. Народ мог высказывать эмиру свои жалобы и просьбы не только в косвенной форме, т.е. через цепочку, состоящую из аксакалов, глав округов и областей, но и непосредственно верховному правителю. В «Сиасетнамэ» отмечалось [1949, с.16, 124], что государю следовало разбирать жалобы два раза в неделю, а признаком приема служила снятая завеса.

В Бухарском эмирате XIX в. прием осуществлялся в двух основных формах. Во-первых, имел место *арз* (публичная аудиенция) для населения

Самарканд. На Регистане
(колл. МАЭ РАН, И-512-177).

во дворце. О нем объявлялось за один—два часа до начала, и каждый желающий подать просьбу мог явиться в арк. Во время приема соблюдался особый этикет, правитель сидел у окна, по обоим сторонам которого стояли *удайчи* (докладчики и постоянно сопровождающие эмира чиновники). Эмир Абдулахад устраивал аудиенции, как правило, в Кермине, «принимал сидя за окном, закрытым виноградником, видна была лишь его рука, которую целовали просители» [Семенов, 1954, с.24].

Вторая форма приема осуществлялась во время выездов правителя из дворца. Человек из окружения эмира, заметив в толпе человека с поднятой сверху рукой, держащей прошение, пробирался к нему, выхватывал бумагу и передавал эмиру. Один из подобных эпизодов о подающей прошение женщине подробно описан А.А. Семеновым [Семенов, 1954, с.21—22].

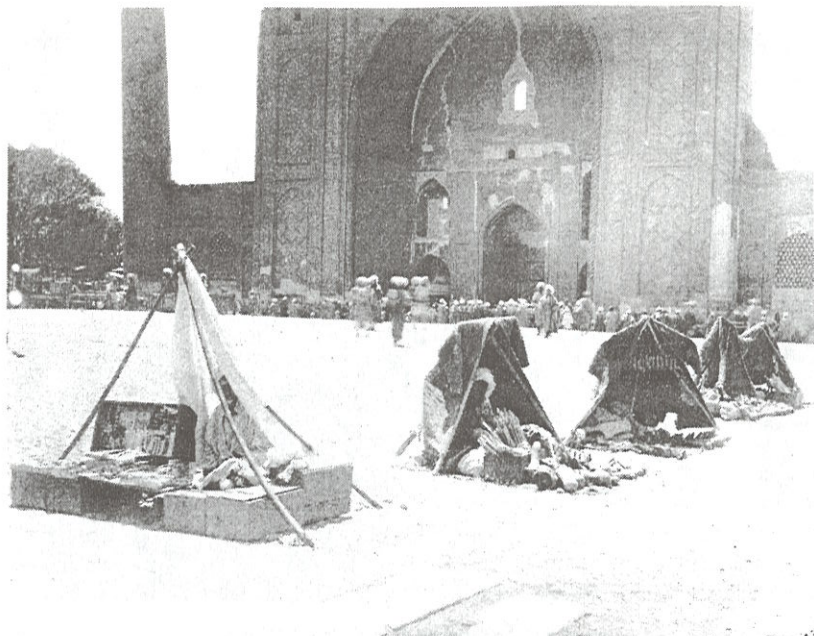
В Хивинском ханстве еженедельно происходил публичный прием населения. При этом отмечалась ббльшая доступность хана по сравнению с бухарским эмиром. Правитель обычно сидел на возвышении в виде террасы. Люди различных сословий и состояний, мужчины и женщины поодиночке пропускались к хану, подходили близко к нему и излагали свою просьбу. «В этот день он доступен и последнему пастуху» [Дмитриев-Кавказский, 1894, с.70].

Самарканд. Развалины медресе на Регистане
(колл. МАЭ РАН, И-512-170).

Верховный правитель встречался также с преподавателями и учащимися медресе. По данным Ф. Назарова, в Бухаре в начале XIX в. накануне праздника Рамазан во дворце собирались учителя с учениками, и соразмерно успехам каждого из учащихся эмир жаловал их деньгами [Записки... 1821, с.83]. Подобные встречи служили в какой-то степени стимулом для молодых людей в более усердном овладении науками и накоплении знаний, чтобы заслужить не только похвалу первого лидера эмирата, но и получить материальное поощрение, повисить свой авторитет среди сверстников и преподавателей. Также часто «знатные и почтенные дети бухарских махдумов толпами взбирались на арк и в присутствии эмира вели занятия и ученые споры» [Дониш, 1967, с.36], т.е. правитель предпочитал постоянно находиться в «атмосфере учености». Эмир Хайдар сам выступал иногда в роли мударриса в открытом им медресе при дворцовой мечети [Семенов, 1954, с.3]. Важно, что мнение слушателей медресе часто использовалось при выборах должностных лиц, для смещения неугодных духовенству высших сановников эмирата.

Большое значение в ханствах Мавераннахра уделялось торговле, игравшей огромнейшую роль в функционировании данных

Самарканд. Мелочные торговцы на Регистане
(колл. МАЭ РАН, И-255-116).

государственных образований, которой старались покровительствовать и ханы. В связи с этим было много людей, связанных с управлением только сферой торговли. Это специальные чиновники, следившие за соблюдением правил торговли на базарах, а также назначаемые *караван-баши* (главы караванов). Например, только Карши располагал специальным верблюжьим караваном, связывавшим Восточную Бухару с Западной, в количестве шести тысяч единиц [Мухетдинов, 1924, с.67]. Следовательно, в общем числе чиновников ханства значительную долю занимали так называемые торговые должности. Правительство старалось облегчить движение караванов и строило в степях караван-сарай, крытые колодцы, цистерны для хранения дождевой воды. Рядом всегда располагался и зякетный пост для сбора таможенных пошлин [Терентьев, 1876, с.57], так что ханы, содействуя торговле, получали дополнительные доходы. Верховные правители иногда сами встречались с главами караванов, получали сообщения от чиновников, контролирующих караванные пути.

Кочевники при необходимости контактов с ханом посылали к нему глав племенных подразделений, почетных представителей родов, а не действовали через бекскую администрацию.

Снаряжение каравана в путь
(колл. МАЭ РАН, И-4443-10).

Встречи главы ханства с различными категориями населения были не только официальными. Например, бухарский эмир во время своих осенних поездок в Самарканд принимал участие в козлодрании и не обижался, если кто-нибудь толкнет его или даже ударит плетью [Ханыков, 1843, с.69]. Подобные взаимоотношения повышали авторитет эмира в глазах народа.

Таким образом, каждая встреча хана с народом несла свою определенную нагрузку. Доступность правителя в некоторой степени могла уменьшать произвол чиновников на местах. Теоретически почти все слои населения имели возможность в той или иной форме донести свои просьбы до правителя ханства. Однако очевидно, что решение многих проблем все-таки сосредотачивалось в рамках местного управления.

Бек контактировал с населением в основном опосредованно, т.е. через аксакалов. Необходимости же в прямых регулярных и определенных контактах не было. Вероятно, народ в редких случаях жаловался на бека или амлокдора непосредственно хану, причем для глав округов и областей это могло привести к потере должности.

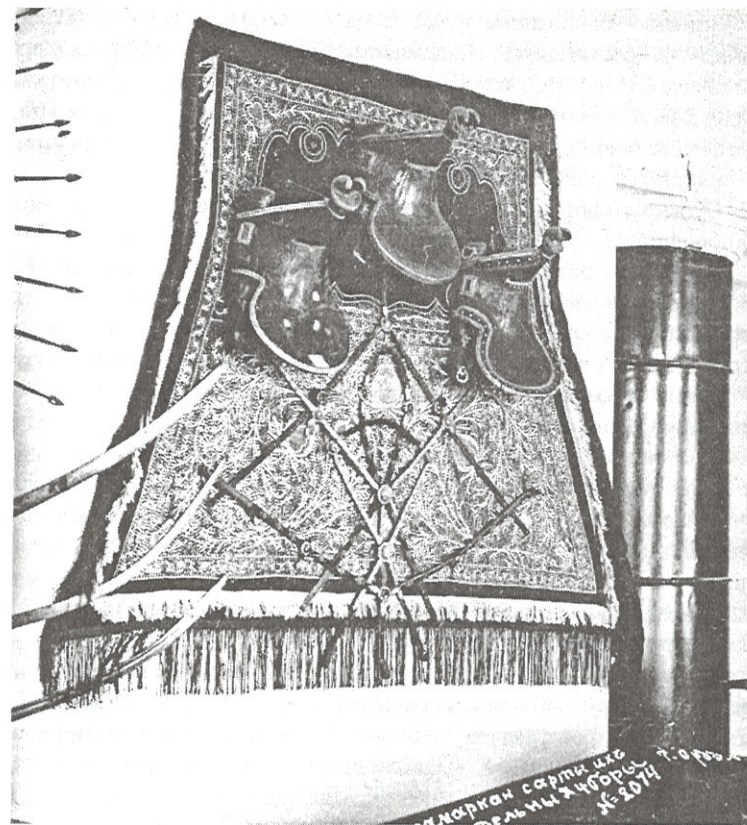
Безусловно, самыми важными и регулярными являлись взаимосвязи между населением и главами местного управления. Одна из особенностей должности аксакалов, в отличие от лидеров других уровней управления,

заключается в том, что они обязательно одновременно входили в два круга общественных отношений. С одной стороны, они руководили жизнью общины, что являлось основополагающим в их деятельности, а с другой — находились в контакте со средней ступенью власти, являясь связующим звеном между населением и политическими институтами управления. Аксакал жил среди подчиненного населения и одновременно руководил им. К официальным контактам относились, прежде всего, ежегодные собрания членов общины, где глава гузара или кишлака отчитывался о своей работе, получая от населения подтверждение на дальнейшее управление. Аксакалы по отношению к народу выполняли распорядительные функции, получая иногда приказания от вышестоящей власти. Они добивались от жителей выполнения своих распоряжений, опираясь не только на свой собственный авторитет, обычай или мнение коллектива, но и располагали определенными средствами принуждения. Особенно часто аксакалам приходилось разбирать всевозможные споры и конфликты, основываясь нередко на местных традициях. Вот один из подобных примеров. Если у кого-то были украдены деньги, потерпевший обращался к аксакалу, который собирал жителей селения и сообщал о случившемся. Затем народ расходился и вновь собирался, но уже около дома пострадавшего. По очереди пришедшие высыпали из халата землю, принесенную со своего двора. Когда все расходились, хозяин часто обнаруживал украденное [Хорошхин, 1872].

Лидеры всех уровней управления так или иначе вступали в контакт с населением, жизнь которого была строго упорядочена. Точно сказал об этом С. Брынских: «Махалля, ее мнение регламентирует поступки и даже образ мыслей человека. Она не оставляет без внимания и не прощает отступления от норм и правил ни в большом, ни в малом» [Брынских, 1988, с.78].

Подношения как звено в цепи взаимосвязей

Неотъемлемую часть действия любого механизма в каждом из рассмотренных блоков управления составляли подношения. На них строились взаимоотношения, с одной стороны, лидеров всех уровней между собой, а с другой — между представителями власти и населением. В первом случае выделялись так называемые официальные обязательные подношения, отражавшие внутреннее содержание системы управления и соподчиненность отдельных ее элементов. Количество и сроки их привоза были определены. Особенно крупных размеров были дары, преподносимые верховному правителю ханства, называемые *тортук* [подр. см.: Андреев, Чехович, 1972, с.98—102]. Несколько раз в год беки привозили подарки хану, количество которых зависело, прежде

Самарканд. Сартское седло
(колл. МАЭ РАН, И-255-153).

всего, от богатства того или иного округа. Тортук мог быть разного вида. Это осенний тортук, посылавшийся беками по окончании сбора налогов вместе с собранными деньгами, а также благодарственный тортук, обычно посылаемый вновь назначенным главой округа по прибытии на новое место службы в благодарность за полученную должность, или дары, преподносимые верховному правителю по случаю особых праздников и т.д. В любой вид тортука обязательно входили лошади с полными комплектами конской упряжи и разнообразные дорогие халаты, количество которых было определено для каждого главы округа. Н.А. Маев сообщает также [1875, с.27], что беки должны были отдавать хану все подарки, полученные ими от кого-либо. Иногда хан возвращал их, но мог и оставить себе [Маев, 1875, с.27]. Вряд ли это правило полностью выполнялось беками, но тем не менее могло сократить

их богатство, основанное также и на различных подношениях, кроме разницы в собираемых с населения налогов. Суть такого дарения сводилась к тому, что главы округов являлись своего рода посредниками в передаче подарков от населения хану. По аналогии с верхним уровнем управления подобные виды подношений получали беки от подчиненных им правителей областей и других должностных лиц.

Существовало, безусловно, и обратное направление в цепи всех подношений, т.е. при получении подарков вышестоящими лидерами одновременно следовало одаривание нижестоящих должностных лиц, причем в зависимости от занимаемого ими положения определялось количество и состав вручаемого. Очевидно, что многие из предметов, изготовленные специально в качестве подарков, так и не использовались по своему прямому назначению, а переходили по сложной цепочке дарений из одних рук в другие.

Постоянный характер носили также и ситуативные подношения, часто именуемые взяткой. В таджикском и узбекском языках взятка обозначается терминами «пора», «ришва(т)». Как отмечал С.П. Поляков, понятие «взятка» отсутствует в исламе как таковое. Оно рассматривается и шариатом и общественным мнением как плата за оказанную услугу, т.е. проделанную тем или иным лицом «работу» в пользу просителя. Например, абсолютно нормальным считалось то, что председатель квартального комитета брал плату, когда ставил свою подпись и печать на какой-либо документ [Поляков, 1989, с.34—35]. По своей сути взятка представляла собой не что иное, как материальное дополнение к словесной благодарности. Это средства, на которые жили чиновники. Ее получение служило сигналом к началу действия взаимосвязанных механизмов в системе управления, необходимым условием для нормального функционирования политических институтов. При этом все без исключения представители власти были вовлечены в круг отношений «дарение—получение дара».

Взятка являлась установленной обществом традиционной платой за выполнение обычных должностных полномочий в виде услуги конкретному человеку. Специфика данного вида подношения заключалась также в том, что взятка чаще всего представляла собой «заблаговременный, досрочный» подарок, т.е. в большинстве случаев ее вручение предшествовало выполнению услуги. Сама она, в свою очередь, подразделялась на различные виды. Это так называемая регулярная взятка, т.е. уже установившаяся плата, которую все знают, когда, кому и за что полагается давать. Например, в сообщении Н.А. Фридриха, посетившего Бухарский эмират, говорится, что «достаточно при сборе податей не дать взятки амякдару или подарка беку — тотчас донос» [Фридрих, 1910, с.71]. Здесь налицо как бы двойной пресс: и подать,

и взятка, которая в данном случае была лишь частью постоянной процедуры сбора налогов с населения и вряд ли воспринималась сознанием в качестве взятки как таковой. Часто в литературе, например у П. Небольсина, относительно ханств Мавераннахра отмечается обычай «хождения на поклонь», сутью которого являлось задаривание значимых должностных лиц иерархической цепи управления в соответствии с их влиянием на дела, начиная с верхнего звена, т.е. с главы ханства [Очерки... 1856, с.6].

Были и спонтанно возникавшие подношения с заранее неизвестной суммой платежа и объектом вручения. Необходимость в их подаче наступала при случайно возникших обстоятельствах, хотя, возможно, уже неоднократно имевших место в прошлом.

Вот один из примеров получения такой взятки, где подробно описывается сам процесс, показывающий сущность этого явления, в связи с чем в тексте приводится достаточно полное изложение сюжета. При проверке весов на базаре раис находит гири-недовески... «Тогда раис вызывает аксакала базара. Обычно это солидный бай, который привычным оком сразу оценивает положение — чего сейчас добивается раис — наказания виновного или взятки. Аксакал говорит, что это чужие, случайные гири, и все мясники, товарищи по цеху, поддерживают аксакала... раис уходит или ломает весы для устрашения других... Через некоторое время к провинившемуся является заместитель аксакала — пойка и требует несколько пудов мяса и сала. Мясо и сало пойка относит к девонбеги (завхозу) раиса от имени аксакала...

Действовать надо не через аксакала, а через подставное лицо — одного из «друзей» раиса. «Друг» раиса, также приглашенный на плов (к аксакалу. — *О.С.*) советует собрать с провинившихся баев (не битых), скажем, по тысяче танга, по два куска красного и два куска белого шелка, а с битых торговцев еще сверх того по куску золотого шитья. Тут же от имени аксакала сочиняют прошение раису: принять подарки — деньгами для сына, ткани — для матери, жены и дочерей. Затем вызывали на угощение сына раиса, вручали ему деньги и письмо к раису — с просьбой отдать отцу, а себе, матери и сестрам — деньги и подарки» [Ремпель, 1981, с.44—45].

Как видно из приведенной цитаты, сложился очень отлаженный механизм получения взятки. Представителям властных структур необходимо было чувствовать и быстро оценивать ситуацию, а также действовать безошибочно в подобных случаях, чтобы своими решениями не вызвать недовольство вышестоящего должностного лица, и как можно дольше находиться в числе управляющих другими людьми. Здесь внешне взаимодействуют между собой лишь представители власти, а народ (виновные) оказывается несколько в стороне от случившегося.

Аксакал отвечал за работу торговцев, с ним и осуществлялась сделка, т.е. спрашивали непосредственно с лидера, а не с его подчиненных. В данном случае аксакал платит как бы за свой обман и просит о снисхождении к провинившимся от своего имени. Безусловно, в дальнейшем те, за кого он поручился, расплачивались с ним отдельно помимо раиса. Таким образом, сделка обычно осуществлялась через посредников, занимавших административные должности. В итоге внешне раис вроде бы ничего не получал, так как это была не взятка ему, а просто подарки семье от людей, подчиненных ему, которые уважали его и его труд. Постоянные подобные контакты между должностными лицами в сходных и часто возникавших ситуациях создали определенный этикет, специфичный для каждой ступени управления. Взятка может рассматриваться и в качестве символического знака власти, а церемония ее вручения оказывала влияние на политическую социализацию по аналогии с правительственными ритуалами.

Любые виды подношений своеобразно обеспечивали функционирование всей государственной системы. Они являлись одним из условий установления и поддержания хороших отношений между людьми, независимо от занимаемого ими места в обществе. Вообще все рассмотренные механизмы можно разделить на регулярные и ситуативные. По всей видимости, в своей совокупности они и определяли специфику взаимодействия политических и потестарных институтов управления.

Таким образом, политическая система Бухары XIX—начала XX в. представляла собой довольно простую и упорядоченную совокупность властных институтов. На каждом уровне управления выделялись лидеры, обладавшие соответствующим объемом должностной власти. От вышеописанной структуры и механизмов взаимодействия политических и потестарных институтов целесообразно перейти к методам управления, которые более детально раскрывают суть должностных полномочий.

...Бухара — из городов Мавераннахра, его столица, по мнению большинства, является благословенным и почитаемым городом... Люди его доблестные, добродетельные, жизнерадостные, справедливые, искренние и простодушные. С насилем они не дружат ... по причине многочисленности ученых и знаний его называют родником ученых и науки.

Махмуд ибн Вали (XVII век)

Глава II

МЕТОДЫ УПРАВЛЕНИЯ

Должностная власть использовала различные методы и приемы управления. Форму и содержание методов определяли в первую очередь границы должностных полномочий. Как известно, исследованием фундаментальных проблем политики, ее наиболее глубоких сущностных оснований занимается политическая философия. Это одна из основных областей философского знания о человеке и обществе. Ведущими категориями политической философии являются: политика, власть, управление, государство, право, авторитет и легитимность. В данной работе разрабатываются категории авторитета и насилия как методы управления.

Следует отметить, что система управления Бухарского эмирата основывалась на взаимоконтроле политических институтов. При этом можно выделить внутренний и внешний контроль. В основе первого вида лежал взаимоконтроль представителей управления всех уровней. Эмир при руководстве страной опирался на такие органы власти, как государственная канцелярия, финансово-податный, духовно-судебный и наблюдательно-сыскной отделы. При выполнении каких-либо указаний верховного правителя представители различных органов, как правило, одновременно были ответственны за окончательный результат, таким образом контролируя друг друга. С. Айни, например, отмечал, как в Бухаре «эмир отдал приказ четырем шафриканским чиновникам — казию, раису, сборщику налогов (амлокдору) и начальнику стражи (миршабу) — приступить к работе и довести до конца проведение нового русла канала» [Айни, 1980, с.49]. По-видимому, вся система управления в среднеазиатских ханствах, где имело место разделение властей, была не просто иерархической, но и взаимоконтролируемой.

Продемонстрировать это можно на примере отношений «бек—казий». В каждый округ хан назначал казия, которому бек не был подчинен. Обычно им становился человек из ближайшего окружения верховного судьи, хорошо знавший законы шариата и окончивший курс наук в высшем медресе. Казий, как правило, был независим от местного бека, о деятельности которого обязан был доносить эмиру. Представители двух правящих институтов постоянно осуществляли надзор за деятельностью друг друга. Например, сведения о количестве урожая, которые собирал бек, одновременно собирал и судья вместе с уполномоченным эмиром чиновником, после чего оба правителя отправляли данные в столицу [Фридрих, 1910, с.70]. Казий выступал в роли прокурора, следившего за исполнением законов и деятельностью административных лиц в каждом районе округа. Проживая обычно в главном городе бекства, во всех амлокдорствах он имел своих доверенных лиц. Донос о злоупотреблениях властью беком мог вызвать недовольство у верховного правителя, следствием которого являлось смещение с должности, нередко с конфискацией имущества, и «важный сановник в одно мгновение превращался буквально в нищего» [Нечаев, 1914, с.73]. Вероятно, на практике бек и казий чаще всего действовали сообща для извлечения наибольших материальных выгод. Независимо собранные сведения о деятельности друг друга могли использоваться для сохранения собственного служебного положения или даже как средство шантажа с целью получения дополнительного вознаграждения. Внутренний контроль наблюдался и на бытовом уровне. По данным Белявского, согласно установленному правилу, амлокдор не мог вступать с кем-либо в разговор без свидетелей [Дополнительные сведения... 1887, с.155—156].

Внешний контроль предполагал взаимодействие правителей с населением. Так, С.А. Носович, член российского посольства в Бухаре в 1870 г. писал, что однажды уличный акробат на просьбу показать свое искусство ответил отказом, ссылаясь на то, что необходимо спросить разрешение эмира через кушбеги [Носович, 1898, с.639]. Сам автор объяснил это тем, что самые обычные явления частной жизни жителей составляли личную заботу эмира. Очевидно, что эмира не столько интересовали подобные мелочи, сколько ему должны были обо всем сообщать как верховному правителю. Данный случай произошел в столице эмирата. Вероятно, в остальных бекствах о сходных ситуациях докладывали непосредственно главе округа, области или аксакалу. Представители власти любого уровня должны были быть осведомлены о деятельности подчиненного населения.

Лидерам всех ступеней властной иерархии необходимо было использовать эффективные методы управления, чтобы в течение

длительного времени оставаться на своем посту. Важно было политически искусно лавировать между различными слоями оседлого населения, с одной стороны, и кочевниками — с другой. Главный принцип, лежавший в основе любого метода, состоял в стремлении угодить и исполнить волю вышестоящей власти, даже если при этом нарушались границы должностных полномочий. Орудием проведения лидерами своих решений являлись в основном должностная сила и должностной авторитет, переплетавшиеся между собой.

1. ДОЛЖНОСТНАЯ СИЛА — СИЛОВОЙ ЛИДЕР

Власть и насилие

Насилие представляет собой самые разнообразные по форме, видам, целям проявления силы в общественной жизни. До настоящего времени насилие рассматривалось в основном в рамках социологии, политологии, психологии. Рассмотрение этого явления с использованием этнографического материала позволяет выявить этнически специфические черты проявления насилия в традиционном обществе, а также их возможное сохранение и влияние в условиях современности.

Предметом настоящего исследования являются различные формы физического насилия со стороны должностных лиц. Социальное явление рассматривается не во всех аспектах его проявления, а только в отношении «управляющий—управляемый». Безусловно, выявить этническую специфику данного явления в полном объеме можно лишь при рассмотрении различных видов насилия, количественного и качественного их соотношения, при выделении преобладающих видов и т.д. Физическое принуждение являлось одним из распространенных силовых методов управления в среднеазиатском регионе XIX—начала XX в.

Следует разграничивать определение явления как насильственного действия и как набор действий, направленных на применение физической силы к человеку. Хотя они могут рассматриваться и как синонимы согласно некоторым моральным установкам людей. По-видимому, одним из основных критериев собственно насилия и насильственной модели поведения выступает свободное волеизъявление человека относительно совершения над ним насильственных действий.

В большинстве стран отсутствует узаконенное государством право нанесения людям физического ущерба в мирное время. В данном случае под насилием будет пониматься применение к человеку физической силы вопреки его воле.

Очевидно, что насилие по содержанию и форме проявления не является застывшей и неизменной категорией. Оно претерпевает

закономерную историческую эволюцию, т.е., говоря словами американского исследователя Х. Арангурена, «мы должны обязательно перенестись в ту историческую неповторимую и специфически-конкретную ситуацию, в которой происходили насильственные действия, поставить себя на то место непосредственных участников этих событий» [Денисов, 1975, с.49]. К тому же насилие, как и любое социальное явление, во многих аспектах противоречиво, обладает определенной относительностью, с его помощью могут достигаться как отрицательные, так и положительные результаты.

Первоначально рассмотрим институты власти и их представителей как субъектов насилия. В узбекском языке существует около десяти слов и словосочетаний, определяющих понятие насилия [Русско-узбекский словарь, 1983, с.618]. Безусловно, сегодняшнее значение терминов отличается от их восприятия в реальной среде. Однако они могут быть использованы при рассмотрении проблемы.

Отдельные слова приравнивают понятие насилия к понятию силы, синонимичными выступают выражения «применять силу» и «применять насилие» (куч кўллаш, кучини кўрсатиш, куч ишлатмок, зўрлик и др.). Возникает вопрос, с какой целью власть применяла силу и являлось ли это актом насилия с ее стороны в Бухарском эмирате XIX—начала XX в. Появляется **первая цепочка** взаимосвязанных категорий для рассмотрения: «**власть—сила—насилие**».

Не останавливаясь подробно на первом звене цепочки, следует отметить, что существует несколько основных групп трактовки определения: концепция власти как способности воздействовать на поведение людей, родоначальником которой считается немецкий социолог М. Вебер; функциональные определения власти; власть как созидательное начало и др. [Философия, 1993, кн. III, с.4; Технология... 1995, с.14—27]. Существуют также развернутые определения власти. В «Словаре социологических и политических наук» под редакцией аргентинского политолога Т.С. Ди Телла говорится: «Власть определяется как способность или возможность производить желаемое воздействие на поведение какого-либо объекта, что подразумевает наличие активного субъекта, который влияет на объект какими-либо физическими (материальными) или идеальными (духовными) методами. В сфере социальных наук субъектом и объектом являются люди. Власть подразумевает определенное влияние или желание (намерение) со стороны субъекта повелевать и предполагает, что объект (другой человек) воспримет определенное отношение и последует желаемому поведению, но при этом вовсе не обязательно, чтобы объект осознал смысл данной ситуации, т.е. он может следовать определенному курсу, не понимая, что тот ему навязан» [Философия, 1993, кн. III, с.4—5]. На любой

стадии общественного развития властную деятельность обеспечивает так называемая «единая управляющая воля — власть» [Философия, 1993, кн. III, с.10—11]. Любое сообщество саморазделяется на две подсистемы: систему управления и систему подчинения. Налицо определенная схема взаимосвязей, при которой одна сторона осуществляет руководящую волю, а другая подчиняется и следует ей. Главное, что чья-либо деятельность, не способная навязать чужую волю, не является властной деятельностью.

Среди различных методов управления можно выделить два основных, полярных друг другу: принуждение и убеждение. В различных системах наблюдается разное их количественное сочетание. Очевидно, что внутренняя структура и деятельность любого сообщества в большей или меньшей степени несправедлива и противоположна индивидуальным устремлениям людей в своей основе. Поэтому ни одна власть не может достичь целей без использования в необходимых случаях какого-либо из видов принуждения, в том числе физического. Таким образом, наличие власти дает право на применение силы и насилия, т.е. власть, сила и насилие — тесно взаимосвязанные между собой категории и явления общественной жизни; не синонимичные, хотя и обладают некоторыми общими чертами. Право власти на применение силы обосновывается представлением о ней населения. Выделяются два уровня общественного сознания. С одной стороны, психологическое восприятие власти как явления, не связанного с конкретным человеком, с другой — как власть отдельного человека, занимающего определенное место в системе управления.

Так, в первом случае, вероятно, имело место представление о божественной природе происхождения власти. Отношение к власти как к дару, дару божественному, формировало у людей чувство уважения и страха по отношению к тому, кто таким даром обладал, и кто при этом распоряжался им в соответствии с общепринятой этикой власти. Как отмечает один из исследователей, «любой мелкий чиновник оказывается личностью более уважаемой, чем зажиточный торговец и даже промышленник, так как на служащего непосредственно государственной власти переходит хоть малая толика того неземного света, который в представлении обитателей восточных обществ осеивает правителя страны» [Зубов, 1990, с.324]. То есть данное представление о власти, которое персонафицированно выражается во властной вертикали (от главы семьи до хана), давало им право на применение силы и насилия, обоснованное как право божества. Часто оскорбление людей, занимавших какую-либо должность в системе управления, или отказ выполнить их требования считалось оскорблением ислама [Саидбаев, 1984, с.75].

Сразу же следует оговориться, что существовала особенность восприятия людьми религиозной власти, которая в данном случае не

рассматривается. По мнению Б.Н. Хатунцева, «религиозная власть никогда не есть самодовлеющая, она всегда есть отражение господства божества. Не своею волею, но осуществлением воли божества сильны имеющие и имевшие религиозную власть» [Хатунцев, 1925, с.99]. Таким образом, в глазах населения религиозные деятели лишь исполняли волю Бога и не обладали властью как таковой, хотя в действительности она у них была значительная, только выражалась в несколько иных формах.

Разница в восприятии людьми светского и религиозного лидера отмечена в наблюдениях Г. Арандаренко, сделанных им в XIX в. в одном из кишлаков, т.е. на уровне местного управления. Люди «повинуются казию как ишану (благочестивому), а аксакалу как власти, они по-прежнему первого только уважают, а второго и боятся; определениям первого возражают, а слово второго принимают за веру, и все раболепно ему подчиняются. Все это легко объясняется именно тем, что власть аксакала всегда выражалась активно» [Арандаренко, 1874].

Отсюда следует и второе, возможно, одно из главных представлений населения о власти. Это ассоциация ее с силой, в том числе физической, причем представление о власти каждого уровня управления было различным в связи с неодинаковым объемом силы, которым обладали лидеры. Естественно, что максимальный объем такой силы имел верховный правитель. Именно он ассоциировался с понятием государственной власти. Это наглядно подтверждают многочисленные философские трактаты, часть которых посвящена непосредственно верховному правителю, т.е. как бы сила в лице главы государства может руководить так, чтобы оно было идеальным. При этом постоянно отмечается, что правитель страны должен быть не только справедливым, но властным и сильным. Например, «Трактат о порядке цивилизации и взаимопомощи» Ахмада Дониша (1827—1897), среднеазиатского мыслителя, уроженца города Бухары, жившего в рассматриваемый период. Выдвигая десять условий, которыми должен руководствоваться глава государства, он отмечает, что «правитель при вынесении приговора не должен проявлять слабость, вялость и лицемерие». Он должен знать, что приговор не может удовлетворить желания всех. Если решение справедливое, то правитель не должен бояться гнева тех, кто не доволен приговором [Рзаев, Ташкулов, 1990, с.152]. Также А. Дониш вскользь упоминает о божественном происхождении власти, что «султан является как бы садовником», а сад ему дает Всевышний [Богоутдинов, 1961, с.294]. Вообще, в истории исламской политической мысли под политической понимались административные меры, правотворчество, осуществляемые главой государства и его представителями на местах.

Власть не только воспринималась как сила, но она действительно была таковой. Сами чиновники единодушно выступали за постоянное

применение физической силы к населению для поддержания общественного порядка и создания подобным образом возможности для спокойного управления. «Народ бухарский до такой степени испорчен, что, для того чтобы управлять им, необходимо каждый день умерщвлять хотя бы по одному человеку» [Костенко, 1870а, с.418]. Как жаловался один из представителей должностных лиц, «который чиновник по спицам нагайкой хлещет, того уважают, кланяются ему, подарки дают, а смиренному никакого уважения, слушать не хотят» [Нечаев, 1914, с.13]. По-видимому, своеобразно влияли силовые методы управления и на уровень авторитета лидеров всех ступеней властной иерархии.

Зачастую народ признавал прежде всего ту власть, которая доказывала, что она сильнее прежней, чему есть достаточно примеров. Это еще раз подтверждает тезис о восприятии людьми власти в качестве силы. Следовательно, и любая деятельность управляющих воспринималась прежде всего как применение силы в какой-либо сфере, в том числе использование физической силы. И само население допускало возможность ее применения со стороны властной системы как право при управлении подчиненными.

Как отмечалось, имел место и другой уровень общественного сознания, при котором понятие власти соотносилось с отдельным человеком из системы управления. Это уровень «авторской власти».

Эмир, как правило, являлся олицетворением высшей справедливости. В историческом памятнике XI в. «Благодатное знание» Юсуфа Баласагунского, посвященном эпохе правления Караханидов, говорится, что «справедливости дано имя Кюнтогды-элик, это — властитель» [Баласагунский, 1983, с.6]. Население Бухары XIX—начала XX в. также считало эмира справедливым, однако большинство его слуг «никогда не слыхало о справедливости», вследствие чего государство и пришло в упадок [Абд-ур-Рауф, 1913, с.76]. Существовала мифологизация «авторской власти». Жители эмирата создавали легенды и вымышленные рассказы о жизнедеятельности высших должностных лиц. Например, в народе существовало несколько объяснений того, почему эмир Абдулахад чаще жил в Кермине, а не в столице. Одни считали, что кушбеги хотел быть полновластным правителем, поэтому «чародейскими заклинаниями отвратил сердце эмира от города Бухары». По мнению других, эмир провинился перед российским правительством, так как во время поездки в Россию совершил насилие над женщиной. «В наказание царь запретил ему вступать в Бухару, а велел скитаться по степям ханства» [Айни, 1981, с.45]. Вероятно, в общественном сознании представление о власти верховного правителя существовало не столько в реальной вере в его божественное происхождение, сколько в мифологизированном представлении об абстрактной высшей власти,

т.е. чаще воспринимался не конкретный эмир-человек, а правитель государства, которого большинство жителей ни разу в своей жизни не видело. Велика была дистанция «простой народ—эмир». Складывалось двойное его восприятие — от абсолютной идеализации (признание всех его деяний верными и справедливыми) до ненависти (отрицание его божественного начала и оценка его действий как преследование личных, корыстных и антинародных целей). Под властью лидеров любого уровня понималось их право, в первую очередь, на свободу и собственность граждан. Официально занимаемое должностное место давало конкретным людям возможность применять физическое принуждение в целях достижения своих требований.

Таким образом, власть тесно взаимосвязана с применением силы и насилия в общественной жизни. Сила и насилие не синонимичны, хотя и обладают некоторыми общими чертами. Их разницу отмечали многие исследователи. Одна цитата из работы американского философа Ш. Волина: «Насилие в отличие от силы всегда подразумевает применение силы к объекту не только вопреки его воле и желанию, но также и вопреки закону... Подразумевается, что соответствующие органы власти могут и должны применять силу при определенных обстоятельствах, и это никого не удивляет и не вызывает, как правило, возражений. В то же время негативную реакцию и осуждение вызывают те случаи, когда сила применяется там и теми, где и от кого не ждут ее применения. И тогда в этой ситуации применение силы становится уже проявлением насилия» [Денисов, 1975, с.62]. В приведенном различии в качестве основного критерия насильственных действий выступает закон. В Бухарском эмирате действующие мусульманское и обычное право предполагали применение властью физической силы за определенные проступки, и это не вызывало осуждения со стороны населения. Следовательно, в Бухаре XIX—начала XX в. имело место узаконенное насилие.

Далее подробнее остановимся на одном из вариантов проявления узаконенного насилия — физическом наказании подчиненных со стороны управляющих. Отдельные узбекские слова приравнивают определение насилия к понятию физического наказания, что дословно переводится как «бить, колотить палкой» (калтаклаш).

Вторая цепочка взаимосвязанных категорий для рассмотрения: «**физическое насилие — физическое наказание**». Очевидно, что без силы нет власти, будь то физическая сила, сила авторитета, должностная сила и т.д. Лица, располагающие властью, должны постоянно демонстрировать свою силу в каком-либо из ее качеств, а физическое наказание — один из легких, непосредственных, запоминающихся способов демонстрации такой силы на любом уровне управления.

По-видимому, оценивать конкретный вид наказания следует по крайней мере с трех основных точек отсчета: субъекта, объекта и стороннего наблюдателя в форме общественного мнения, позиции которых не всегда совпадали. Их своеобразие также определяет специфику этого социального явления. Роль стороннего наблюдателя, вероятно, была одной из ведущих, особенно в Средней Азии. Например, с точки зрения объекта почти любое наказание воспринимается им первоначально как насилие. Другое дело, что позже, суммировав ряд обстоятельств, объект может рассматривать совершенное над ним наказание уже двойко: как обоснованное и необоснованное насилие со стороны субъекта. Таким образом, необходимо ввести один из основополагающих критериев оценки действия как насильственного — категорию обоснованности. Как представляется, при определении явления в качестве обоснованного насилия непосредственно насилием воспринимался сам акт действия над человеком, в то время как указания к этому действию со стороны власти рассматривались не как насильственные, а как верные, оправданные и необходимые.

Одновременно с этим важно учитывать и следующие обстоятельства, влияющие уже непосредственно на категорию обоснованности:

- сфера, в которой совершается наказание: политическая, включающая надобщинные органы управления, или неполитическая;
- внутрисистемное или внесистемное наказание (вне или внутри ханства, общины, городского квартала, семьи);
- ббльшая или меньшая степень удаленности друг от друга субъекта и объекта наказания.

А.К. Байбурун и А.Л. Топорков в работе «У истоков этикета» разграничили такие понятия, как мотивировка и мотивация [Байбурун, Топорков, 1990]. Эту терминологию уместно использовать и в данной работе. Следует четко отделить мотивировки явления (объяснения насильственных действий, которые давали сами носители традиции и которые объективно существовали в бухарском обществе XIX—начала XX в.) от мотиваций. Раскрытие термина мотивации предлагается исследователем данной работы.

Виды наказаний

В надсемейном уровне четко выделяются два вида наказаний. Это наказание с сохранением человеку жизни, или наказание как таковое, и наказание, результатом которого является лишение человека жизни, или казнь. Определить и дать распоряжение к исполнению того или иного вида наказания могли представители власти всех уровней, т.е.

главы институтов управления в Бухарском эмирате (эмир, бек, амлоктор, аксакал) в соответствии со своими полномочиями, или специальные должностные лица, в сферу деятельности которых входило и наказание людей. Все они являлись «источниками наказаний», сигналом для которых служили или неподчинение власти, или проступки в других сферах общественной жизни.

Существовали и различные направления наказаний, два из них являются ведущими. Объектами первого являлись представители системы управления. Это иерархо-индивидуальное направление. Специфика его заключалась в том, что сигналом к наказанию служил не проступок человека как таковой, требующий определенного физического воздействия, а неподчинение вышестоящей власти или нарушение каких-либо ее предписаний. Следствие же сигнала в виде формы наказания было сходно со вторым направлением. Его можно обозначить как простое индивидуальное направление, при котором объектами физического наказания со стороны представителей власти являлись обычные люди, находящиеся в подчинении, но не имеющие официальных должностей.

Основными формами физических наказаний в Бухарском эмирате, независимо от их направления, были: 1) наказание плетью или палками, 2) заключение в тюрьме или яме.

По-видимому, одним из главных факторов, характеризующих все перечисленные виды и формы, являлся временной фактор, который оказывал своеобразное влияние на ту тонкую грань между оценкой действия как насильственного или нет, т.е. на категорию обоснованности наказания с точки зрения объекта и общественного мнения. Данный фактор делит все наказания первого вида на две группы.

К первой группе наказаний по временному фактору относятся физические воздействия на «месте нарушения», или своеобразное «мгновенное наказание». При этом цепочка «объект наказания—сигнал к наказанию—источник наказания—исполнители—объект» замыкается сразу, без затрат времени для разбирательства существа дела. «Источник наказания» становится непосредственным наблюдателем происходящего. В качестве источника могли выступать все главы институтов управления, по велению которых палочным ударам на месте подвергались люди за какие-либо незначительные проступки, так как за серьезное неподчинение власти выносился смертный приговор. Часто поводом для вынесения наказания было нарушение норм этикета при общении с должностными лицами, особенно при общении людей с ханом или беками, где поведение обеих сторон было жестко ритуализировано, в меньшей степени это относится к главам городских кварталов или селений. Так, во время приема эмиром Музаффаром жалоб и просьб

населения «просители должны подойти на известное число шагов к окну, став на колени, затем, взяв прошение, приложить ко лбу. Тогда по знаку эмира один из удайчи берет его и подает эмиру, который, прочтя его, тут же кладет резолюцию» [Семенов, 1954, с.23]. Один из чиновников перепутал последовательность, сначала приложив прошение ко лбу, а затем встав на колени, за что тут же был наказан 75 палочными ударами. После чего он все проделал по установленному церемониалу, и его прошение было удовлетворено [Семенов, 1954, с.23].

Кроме хана, беков, амлокторов в качестве «источника наказания» выступает также и раис со своими помощниками, который представляет собой непосредственно источник, а помощники играют роль исполнителей наказания, т.е. приводят в действие сигнал, поступающий от раиса. Раис являлся своеобразным символом подобного вида «мгновенного наказания» в связи с должностными полномочиями, которыми он располагал и результатом которых являлось непосредственно физическое наказание людей. Его обязанности состояли в том, чтобы наблюдать за нравственностью населения, за тем, чтобы мусульмане исполняли все правила и молитвы, предписанные им религией; он же следил за порядком торговли на базаре.

Сходная с полномочиями раиса должность существовала и в средние века. Например, в Саманидском государстве (X в.) организация аппарата управления предполагала наличие царского двора и десяти диванов, т.е. ведомств, занимавшихся определенной сферой деятельности [Гафуров, 1972, с.341—342]. Среди них был и диван мухтасиба, следивший за правильностью употребления мер и весов на базаре. Этот диван стал постепенно надзирать и за нравственностью населения, посещением мечетей и употреблением вина, т.е. по сути это тот же аппарат раиса XIX в. О важности и необходимости должности мухтасиба писал в своей книге о правлении («Сиасет-намэ») визирь Сельджукских султанов XI в. Низам ал-Мульк [Сиасет-намэ, 1949, с.47], опиравшийся в организации управления на практику саманидского периода.

Таким образом, раис наказывал за проступки в двух важнейших областях жизнедеятельности людей — религиозной и экономической, а ежедневное исполнение его полномочий приходилось на время от утреннего намаза до вечернего. В первом случае он объезжал городские мечети и наказанию плетью подвергались все отсутствовавшие на намазе без уважительных причин, а также те, кто по просьбе раиса при встрече с ним на улице не мог прочитать наизусть какую-либо из обязательных для заучивания молитв. Постепенно, день за днем, он объезжал все мечети городских кварталов. По сведениям Б.Х. Кармышевой [1985, с.95], временами он выезжал и в кишлаки, даже в отдаленные узбекские кочевья, где устраивал публичную проверку знания намаза.

Иногда, при совершении проступка впервые, раис только прилюдно отчитывал провинившегося, а на второй раз применял к нему уже телесное наказание. Здесь срабатывала характерная для Средней Азии традиционная схема: первоначальное осуждение общественным мнением, а затем уже другие, соответствующие конкретной ситуации меры. Во втором случае раис объезжал на коне базары и заподозренные им в нарушении правил торговли подвергались прямо на месте избиению палками.

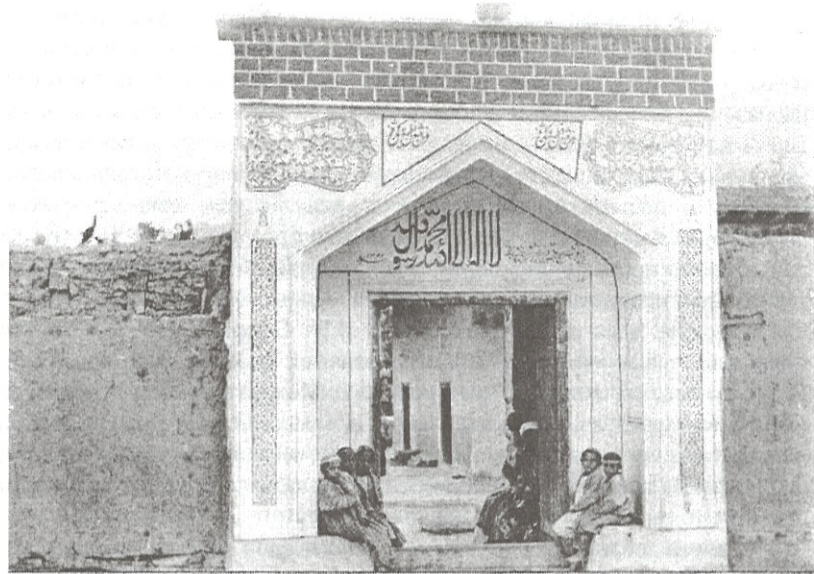
С раисом всегда следовали непосредственные исполнители наказания — *мулозимы* с палками и *дARRАДАСТЫ* — носители плети. Раис города Бухары назначался и сменялся эмиром, а его титул был *риосат-панох* (букв. — убежище начальствования) [Семенов, 1954, с.45]. В его подчинении находились раисы округов и областей. Он являлся символом «мгновенного наказания» прежде всего в столице эмирата, городе Бухаре, где непосредственно им, главным среди других, постоянно совершались проверки в мечетях и на базарах. Причем в отличие от глав всех уровней институтов управления, это должностное лицо не могло просто наказать за неподчинение представителю власти, для этого всегда необходим был толчок в виде совершенного человеком проступка, касающегося одной из двух сфер полномочий раиса и требующего, с его точки зрения, определенного вида наказания.

«Ночным отражением раиса», т.е. исполнителем его обязанностей по ночам, от вечернего намаза до утреннего, был миршаб со своими помощниками.

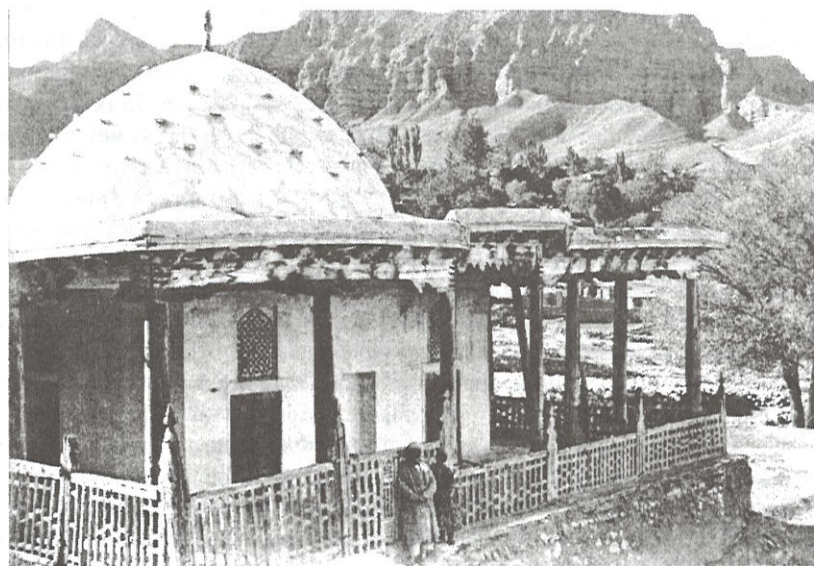
Ко второй группе по временному фактору относятся наказания, приводимые в исполнение после предварительных разбирательств по совершении человеком проступка и являющиеся уже, в свою очередь, результатом определенного решения должностных лиц какого-либо из уровней управления, т.е. цепочка «объект наказания—сигнал к наказанию—источник наказания—исполнители—объект» не замыкается сразу на месте.

Несмотря на временное различие двух групп наказаний, орудия, с помощью которых они совершались, и их процедура были очень сходны. Самым распространенным орудием были палки. Как следует из воспоминаний С. Айни [1954, с.246], использовались кизилловые палки, а также прутья из гранатового дерева [Колпаков, 1954, с.79], трости из деревьев твердой породы, очищенные от коры и сучьев и обструганные ножом [Андреев, Чехович, 1972, с.24].

Другим основным видом орудия была плеть дарра, к рукоятке которой приделывалось три ремня, сшитых вместе (обычно из кожи осла, коровы или козла) [Семенов, 1954, с.45]. Четко прослеживается дифункциональность плети, ее роль как символического знака власти

Вход в мечеть в Урмигане
(колл. МАЭ РАН, И-4382-38).

Мечеть в Мазар-и-шерифе
(колл. МАЭ РАН, И-4382-47).

(постоянное наличие в руках даррадасты на виду у людей указывает на нее как на символ власти и физического наказания в частности, и одновременно на непосредственное ее применение по прямому назначению при наказании человека) и роль символа власти как такового. Плеть как орудие наказания использовали в большинстве случаев при проступках, связанных с нарушением людьми норм мусульманской религии, в частности, так это делал раис, о чем свидетельствуют литературные материалы, в то время как при проверках на базаре тот же раис отдавал приказ о наказании людей палками. Плеть входила в число ритуальных предметов шаманов Средней Азии и Казахстана и служила для изгнания злых духов. По мнению В.Н. Басилова [1992, с.76], ее появление среди культовых принадлежностей шамана, вероятно, было вызвано представлениями о чудесном коне. Можно провести отдаленную внешнюю параллель с функцией плети для наказания, которая служила в какой-то степени для изгнания из человека всего нечистого, неверного, но не вредящего его здоровью, а мешавшего ему быть истинным приверженцем мусульманской религии.

Следует обратить внимание и на такую характеристику, как количество палочных ударов при наказании. Б.И. Искандаров [1958, с.31] привел следующие данные: в Бухарском эмирате эмир мог дать до 75 палок, бек — до 45, амлокдор и казий — до 25. Есть указания и других исследователей на предел в 75 ударов [Логофет, 1911, т.1, с.331], т.е. размах реально назначаемой цифры очень велик — от 1 до 75. Очень редко эмир приговаривал к наказанию *чоройна* (букв. — четыре зеркала). Число 75 повторялось четыре раза, т.е. 75 ударов по спине, 75 по груди и животу и по 75 по бокам [Андреев, Чехович, 1972, с.24]. По материалам Н. Ханькова, раис мог назначить не более 39 ударов [Ханьков, 1843, с.191]. Интересно, что цифра 39 фигурирует и как название наказания в Бухарском эмирате. Например, в Кулябе оно именовалось «як кам чил», что означало 39 ударов прутьями из гранатового дерева, толщиной в мизинец [Колпаков, 1954, с.79]. Дословно это выражение переводится как «сорок без одного». Следует отметить, что в одном из источников есть пример наказания человека 69 ударами палками и что «цифра 69 взята оттого, что на персидском языке выходит как-то особенно остроумно и хорошо, семьдесят без одного» [Татаринов, 1867, с.109]. По аналогии с вышеуказанным выражением можно предположить, что количество в 69 звучало как «як кам хафтод» и заключало в себе еще и вид прута и его толщину, т.е. существовала определенная символизация чисел, которая, возможно, означала, кроме прямого указания на количество, еще и вид орудия, его размеры и материал.

Представители любого уровня властной иерархии назначали, как правило, нечетное количество палочных ударов при наказаниях.

А.А. Семенов отмечал [1954, с.46], что и раис никогда не называл четную цифру наказания. К сожалению, специальные обстоятельные исследования по среднеазиатской нумерологии пока отсутствуют, и нет возможности точно говорить о семантике конкретных чисел в данном контексте. Известно, что у таджиков положительный характер носили четные цифры (например, угощение, которое несли в гости, состояло из четного числа лепешек и т.д.), а нечетные — отрицательный характер. Вероятно, этот факт наряду с другими может быть использован при объяснении нечетного количества ударов при наказаниях за «отрицательный» поступок в противоположность доброму, положительному.

Ко второй группе наказаний, согласно временному фактору, относятся также и тюремные заключения. Причем они не могут рассматриваться одновременно и в системе «мгновенного наказания», что характерно для наказаний палками. Тюрьмы или ямы находились во дворах жилищ правителей всех рангов (от хана до аксакала), о чем свидетельствуют многочисленные описания подобных построек. Это также приводило к ассоциации власти в глазах населения, прежде всего, как карающего начала. В какую именно по рангу тюрьму попадет человек, зависело от содержания сигнала к наказанию и общественной значимости фигуры самого наказуемого. Самая известная и наводящая наибольший страх тюрьма располагалась в арке эмира в Бухаре. Тюрьма бека представляла собой яму, над которой возвышались высокие глинобитные стены с маленьким окном. Бекские тюремные помещения новой постройки находились обычно у ворот двора и состояли из одной или двух низких темных комнат с дверями, но без окон [Логофет, 1911, т.1, с.332]. Ямы имелись и в распоряжении аксакалов. Заключенные содержались в тюрьмах закованными либо в деревянные колодки, либо в цепи различных модификаций. Наличие тюрем непосредственно в жилищах правителей играло не последнюю роль в представлении и о самом жилище как символе власти. Таким образом, силовые методы, в частности физические наказания, были характерны для всей системы управления от верхнего ее уровня до нижнего, включая и выборную администрацию на местах, т.е. для глав властных институтов, наделенных должностными полномочиями.

Безусловно, каждая форма наказания и конкретный случай применения физической силы имели свои особенности: специфические обстоятельства, участников, повод и т.д., в результате чего оценки события с трех точек отсчета (субъекта, объекта и стороннего наблюдателя) с использованием категории обоснованности могли варьироваться. Поэтому по различным формам физических наказаний с сохранением человеку жизни предпринята попытка представить

некую усредненную позицию каждой из сторон — субъекта, объекта и стороннего наблюдателя. Обобщенная схема, возможно, могла выглядеть следующим образом.

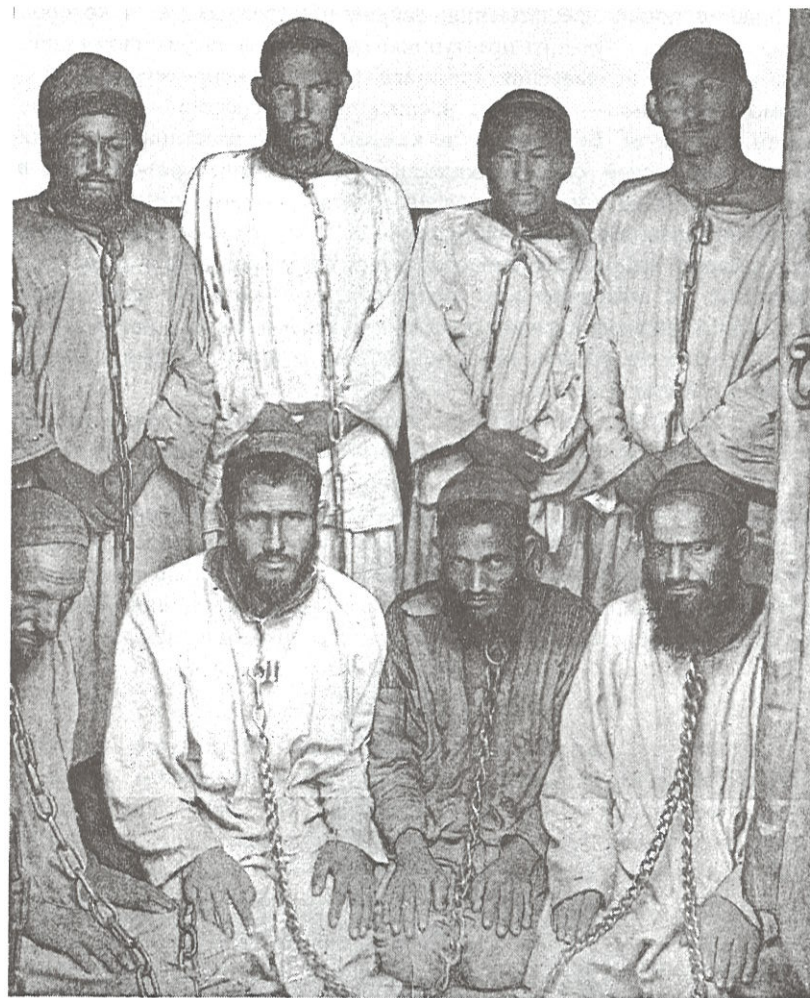
Цепочка «объект наказания—сигнал к наказанию—источник наказания—исполнители—объект» сохранялась. Иногда могла произойти замена конечного объекта в связи с подкупом властных структур. По-видимому, со стороны субъекта наказание выступало в виде обоснованного насилия, которое узаконено традицией или которое при необходимости могло быть оправдано. Общественное мнение, вероятно, также оценивало наказание как узаконенное обоснованное насилие на любом уровне управления. Вариативность восприятия явления имела место в основном с точки зрения объекта.

Как представляется, внесистемное применение физической силы в политической и неполитической сфере воспринималось со стороны объекта чаще как необоснованное насилие. Внутрисистемное — как узаконенное обоснованное насилие на уровне семьи и местного управления; на ступени действия политических институтов управления — как узаконенное обоснованное и необоснованное насилие. Возникает вопрос, почему на политическом уровне не только вне системы, но и внутри нее наказание могло восприниматься как необоснованное насилие. Можно дать несколько объяснений.

Во-первых, действие вышеописанного временного фактора, оказывавшего своеобразное влияние на тонкую грань оценки явления как насильственного.

Во-вторых, известно, что все наказания за уголовные и другие преступления, определенные шариатом, сводились к нескольким основным видам: 1) возмездие однородным действием, т.е. за убийство — убийством, за оскорбление — оскорблением, за ранение — ранением; 2) плата или штраф за пролитую кровь, которая определяется как за убийство, так и за нанесение раны или увечья; 3) наказание, определенное законом на основании аналогии; 4) наказание, определяемое шариатским судьей по его усмотрению [Керимов, 1978, с.141]. Возможно, различие между двумя оценками узаконенного насилия в какой-то степени определялось объектом в зависимости от вида наказаний, предусмотренных шариатом. Данный вид давал повод к тому, чтобы на уровне местного судьи и выше воспринимать ряд наказаний как необоснованное насилие, считая это несправедливым приговором судьи. И, наконец, различие, вероятно, можно попытаться объяснить также исходя из основной цели, которую преследовал субъект, используя физическое наказание в качестве метода управления.

Существует множество подходов и теорий о действии наказаний [Люблинский, 1914]. Среди них, например, такие: классическая теория,

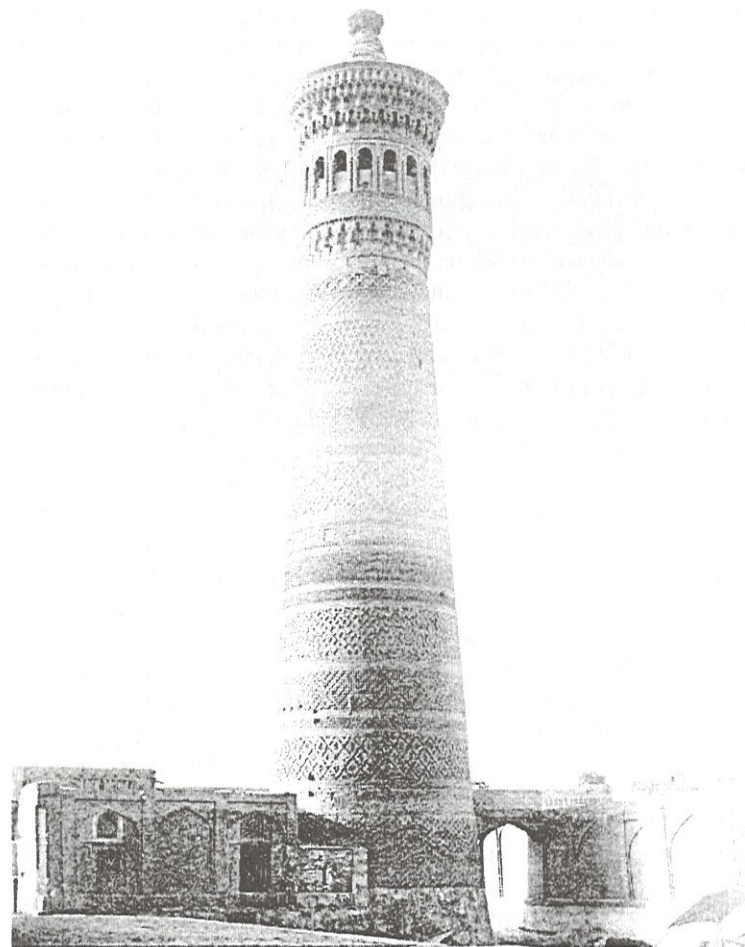
Бухара. Колонники
(колл. МАЭ РАН, И-255-183.

где наказание заключает в себе принцип возмездия; теория устрашения, где наказание рассматривается как средство создания в отдельном человеке и во всем обществе чувства страха, удерживающего от совершения новых преступлений; теория обезвреживания, в которой задача наказания — удалить преступника из общества посредством казни, тюрьмы; теория исправления, где главная цель — исправить человека, а само наказание — одно из воспитательных средств — и другие теории и подходы. Безусловно, на каждом уровне властной вертикали присутствовал свой синтез ожидаемых от наказания результатов, в котором какой-либо из факторов преобладал. Уместно предположить, что на потестарном уровне присутствовал фактор воспитания, причем сама система воспитания способствовала формированию личности и стандартов ее общественного поведения, для которой применение физического насилия в рамках традиции будет возможно и необходимо. На политическом уровне, вероятно, наряду с другими присутствовал фактор возмездия и страха.

В наказаниях с сохранением человеческой жизни точки зрения трех сторон — субъекта, объекта и общественного мнения часто могли совпадать и представляли собой обычно узаконенное обоснованное насилие. При попытке выразить категорию физического насилия через физическое наказание оказывается, что почти во всех случаях категория физического насилия выступает как наказание за что-либо, вследствие чего в своем большинстве не рассматривается в традиционной культуре как нечто необычное, не осуждается общественным мнением.

Смертная казнь

Ко второму виду относились наказания, результатом которых являлось лишение человека жизни, т.е. казни. В данном случае в качестве основного «источника наказания» выступает глава ханства. Только он имел законное право принимать решение о лишении жизни любого из своих подданных, «как пастух мог зарезать во всякое время любую овцу из своего стада, так и эмир имел законное право пресечь жизнь любого из населения» [Логофет, 1909, с.29]. Казнь обычно назначалась письменным приказом эмира к кушбеги, если это происходило в Бухаре, или к местному беку за пределами столицы. Иногда беки не сразу приводили приказ в исполнение, а через какое-то время, чтобы показать таким образом независимость своего решения и неограниченность вверенной им власти. Беков также можно отнести к «источникам наказания», только косвенным. Ведь именно они инициировали вопрос о смертном приговоре кого-либо из подданных своего бекства, а эмир лишь утверждал его.

Бухара. Монари-колон — башня смерти
(колл. МАЭ РАН, И-2808-26).

Можно выделить два ведущих направления казней: иерархо-индивидуальное и простое индивидуальное. Первое направление — это иерархо-индивидуальное, замкнутое внутри системы управления и касающееся казни кого-либо из должностных лиц Бухарского эмирата по приказу главы государства.

Здесь же можно отметить и своеобразное поднаправление — иерархо-групповое, при котором казни по одной причине подвергались целая группа должностных лиц вместе с родственниками эмира, многие из которых также занимали или могли занять определенные должности в системе управления. Связано это было с тем, что, став во главе эмирата, новый правитель постоянно опасался быть свергнутым. Как говорил один из бухарских эмиров, «эмиром я могу сегодня быть, а завтра могу очутиться в ничтожестве, перестану быть государем» [Семенов, 1902, с.993], т.е. «иметь братьев, часто даже иметь сыновей для ханов все равно, что иметь столько же смертельных врагов, столько непримиримых заговорщиков, с жадной завистливостью смотрящих на занятый трон и прибегающих ко всем средствам, чтобы он поскорее освободился для них» [Марков, 1901, с.388]. Это подтверждается многочисленными историческими фактами при правлении любого из эмиров, в частности рассматриваемой мангытской династии. Поэтому в Бухарском эмирате сложился своеобразный обычай, по которому новый эмир казил и изгонял из столицы многих должностных лиц из окружения предыдущего эмира, а также часть своих родственников и всех подозрительных лиц. Ведь сразу после смерти верховного правителя неминуемо возникала борьба за власть между его сыновьями и родственниками, принимавшая подчас острые формы.

Подобный обычай имел широкое распространение и в государствах Передней Азии. Истребление родственников и приближенных после вступления на трон означало прежде всего получение ханом большей свободы властвования, и не просто уничтожение соперников, а ликвидация самой возможности появления лидера, подобного себе. Когда же родственники эмира все-таки оставались в Бухаре, они находились под домашним арестом и общались в кругу членов своей семьи, о чем свидетельствуют экспедиционные материалы ряда исследователей [Сухарева, 1966, с.267].

Специфика иерархо-группового поднаправления заключалась не просто в наказании за проступок в форме неподчинения вышестоящей власти, как это имело место в случае обычных наказаний, а в наказании за неугодность власти. Следствием же устранения подобного противоречия являлась казнь. При этом «объект наказания» и «сигнал к наказанию» совпадали в лице одного человека и неугодности просто за существование наказуемого, а не за какой-либо конкретный проступок,

Бухара. Выставка голов военнопленных
(рис. Н.Н. Каразин).

совершенный им в отношении более высокой власти, а «сигнал к наказанию» исходил фактически непосредственно от «источника наказания».

Интересно, что среднеазиатские мыслители XIX в. в своих трактатах, посвященных истории мангытской династии, дают неодинаковые оценки относительно одних и тех же действий различных ханов, касающихся обычая наказывать за неугодность власти. Например, А. Дониш, подробно описывая жестокие казни судьи и визира, совершенные еще не правителем, а наследником Шах-Мурадом, дает им положительную оценку, отмечая правильные, своевременные действия будущего правителя [Дониш, 1967, с.29—30]. В то время как абсолютно отрицательная оценка высказывается в отношении казни приближенных, совершенной эмиром Музаффаром при вступлении на трон. Это уже своеобразная литературная традиция изображения личности и правления того или иного эмира. Очевидно, что в любом случае этот сложившийся обычай был борьбой за власть насильственными методами.

Простого народа эти проблемы мало касались, и подробности ему были не известны. С точки зрения общественного мнения обычай скорее

Туркестанские виды и типы. Пленный
(рис. Н.Н. Каразин, грав. Л.А. Серяков).

оценивался как естественная борьба за власть между теми, кто ее имел или по ряду обстоятельств мог иметь, при которой на первое место выходила категория жестокости несколько иная, чем насилие.

Таким образом, незаконное, но обоснованное насилие со стороны субъекта видоизменилось в узаконенное традицией обоснованное насилие как с точки зрения субъекта, так и общественного мнения.

Второе направление казней — это простое индивидуальное направление, при котором смертный приговор выносился бездолжностным жителям ханства.

Основными видами казней в Бухарском эмирате независимо от направлений были следующие: сбрасывание людей с высокой башни или в колодец, содержание в клещевнике, казнь через повешение или перерезание горла. Все эти виды по аналогии с наказаниями могут быть разделены на группы по принципу временного фактора. Однако здесь следует отметить две плоскости его действия. Первая — это казни людей без предварительных разбирательств или после определенного срока и вынесения приговора, вторая — фактор времени действует в прямом смысле и делит казни на мучительные, длительные или на почти мгновенную смерть людей.

Ярким примером длительной казни являлось содержание людей в клещевнике, находившемся в бухарском арке. Клещи впивались в

тела заключенных, постепенно обескровливая их. Согласно народной молве, когда помещение пустовало, клещей подкармливали сырым мясом [Пугаченкова, Ремпель, 1949, с.8]. Часто для продления мучений заключенных два раза в день вытаскивали на воздух. Как отмечал Н. Стремоухов [1985, с.683], во время его пребывания в Бухаре в клещевнике уже целый год сидел двадцатилетний сын одного бека.

Большинство видов казней относилось к группе мгновенных, если не учитывать многообразие жестоких пыток [Стремоухов, 1875, с.684], которые могли предшествовать тому или иному виду.

По пятницам приговоренных к смерти казнили, сбрасывая с самого высокого в Бухаре минарета, прозванного «башней смерти» и расположенного между главной мечетью столицы, где эмир совершал намаз (тоже по пятницам), и одним из крупнейших медресе. Башня служила местом казни на протяжении многих веков, вплоть до начала 70-х гг. XIX в. [Фридрих, 1910, с.47; Крестовский, 1887, с.354] или до конца 80-х гг., по сведениям Olufsen [1911, с.548], Петрова [1886, с.56] и И.Т. Пославского [Бухара... 1891, с.80], т.е. до конца XIX в. В противоположность высокой башне существовал еще один вид «казни по вертикали» — колодец, дно которого было усеяно острыми кольями и копьями, на которые и бросали приговоренных к смерти. Самым же распространенным видом казни было перерезание человеку горла.

Наряду с временным фактором четко прослеживаются еще два фактора, влиявшие на то, какому именно виду казни мог быть подвергнут любой из жителей ханства. Первый фактор — территориальный, выделяющий столицу ханства и ее провинции. Ведь такие виды наказаний, как содержание в клещевнике, сбрасывание с башни или в колодец имели место только в Бухаре, в отличие от самого распространенного вида, который и существовал в ханстве повсеместно.

Хотя это не означает, что первым видам казни подвергались только жители Бухары и ее окрестностей. На это влиял также и второй фактор — социальный, который выделял знатность происхождения, должность, занимаемую человеком, его авторитет и т.д. С одной стороны, социальный фактор влиял на территориальный и был тесно связан с ним, с другой же стороны, он имел свои отличия. Например, клещевник и колодец предназначались обычно только для высокопоставленных лиц [Стремоухов, 1875, с.683]. Социальный фактор проявлялся еще и в следующем. Еще во времена Тимура, по сообщениям Рюи Гонзалеса де Клавихо, знатного казнили через повешение, а человеку низкого происхождения отрубали голову, что считалось большим злом и оскорблением [Клавихо, 1881, с.285]. Следует отметить, что подобное различие сохранялось до начала XX в. Например, в Кокандском ханстве для казни знатного лица специально построили эшафот.

Можно проследить своеобразную «иерархию почетности» казни от отрубания человеку головы до непролития крови в случае повешения. Низшая ступень, отрубание головы, представляла собой самую унижительную казнь. Именно поэтому данному виду казни подвергались враги во время военных столкновений. Часто в дни войн Бухары с кокандцами, хивинцами на столичной площади было установлено множество железных копий с наткнутыми на них головами, а также лежали «огромные кучи гниющих черепов — самые радостные для бухарца трофеи победы» [Марков, 1901, с.391]. В периоды завоевания Средней Азии Россией эмир нередко обещал награду за каждую русскую голову, и были случаи, когда покойников вырывали из земли, а их головы привозили в Бухару [Радлов, 1880, с.75]. В традиционной культуре многих народов добытая в войне голова противника не только обеспечивала, возможно, получение какой-либо награды, но и символизировала храбрость и силу воина, а также являлась главным свидетельством абсолютного уничтожения противника.

На второй ступени «иерархии почетности» находилась казнь путем перерезания горла, а затем подвешивания на виселицу изуродованного тела, т.е. сначала перерезали горло как животному, а потом вешали как человека. Виселица выполняла и своего рода необходимую символическую функцию перехода из одного мира в другой. И высшей ступенью, согласно социальному фактору, являлась казнь только через повешение.

В качестве «символов-людей» на казнях выступали глава ханства как основной «источник наказания», «косвенные источники», а также исполнители смертного приговора. В числе последних особо следует отметить фигуру палача, внешний вид которого контрастировал с традиционным костюмом обычного бухарца. Его отличительной одеждой были короткий до колен халат с короткими, доходившими едва до локтей рукавами, меховая шапка, высокие сапоги. По сведениям А.А. Семенова, в прежние времена палач одевался во все красное [Семенов, 1954, с.52]. Он также имел при себе и вещественный символ казни, орудие убийства — короткий нож с узким лезвием, висевший в ножнах на поясе. Очень интересен факт, отмеченный М.С. Андреевым, что, «вытащив нож из горла казненного, палач, как и всякий среднеазиатский палач, или часто и простой убийца, слегка слизывал кровь с ножа, делая это, чтобы отвратить пагубное влияние убитого им человека, голос его крови» [Андреев, Чехович, 1972, с.88]. Человек, совершивший физическое насилие над другим человеком (даже палач, который являлся лишь исполнителем указания, а не инициатором насилия), ясно осознает негативность своего поступка и своеобразным ритуальным действием пытается отвести от себя кару свыше, так как

простому человеку не дано было право распоряжаться жизнью других людей.

Виселица постоянно находилась на базарной площади столицы Бухарского эмирата и многих его городов. Она служила для запугивания населения и являлась символом казни. Еще во время правления Тимура, когда народ отмечал один из праздников, эмир велел поставить на базаре множество виселиц, объяснив это тем, что хотел показать: одним он умеет делать добро и оказывать милости, а других — вешать [Клавихо, 1881, с.283].

Все перечисленные виды казней, как длительные, так и мгновенные, могли быть осуществлены после предварительных разбирательств сигнала, поступившего к «источнику наказания». Зачастую же реакция на такой сигнал проявлялась немедленно и выражалась в мгновенной казни без изучения сути произошедшего. В таком случае могли пострадать люди действительно причастные к событию или абсолютно невиновные, что, вероятно, бывало нередко. Могла произойти замена объекта в конце цепочки. Приведем пример, один из множества ему подобных. Наставница из гарема эмира отправилась в пригород Бухары и по пути остановилась для отдыха в доме, где была изнасилована и зарезана. По приказу эмира тотчас были казнены одиннадцать человек из жильцов дома, хотя на следующий день были найдены настоящие виновники преступления. Когда эмиру доложили об этом, он лишь сказал: «Зачем же вы поторопились с исполнением казни?» [Костенко, 1870а, с.419].

Вне зависимости от направления казни категорию обоснованности также следует рассмотреть с трех позиций: субъекта, объекта и стороннего наблюдателя в форме общественного мнения. В отличие от простого наказания цепочка «объект наказания—сигнал к наказанию—источник наказания—исполнители—объект» не остается в неизменном виде до и после совершения акта физической расправы над человеком. Она принимает неполную форму, при которой отсутствует один из главных ее элементов — объект, т.е. тот человек, которого лишили жизни. Поэтому его оценка действия как насильственного или нет, даже с учетом временного фактора (делящего казни на две группы: без разбирательств и как результат решения представителей власти), также отсутствует. Остаются субъект и общественное мнение.

Очевидно, что со стороны субъекта в лице «источника наказания», наделенного властью распоряжаться и управлять другими людьми, казнь рассматривается как узаконенное обоснованное физическое наказание, как нормальная и необходимая мера физического воздействия в данной ситуации. Следовательно, возможная вариативность категории обоснованности акцентируется только на общественном мнении в отличие

от наказания, где она раздваивается на объект и стороннего наблюдателя. По-видимому, казни вне системы, т.е. по отношению к военным противникам Бухарского эмирата, жителям чужих государственных образований, расценивались как узаконенное обоснованное насилие со стороны власти.

Что касается внутрисистемных казней, то с современной европейской точки зрения убийство человека без разбирательств, к тому же, возможно невиновного, однозначно считалось бы насилием. Однако общественное мнение оседлого населения Средней Азии XIX в. вряд ли определяло каждую конкретную казнь человека, которого обычно мало кто знал, как насилие и тем более необоснованное. Возможно, большее значение имел количественный фактор, т.е. то относительное количество (много, мало) казней, совершавшихся над людьми в правление того или иного хана. В исторических трактатах среднеазиатских авторов и в многочисленных очерках, касающихся Бухарского эмирата XIX—начала XX в., написанных очевидцами различных событий того времени, отмечается особая жестокость правления двух эмиров мангытской династии — эмира Музаффера и его отца Насруллы. Последний, например, придя к власти, в течение первого месяца своего правления ежедневно казнил по 50—100 человек. За жестокость властвования бухарцы называли его *амир-и кассоб* (букв. — эмир-мясник) [Семенов, 1954, с.3]. Очевидно, что и в правление других ханов количество разнообразных видов физических наказаний не было малочисленным. И все-таки, даже несмотря на количественный фактор, казни в подавляющем большинстве рассматривались общественным мнением как обоснованное насилие. Люди всегда находили объяснение того или иного поведения главы ханства, суть которого сводилась к оправданию подобных действий. В подтверждение этому важно обратиться и к мотивировкам явления, т.е. тем объяснениям насильственных действий в виде лишения человека жизни по указу правителя, которые давали сами носители традиции и которые объективно существовали в бухарском обществе XIX в. Таких мотивировок было несколько. Скорее всего, они представляли собой переплетение различных форм общественного сознания.

Во-первых, это аспекты политического или правового сознания, где в качестве ведущего источника объяснения выступал закон в виде мусульманского или обычного права. При этом многочисленные казни не вызывали открытого протеста населения и расценивались как «священное право» главы государства [Крестовский, 1887, с.187].

Во-вторых, это религиозное сознание, где источник мотивировки заключался в представлении людей о божественной природе происхождения власти и о правителе как заместителе Бога на земле. Показателен в этом отношении случай, описанный А.А. Семеновым. В

беседе со знакомым юношей-бухарцем, «всегда осмеивавшим порядки своего отечества», он возмутился жестоким поведением бухарского эмира в отношении своих подданных, на что собеседник серьезно ответил: «...что бы ни творил преступного и порочного эмир, он один ответит перед Аллахом за грехи и преступления всего своего народа» [Семенов, 1954, с.10]. В данном случае население опять оправдывает жестокие действия правителя, обосновывая это ответственностью главы эмирата перед Богом не только за свои подобные деяния, но и всех своих подчиненных, которые, в свою очередь, не могут его осудить, переадресовывая возмездие за преступления на эмира.

И, наконец, интересен факт проявления мифологического сознания. В персидских сказках распространен сюжет о том, как сын плотника, дровосека, т.е. человека, деятельность которого была связана с обработкой дерева, становится шахом. В Бухаре XIX в. зафиксирован факт, также связанный с происхождением эмира от плотника. Он касается эмира Музаффера. В народе бытовал рассказ о том, что на самом деле Музаффар не настоящий эмир. Когда у любимой жены Насруллы родилась девочка, она, боясь подвергнуться опале, решила на подлог. Подкупив жену плотника, у которой в это время родился мальчик, она поменялась с ней ребенком и чужого сына выдала за своего. Так «Музаффар, сын плотника, превратился в сына владельца Бухары» [Стремоухов, 1875, с.689]. По-видимому, произошел перенос фольклорного сюжета в реально происходящие события, на основании которого люди не верили в то, что истинный правитель мог быть таким жестоким, следовательно, он не настоящий сын эмира. Таким образом, в обществе имела место не только мифологизация власти сверху, выражавшаяся, например, в возведении правителями своей генеалогии к героическим предкам, повышая таким путем свой авторитет и подтверждая легитимность управления, но и снизу, когда само население мифологизировало институты управления и его представителей. Итак, в Бухарском эмирате существовало несколько видов мотивировок, оправдывающих насильственные действия правителя.

Таким образом, точки зрения субъекта и стороннего наблюдателя о казнях чаще всего совпадали и представляли собой узаконенное обоснованное насилие, т.е. в качестве насилия мог восприниматься сам акт непосредственного действия над человеком, в то время как указание к нему обычно считалось верным и оправданным.

Зрелищный аспект публичных наказаний

Процедура наказания и казни была четко регламентирована и отработана практически, а структура двух видов наказаний очень

сходна. Принципиальное различие заключалось в конечном результате, при котором в первом случае человек, после совершенных над ним физических действий, оставался жив, во втором — умирал.

В этнографической литературе имеется большое количество материалов с конкретными фактами различных видов наказаний. Некоторые из них дают достаточно подробные описания событий [Айни, 1954, с.245—247, 256—259; Андреев, Чехович, 1972, с.88; Семенов, 1954, с.46]. Однако очевидцы происходящего, а также исследователи трактуют факты с одной бесспорной «позиции наказания» конкретного человека за преступление. Рассмотрение фактов с точки зрения зрелищности явления, публичного действия не менее важно. Налицо очевидная двузначность события: как непосредственное наказание, где в центре внимания оказывается наказуемый, и как зрелище с акцентом на зрителях. Важно проанализировать наказание и казнь с позиции психологии толпы, определенной, например, В.М. Бехтеревым как «скопление лиц, вызываемое каким-либо временно возникающим поводом» [Бехтерев, 1921, с.86].

В данном случае следует особо отметить характерные моменты в процедурах событий, которые наиболее важны с точки зрения наблюдателя. Это позволит еще раз затронуть вопрос об отношении общественного мнения к подобным узаконенным явлениям в Бухарском эмирате XIX—начала XX в. Наказания и особенно казни находились в одном ряду с другими массовыми общественными событиями. Даже эмир Абдулахад, стремившийся к популярности в народе и закрывший в Бухаре камеры для заточения в арке и место, где происходила торговля рабами, все же оставил публичные казни, которые по-прежнему продолжались в государстве [Ремпель, 1981, с.82].

Процедуру наказаний можно представить в виде своеобразного сценария пьесы, которая вновь и вновь демонстрировалась перед жителями эмирата. В ней менялись лишь исполнители одной из главных ролей — объекты наказания. В городе действия таких «пьес» разворачивались обычно на торговых площадях как в местах массового скопления народа, в результате чего не требовалось специальных мероприятий для привлечения большого количества зрителей. Здесь сообщались и быстро распространялись любые новости. Базарная молва зачастую называлась *узун кулак* (букв. — длинное ухо). Поэтому те из людей, кто больше был занят интересами торговли и не обращал внимания на нередко происходившие наказания, все же узнавали о случившемся, хотя и не являлись непосредственными зрителями. В Бухаре публичные казни совершались на Регистане, в нескольких десятках метров от входа во дворец правителя. Место носило название *Бозори-ресмон* (*ресмон* — веревка), так как находилось на веревочном

базаре [Айни, 1954, с.257]. В столице в связи с этим употреблялась поговорка: «Смотри, попадешь на базар ресмон» [Андреев, Чехович, 1972, с.88].

Временем действия зрелищ могли быть как обычные будние дни, так и праздники, во время которых иногда выбиралось и специальное «праздничное место действия». Так, бухарский эмир Музаффар во время празднования Ноуруза приказал в одном из самых многолюдных мест вырыть ров, и на краю его перед взорами всех гуляющих ежедневно казнили несколько преступников, приведенных из тюрьмы [Айни, 1981, с.314].

В структурном отношении зрелище можно разделить на три основные части. Первая часть — официальная. Роли в ней исполняли одни из главных должностных лиц ханства. Это кушбеги, первый министр, который сидел на своем месте у ворот арка. В данной сцене он выступал в качестве посредника эмира, непосредственно издавшего указ о наказании. Письменный приказ эмира кушбеги передавал миршабу, также являвшемуся одним из звеньев в цепи посредников. Дважды миршаб (стоя рядом с министром и на месте непосредственной казни), взяв документ, почтительно целовал его, поднимал над головой, прикладывал к глазам [Айни, 1954, с.256—257]. Именно он давал знак к началу действия непосредственным исполнителям наказания.

Вторая часть зрелища — кульминационная. Все внимание на «сцене» было приковано к исполнителям главных ролей сценария. С одной стороны, объекты наказания, с другой — непосредственные его исполнители. В качестве последних было задействовано несколько человек, у которых были свои мелкие роли, придававшие зрелищу еще большую «привлекательность». Хотя практически для осуществления наказания или казни такого количества человек не требовалось. Один мог вполне совмещать функции нескольких.

Третья часть представляла собой эпилог, в котором демонстрировались результаты наказания. Наказанных уносили с места действия на носилках, давая, таким образом, возможность людям, по каким-либо причинам не увидевшим основную часть зрелища, понаблюдать за его окончанием. Подполковник И.Т. Пославский, будучи в Бухаре в конце XIX в., стал очевидцем подобной базарной сцены. Он писал, что впереди людей, которые несли наказанного, «идет глашатай, бьет в бубен и громко выкрикивает, сколько палок получил полуживой несомый и за какое преступление» [Бухара... 1891, с.79], что также было направлено на усиление восприятия явления, в том числе и как зрелища. А вновь присоединившиеся зрители могли сразу узнать и о содержании пропущенного ими основного действия. Иногда тела казненных не убирали с места казни в течение некоторого времени,

порой до трех дней. Безусловно, кроме эффекта зрелищности, такая картина наводила страх на население и в очередной раз демонстрировала, что может случиться с каждым в случае неповиновения властям или нарушения законов.

Рассматривая наказание и казнь с позиции стороннего наблюдателя, следует акцентировать особое внимание на зрителях происходящего. Без них не существовало бы зрелища как такового. Они являлись неотъемлемой частью подобных публичных действий, которые в противном случае не носили бы массовый характер. В отличие от простой толпы публика представляла собой «скопление лиц, неорганизованное внутри себя, но организованное в своей цели» [Бехтерев, 1921, с.86]. Среди зрителей наблюдались два начала: пассивное и активное. Первое персонифицировал собой хан, правитель государства, который обычно лично не присутствовал на месте событий, но имел возможность выбора — наблюдать или нет за происходящим через стеклянное окно арка, которое выходило на место казни. Хан мог быть в роли подобного зрителя в том случае, если действие происходило в городе Бухаре. Вторым началом была толпа активных наблюдателей, которые непосредственно следили за происходящим и могли различными способами выражать свое отношение к увиденному.

Отчетливо прослеживаются некоторые внешние раздражители, направленные на публику для привлечения ее внимания и увеличения массовости.

Прежде всего, это монологи исполнителей ролей и диалоги их со зрителями как словесный раздражитель. В официальной части зрелища это монолог кушбеги, зачитывающего вслух приговор; молитва о пожелании благополучия во всех делах эмира, произносимая палачом. В кульминационной части слышались крики наказуемого. В случае незначительных преступлений именно крики объекта наказания, например: «Наказание тому, кто крадет!» могли служить сигналом, на который сбегался народ, становясь зрителем происходящего. В то же время помощник палача считал палочные удары. В эпилоге провинившийся публично благодарил за совершенное над ним наказание, естественно, если это была не казнь и не большое количество палочных ударов, после которых человек был не в состоянии вообще что-либо говорить.

В официальной части имел место диалог с публикой. Кушбеги во время зачитывания приговора показывал на одного из осужденных и спрашивал, например, у ближайших к нему людей: «Это узник Ахмад или нет?» В этом случае люди выступали как своего рода легитимное средство для осуществления приговора, так как иногда за взятку освобождали осужденного, а вместо него наказывали или казнили

бедняка. Чтобы избежать подмены, на площади обращались к народу за помощью опознать виновного. Именно такое объяснение приводится в воспоминаниях С. Айни [1954, с.246]. Безусловно, подобный процесс носил чисто формальный характер, ведь люди не знали ни самого преступника, ни преступления, которое он совершил. Этот прием использовали, вероятно, для оправдания своих действий и исключения возможности появления негативного отношения к представителям власти, применяющим силу. По-видимому, была еще одна функция у задаваемого вопроса. Зрители активно вступали в диалог с должностными лицами, отвечая, например: «Это Ахмад. Смерть ему!» (хотя в данном случае дело касалось не казни, а наказания). Такой вопрос своеобразно подогревал толпу к просмотру кульминации действия, ведь «некоторые смотрели нетерпеливо, жаждая жестокого зрелища» [Айни, 1954, с.256].

К внешним раздражителям можно отнести и музыку, которая звучала во время исполнения наказания. Действительно, с практической точки зрения она заглушала крики наказуемого и тем самым внешне несколько смягчала жестокость происходящего. Музыка являлась также знаком того, что в городе происходит какое-то важное событие, следовательно, привлекала еще большее количество людей. Известно, что в Бухаре она доносилась из дворца правителя в особо торжественных случаях: во время больших праздников или каких-либо важных событий. Приветственный бой барабанов сопровождал правителя при входе его в арк и при выходе из него. Имел значение и внешний вид осужденного. По нему зрители могли определить человека, приговоренного к смертной казни, так как таким людям руки связывали обычно спереди [Айни, 1954, с.256].

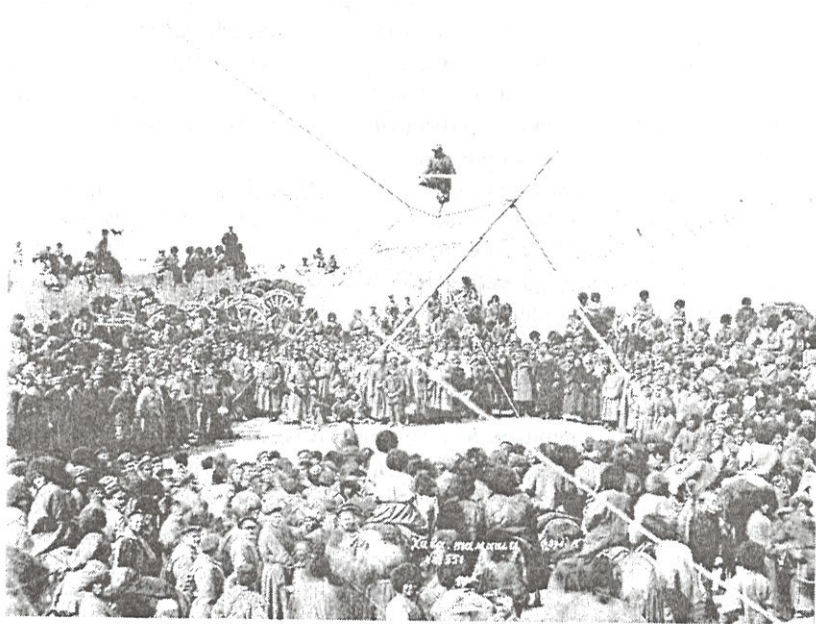
Сами жители Бухарского эмирата называли наказания и казни наряду с другими публично происходившими явлениями *тамошой*. «Томоша» в узбекском языке означает: 1) зрелище, представление; 2) забава, развлечение; 3) гулянье; «тамошо» в таджикском языке — 1) зрелище; 2) театральное представление; 3) развлечение. Таким образом, и в самом определении насильственного действия оставалось место для его оценки как общественного зрелища.

Публика могла не только наблюдать за происходящим, но и стать его непосредственным участником. Как писал еще В.М. Бехтерев, «заразительная сила действия в толпе общеизвестна. Человек, возбуждающий против себя злобу толпы, мог бы спастись, если бы стоящий вблизи его сосед не ударил его. Это служит сигналом, на него тотчас же набрасываются, и самосуд толпы имеет свою жертву» [Бехтерев, 1921, с.106]. Эти выводы находят довольно частое подтверждение в реальной жизни Средней Азии XIX—начала XX в.

Один из типичных примеров. В кишлаке Макрит Бухарского эмирата человек отказался выполнить приказание представителя власти

Ташкент. Сарты на Тамошо
(колл. МАЭ РАН, И-255-285).

Хива. Тамошо
(колл. МАЭ РАН, И-255-191).

Абдуррахман-бека. Позже, заметив неподчинившегося в толпе, бек стал избивать его нагайкой. Тотчас находящиеся рядом тоже кинулись на несчастного, «даже те, которые за несколько минут сидели рядом и дружески разговаривали с ним» [Стремоухов, 1875, с.637]. С одной стороны, такое поведение можно расценить как приверженность власти и возможность наглядно осудить подобным образом провинившегося. С другой же стороны, явно сработал один из рефлексов толпы. Последнее предположение подтверждается также другими случаями, в которых представители институтов управления уже не принимали участия, но агрессия толпы проявлялась довольно часто. Пример одной из частых уличных сцен. Случайно встретились два *арбакеша* (извозчика), спорят, кому из них следует уступить дорогу. Дело от словесной перебранки быстро доходит до драки между ними. Мгновенно вокруг них собирается толпа со всего базара, прочие извозчики вступают в драку. Вся публика распределяется на две части — одна становится непосредственной участницей событий, другая продолжает азартно наблюдать, болея за одну из противоборствующих групп. «Зрители с каждой стороны, попадая под ноги сражающимся, кричали еще сильнее» [Абд-ур-Рауф, 1913, с.6—7]. Любая драка привлекала всегда большое количество людей, которые не только хотели посмотреть на яркое и эффектное зрелище, но, главное, готовы были поучаствовать в действии и доказать свое превосходство над случайным противником силовыми методами.

Есть примеры наказаний, когда не просто срабатывал рефлекс толпы, а все три части «сценария» заменялись только участием определенной публики в совершении приговора. Жертву, что называется, отдавали на растерзание толпе. Причем это могло быть не спонтанно, а после предварительных разбирательств и вынесения смертного приговора. Назначение такого вида казни зависело от целого ряда факторов: было ли совершено убийство крупного должностного лица в ханстве, человека высокого происхождения и т.д. Подполковник И.Т. Пославский описал случай, когда в 1888 г. в Бухаре был убит *диван-беги* (чиновник по финансовой части, ведавший приходно-расходными статьями; одна из высших придворных должностей). В качестве наказания эмир решил отдать убийцу в полное распоряжение ближайших подчиненных, слуг и родственников погибшего сановника. Нет надобности описывать все зверства, которые совершили над виновным. На следующий день все участники истязания, «осквернившие, казалось, себя добровольным исполнением презренных обязанностей», вели себя как ни в чем не бывало. «Всеми были принимаемы совершенно так, как и раньше, как будто ничего дурного они не сделали» [Бухара... 1891, с.81]. В данном случае люди, задействованные в системе управления, не

только не осуждали такой вид жестокой казни, но и непосредственно в нем участвовали.

Читая в источниках об азарте толпы, наблюдающей за наказанием или казнью, можно увидеть, что часть присутствующих жалела наказуемых; кто-то внешне проявлял равнодушие, но были и такие, кто открыто ждал жестокого зрелища.

У людей очень развито зрелищное восприятие явления. Поэтому политическая жизнь также включает в себя различные публичные ритуалы. Процедура наказания в Бухарском эмирате являлась одной из точек соприкосновения власти и народа. С одной стороны, это была форма проведения властью своей политики через открытые силовые действия. Известный и понятный акт насилия, выступая в роли ритуала, являлся зрелищной стороной влияния политического фактора на процесс политической социализации. С другой стороны, активное участие зрителя, не только привыкшего к этому действию, но и нередко желающего его увидеть. Процедура происходящего насилия переходила от зрелища в механизм включения человека в политику.

Нередко проходили и настоящие публичные театрализованные представления. У населения были популярны сцены из жизни должностных лиц. Часто изображали раиса и его помощников. Иногда они были представлены в очень комических эпизодах и в необычном внешнем виде [Дониш, 1967, с.90]. Отдельные сценки демонстрировали сюжеты о наказаниях со стороны представителей власти, имевших место в действительности. Это могли быть сыгранные сценки о проверках раисом правил торговли на базаре или знаний людьми мусульманских молитв [Нурджанов, 1952, с.42]. В результате выявлялся провинившийся, которому и определяли тот или иной вид наказания. Таким образом, несмотря на то что подобные представления всегда были с оттенком иронии в адрес управляющих, люди с радостью, смехом и шутками смотрели на изображенные в них насильственные действия, хотя таких сцен жестокости вполне было достаточно и в реальной повседневной жизни.

Безусловно, за определенные проступки после разбирательств существа дела человеку выносился приговор, подразумевающий конкретный вид наказания. Но почти всегда оставался шанс его избежать. Главную роль начинали играть деньги в виде подарков, штрафов, взяток должностным лицам, которые могли повлиять на ход дела. То есть на политическом уровне физическое наказание заменялось экономическим.

Подкуп мог иметь место до исполнения приговора или уже во время отбывания провинившимся срока тюремного заключения. Как правило, деньги вносили многочисленные родственники виновного. В первом случае за будущие услуги платили чаще всего «источнику наказания». Далее, в зависимости от различных обстоятельств, в том

Бухарская арба
(колл. МАЭ РАН, И-255-165).

Сартская арба
(колл. МАЭ РАН, И-255-144).

числе и от внесенных сумм, дело могло развиваться в следующих направлениях. Во-первых, наказание иногда отменялось вовсе, в том числе и казнь, смертный приговор выкупался родственниками. Во-вторых, приговор мог смягчаться, например, уменьшалось количество палочных ударов. И, наконец, был вариант «подставного» наказания, когда вместо действительно провинившегося наказывали или даже казнили невинного. До исполнения приговора могли подкупить не только «источник наказания», но и непосредственных исполнителей, для которых взятки также составляли источник дохода. В этом случае реальное действие превращалось в «игровое», носившее формальный характер, ведь «сила (палочных. — О.С.) ударов никакими правилами не обуславливается» [Логофет, 1911, т.1, с.331]. Сохранялась процедура, слышались крики наказуемого. Однако сама сцена представляла собой уже одно только зрелище. Во время пребывания человека в тюрьме заинтересованные лица могли содействовать его освобождению, используя денежные средства и подношения для одаривания должностных лиц.

При всей жестокости системы власти и ее представителей, имея большие денежные средства и имущество, можно было избежать суровых видов физических наказаний, вынесенных в качестве приговора, даже при совершении серьезных проступков. Это не касалось разве что конкретных должностных лиц, не угодных власти с точки зрения политических или экономических интересов. Иногда, особенно в незначительных случаях, люди готовы были понести наказание, чем лишиться какой-то части накопленного богатства.

* * *

Мы рассмотрели различные виды физических наказаний в Бухарском эмирате как один из вариантов взаимодействия институтов управления и подчиненных посредством применения физической силы представителями власти. С точки зрения субъекта, объекта и общественного мнения эти социальные явления воспринимались в качестве узаконенной традиции обоснованного и необоснованного насилия, неузаконенного обоснованного насилия. Возможно, собственно физическим насилием у оседлого населения считались те формы нанесения человеку физического ущерба, которые расценивались как незаконное необоснованное насилие. Однако методы управления и действия властных структур не характеризовались так населением.

Силовые методы были свойственны всей системе управления от верхнего ее уровня до нижнего, включая и выборную администрацию на местах, т.е. для всех лидеров, наделенных должностными полномочиями.

Особняком стояли бездолжностные авторитетные лица. Силовые методы были сходными на всех уровнях власти. Важно, кто являлся исполнителем, т.е. была большая или меньшая степень удаленности друг от друга человека, отдавшего приказ, и наказуемого.

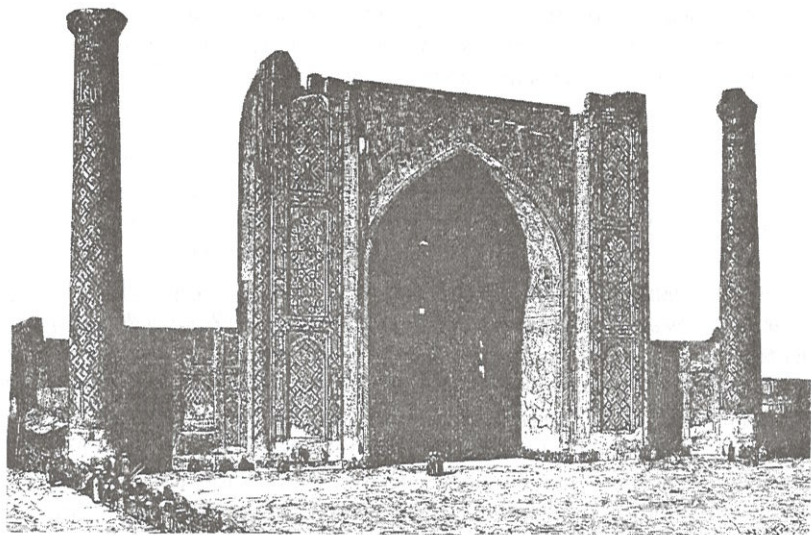
2. ДОЛЖНОСТНОЙ АВТОРИТЕТ — АВТОРИТЕТНЫЙ ЛИДЕР

Коэффициент авторитета

Составляющей частью должностной власти был авторитет. В широком смысле слова авторитет — это «общественное значение, влияние, которым пользуется какое-либо лицо, система взглядов или организация в силу определенных качеств, заслуг» [Философский словарь, 1991, с.9]. Существует мнение, что возникновение авторитета связано с тем, что окружающая людей реальность достаточно сложна. Человек не всегда в состоянии самостоятельно и безошибочно оценить многие возникающие проблемы. Вследствие этого он обращается к более знающим и опытным людям, умеющим «четко и с пользой раскрыть пути решения проблем, выразить интересы, сформулировать цели» [Философия, 1993, кн.III, с.13]. В психологическом аспекте авторитет (как и власть) представляет собой определенное восприятие властной деятельности подвластным субъектом. Он выступает как явление общественного или индивидуального сознания. В данном контексте «он есть не что иное, как адекватное соответствие, с одной стороны, целей и содержания властного воздействия, а с другой — их адекватного восприятия подвластным субъектом» [Философия, 1993, кн.III, с.15—16]. Представления населения Бухары о власти, описанные ранее, влияли и на представления об авторитете как категории сознания.

Не менее важно рассмотрение авторитета в качестве характеристики власти лидеров трех уровней управления. Авторитет — это наиболее динамичная сторона властвования. Ошибки и просчеты, неспособность решить проблемы, оторванность и обособленность лидера от населения ведут к утрате авторитета и к переходу во властной деятельности к методам принуждения. Авторитет может еще сохраняться по инерции, но становится формальным. Проследим подобную динамику авторитета на примере Бухарского эмирата XIX—начала XX в.

Вероятно, можно говорить о своеобразном показателе, или коэффициенте авторитета, для каждого из трех уровней управления. Коэффициент авторитета представлял собой сумму двух основных слагаемых: коэффициента личностного, который определялся авторитетом человека из системы управления, и коэффициента должностного,

Самарканд. Мечеть Улуг-Бек
(рис. Терон, грав. Лаплант).

связанного непосредственно с занимаемым местом во властной вертикали. Основным его показателем был должностной престиж. По определению Л.Е. Куббеля, престиж как социальное явление — «это значимость, придаваемая общественным сознанием тем или иным формам и сторонам человеческой деятельности» [Куббель, 1986б, с.153—154]. Должность, занимаемая любым из лидеров, была престижной, тем самым должностной коэффициент мог влиять на личностный, повышая его первоначальный показатель. Детям часто давали имена, связанные с названием административных должностей, такие как: Бекназар, Бекмахмад, Махмадшо, Мирбадал, Мирбобо, Мирдокон, Мирзокарим, Мирзодавлат (бек, мир — правитель области; мирзо — сын или потомок эмира; мирза — писарь, секретарь, грамотный человек; шо — шах), чтобы в будущем дети стали уважаемыми и богатыми людьми [Таджики... 1976, с.69].

Для каждого уровня управления был характерен свой коэффициент авторитета. Его специфика заключалась в количественном соотношении двух основных слагаемых, вплоть до отсутствия одного из них. Вероятно, от низшей ступени власти к высшей увеличивался показатель должностного коэффициента, а личностного — уменьшался. Внутренняя специфика зависела от внешних факторов, среди которых — различные уровни власти, слой населения, исторические периоды. Причем можно

говорить об относительном (среднем) коэффициенте авторитета как характеристике всего уровня управления и об абсолютном его показателе, присутствующем конкретному лидеру каждой из ступеней властной лестницы.

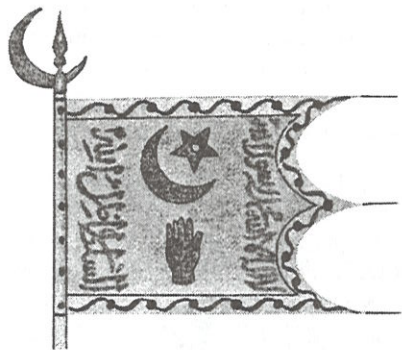
Динамика коэффициента авторитета

Глава политического института имел определенный уровень авторитета еще до начала непосредственной деятельности. Это так называемый нулевой уровень, который в дальнейшем смещался в ту или иную сторону. На изначальный показатель коэффициента авторитета и его составляющих влияли определенные факторы, среди которых можно выделить следующие.

Это, в первую очередь, **фактор преемственности должности**. Значительную роль он играл при смене верховной власти, которая была наследственной. Хан, вступивший в свои права по установившейся традиции, в дальнейшем обладал большим весом среди своего окружения по сравнению с человеком, захватившим власть силой. В связи с этим показателем следующий факт. Бухарский эмир Насрулла завещал свой трон внуку. «Некоторые говорили: «Государство — наследственно. Следует предпочесть сына». Другие говорили: «Завещание предпочтительнее и нужнее»» [Дониш, 1967, с.40]. Дальнейшая история эмирата свидетельствует о победе именно наследственного принципа. Однако подобные проблемы касались ограниченного круга людей, приближенных к верховному правителю.

Зачастую народ признавал прежде всего ту власть, которая доказала, что она сильнее прежней, как это произошло, например, в Гиссарском бекстве [Федченко, 1950, с.139] или в Ташкенте, где «ханы производились следующим образом: кто усилится и хана убить может, тот себе ханство тем и получит, и народ уже тому, когда убьет, не препятствует, а напротив того — ежели еще кто выищется и того уже убийцу убьет, то оный потом же и ханство принять удостоится» [Остроумов, 1896, с.138]. Таким образом, еще раз подтверждается тезис о восприятии людьми власти как приоритете силы. Существовала необходимость доказательства лидерства и, соответственно, авторитета как его составляющей. На микроуровне управления фактор преемственности должности также проявлялся. Вновь избранный аксакал имел больший авторитет, если его отец когда-то был аксакалом или чем-то выделялся среди жителей своего кишлака (иногда это имело значение и при выборе кандидата).

Следующий фактор — это **сам процесс выборов**, т.е. ритуал смены верховной власти и выборы глав городских кварталов и селений. После таких традиционных действий новые руководители поднимались на более высокую ступень в общественной иерархии.

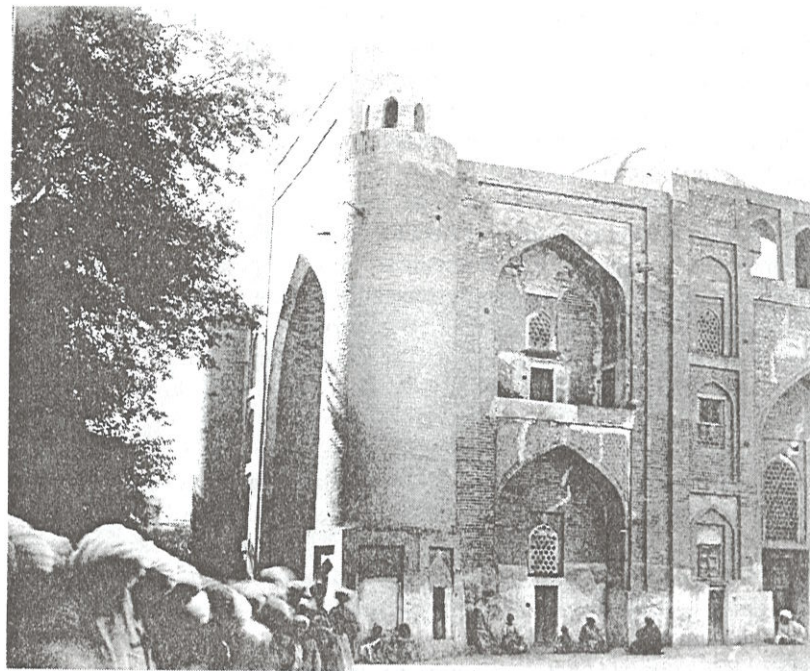

Бухарское знамя и звезда
(из кн. «Хотираҳои Амир Олимухон». Душанбе, 1992).

Важным был **территориальный фактор**, так как существовало различие значимости лидеров среди городского и сельского населения эмирата.

Следует отметить также **этнический фактор**, который влиял на первоначальный уровень авторитета лиц, назначаемых на должности (в первую очередь, имеются в виду главы округов и областей). Очевидно, что подчиненное население предпочитало видеть в должности бека или амлокдора представителя собственного этноса, осознавать, что ими управляет «свой человек». С этническим коррелировал **фактор хозяйственно-культурной ориентации населения**.

Взаимосвязь территориального и этнического факторов можно проследить на примере имеющихся сведений о роли и месте имама. (В более широком смысле это относится ко всем административным должностям.) В городе, наряду с имамом, было достаточно много высокообразованных людей, которые сами могли выступать в роли имама. Поэтому он оказывался зависимым от влиятельных жителей квартала, всячески им угождал. В кишлаке же, где он нередко был

Бухара. Мечеть Лаби-Хауз Диван-беги
(колл. МАЭ РАН, И-2808-23).

единственным грамотным человеком, ему доверяли безоговорочно. Имам участвовал в управлении сельской общиной, в сборе налогов, имел важный голос при решении различных вопросов. В кишлаки полукочевых узбеков имамов, как правило, приглашали со стороны. Ими становились представители оседлого населения, преимущественно таджики. Отношение к ним со стороны кочевников было несколько пренебрежительным. Ситуация кардинально менялась, если имам был из полукочевых узбеков того же племени и рода. В этом случае он мог «оказывать влияние на общественную жизнь своего рода, иметь большой общественный вес» [Кармышева, 1985, с.92—103].

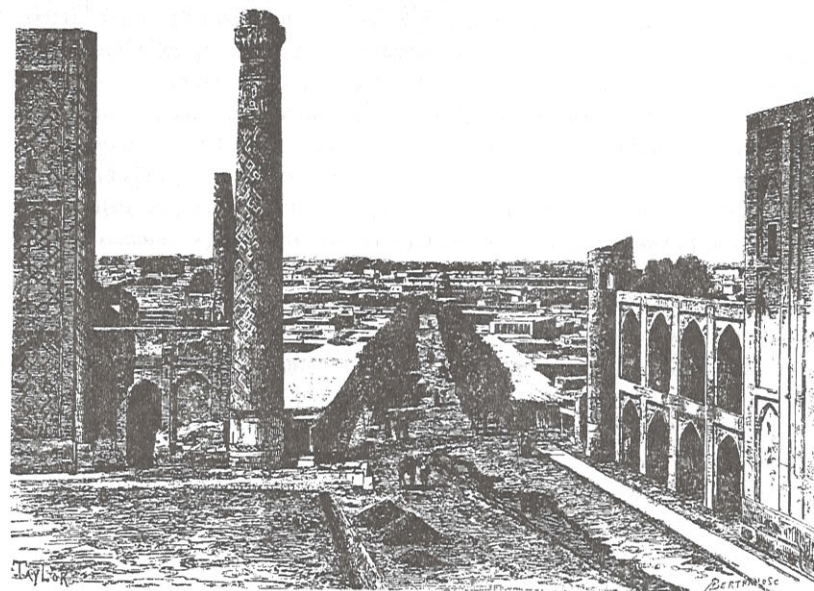
На выделенном нулевом уровне (до начала властной деятельности) наивысший личностный коэффициент авторитета был характерен для местного управления. При выборе аксакала принимались в расчет прежде всего знание традиций, опыт, возраст, волевые и деловые качества, т.е. в данном случае авторитет человека преобразовывался в личностный коэффициент авторитета должностного лица. Он составлял основу общего показателя, чего нельзя сказать о мезоуровне управления,

где имело место назначение на должности. Новый верховный правитель был известен только среди его ближайшего окружения. И все-таки на всех уровнях власти ведущую роль играло психологическое превосходство над подчиненными, в результате которого даже недостойного человека начинали уважать, что свидетельствует о постоянном наличии должностного коэффициента.

На протяжении всего периода правления лидеров происходила динамика показателя коэффициента авторитета. Он зависел от действий правителей и оценки их населением. Для сохранения изначального уровня и его увеличения использовались различные приемы. Прежде всего, это легитимность действий властных структур. Иногда она внешне демонстрировалась для населения, при этом скрывалось реальное содержание происходящего. Например, в Хивинском ханстве действительный правитель Мухаммед-Рахим (1806—1825 гг.) для усиления своего авторитета в глазах враждебной знати вынужден был на некоторое время восстановить на троне последнего хана и управлял якобы от его имени, пока сам не принял ханский титул [Иванов, 1940, с.10]. Могли несколько изменяться и методы управления. Так, бухарский эмир Абдулахад, стремясь к популярности в народе, закрыл яму и камеры заточения в арке, сохранив при этом публичные казни [Ремпель, 1981, с.82], т.е. проведенные изменения носили демонстративный характер, не затрагивая сути явления и не ломая его основы.

Далее, рассмотрим **фактор официальной генеалогии правителей**. В литературе, посвященной исламскому миру, исследуется специфика сознания и мировосприятия, свойственная мусульманам, выделяется особенность бытования мифа в их сознании [Милославский, 1991, с.50 и др.]. Информация воспринимается как достоверная, если ее источник можно возвести к тому или иному авторитету, реальному или мифическому. Это обстоятельство часто использовали и представители власти, относя свое происхождение к известным выдающимся историческим личностям (Александр Македонскому, Чингисхану) или мифическим предкам.

Лидеры всех уровней управления стремились, по возможности, следить за соблюдением сложившихся в обществе традиций и за уважением к ним со стороны людей, принадлежавших к другим культурам. В частности, это относилось к членам посольств, прибывавших ко двору верховного правителя с официальной миссией. После установления протектората России над Бухарой эмир пытался хотя бы внешне демонстрировать свою самостоятельность перед подчиненным народом, «который не в состоянии еще понять, что может существовать власть, сильнее власти его монарха» [Мозер, 1888, с.42]. В то же время, как отмечал В.В. Крестовский, «еще недавно он считал нужным вставить и

Вид Самарканда с Регистана
(рис. Тайлор, грав. Бертран).

лично идти к дверям навстречу генерал-губернаторским посланцам, хотя эти последние по большей части бывали весьма невысокого, не всегда даже штаб-офицерского чина» [Крестовский, 1887, с.136].

Верховные правители Бухарского эмирата и главы округов старались, чтобы время их пребывания в периферийных городах и кишлаках стало для населения периодом праздников и веселья, сопровождающимся раздачей подарков. Подобным путем они также увеличивали свою популярность в народе. Существовали и постоянные праздники, устраиваемые за счет правителей разных уровней. Например, Новый год или весенний праздник роз, проходивший ежегодно недалеко от Бухары. Население с удовольствием ожидало подобных «даровых развлечений», нередко длившихся неделями. Это подтверждает и следующее сообщение в «Туркестанских ведомостях» за 1885 г.: «Эмир после частых и продолжительных отлучек наконец вернулся в столицу... Вскоре начали распространяться слухи о том, что эмир будет чрезвычайно торжественно праздновать саил, т.е. новый год. Три года уже эмир не бывал в это время в Бухаре и народ с особенным нетерпением ожидал праздника... Празднование продолжается две недели, месяц и даже два, что зависит от воли эмира» [Сборник... 1885, с.82].

Однако люди, занимавшие в государстве определенные должности, за время своего правления могли не только приобретать, но и терять авторитет. Способствовало этому превышение должностных полномочий, злоупотребление властью, использование ее в своих целях.

На макро- и мезоуровнях управления основу коэффициента авторитета составлял должностной коэффициент, на микроуровне — личный. В первом случае показатель личного коэффициента авторитета также мог быть достаточно высоким, но он не являлся решающим фактором подчинения людей должностному лицу. Показателен в этом отношении случай, описанный А. Татариновым. Эмир снял с должности самаркандского бека. И когда тот уезжал из города, никто из жителей не пришел его проводить, хотя он пользовался уважением в округе как «честный, умный человек и хороший правитель». Понятно, что «высказывать сочувствие к опальному опасно: можно лишиться за это жизни или впасть в немилость» [Татаринов, 1867, с.110]. Известно, что чаще выгоднее и престижнее поддерживать сильного, а не слабого (тем более бека Самарканда, как в данном случае). Налицо и «беспомощность» личного слагаемого авторитета в связи с потерей человеком должностных полномочий.

Следует также отметить существование действительного и формального авторитетов. В качестве основного признака действительного авторитета выступает сознательное подчинение, которое основано на добровольном соблюдении людьми властных предписаний, на уважении авторитета благодаря его заслугам перед обществом. Формальный авторитет представляет собой несколько разновидностей. Среди них: а) авторитет традиций, б) авторитет подкупа, в) авторитет культа, г) авторитет силы, д) делегированный авторитет [Философия, 1993, кн. III, с.15]. По всей видимости, действительный авторитет зависел, в первую очередь, от личного коэффициента, формальный — от должностного. Соответственно, от низшей ступени управления к высшей наблюдалась тенденция перехода от действительного авторитета к формальному. Конкретные же случаи могли отличаться от закономерности средних показателей. Вероятно, главы политических институтов пользовались формальным авторитетом у кочевников, которые обычно не следили за событиями, происходившими на высшем и среднем уровнях государственной власти. Например, Н.В. Ханыкову в двух днях пути от Самарканда до Карши случилось остановиться в одном ауле, хозяин которого еще не знал, что «Абдул-Халик Достарханчи занимает визирское место, а не Мухаммед Шериф-Топчибаши, хотя после смены последнего прошло тогда не менее полутора лет» [Ханыков, 1843, с.68]. О зависимости формального авторитета от должностного коэффициента авторитета свидетельствует и следующий пример А.П. Хорошихина,

который отмечал, что «стоит только нашей администрации (русской. — О.С.) поднять из среды их хоть и недостойного, они начинают перед ним раболепствовать» [Хорошихин, 1876, с.103].

Власть и авторитет

Существует достаточно много политологических исследований, в которых четко разделяются категории власти и авторитета. Основа различия заключается, как правило, в следующем: власть трактуется как подчинение, основанное на принуждении, авторитет — как подчинение, основанное на внутреннем убеждении людей. При этом авторитет часто рассматривается как форма власти и управления, особенно характерная для первичной формации, где власть и авторитет еще не дифференцированы [Кейзеров, 1973]. Согласно данной концепции, по отношению к государственным образованиям Мавераннахра уместно говорить об авторитете власти на всех уровнях управления, а не о власти авторитета. Известно, что и аксакалы располагали определенными средствами принуждения и могли добиваться выполнения лежавших на них обязанностей, опираясь не только на свой авторитет, традиции и мнение коллектива.

Однако, как представляется, власть и авторитет выступают в роли синонимов, если это касается отношений между управляющими и подчиненными. Известно, что властная деятельность определяется как деятельность, способная навязать чужую волю [Философия, 1993, кн. III, с.10—11]. Действие авторитета также представляет собой навязывание воли одного (нескольких) человека другому (группе людей). Верным является высказывание: «Там, где есть авторитет и признание этого авторитета, там есть и власть» [Здравомыслов, 1994, с.200]. Даже если происходит обращение к человеку, пользующемуся авторитетом, с совещательной целью (одобрение—неодобрение чего-либо), то и в этом случае его мнение дает толчок к действиям в том или ином направлении. Причем высказанные советы и пожелания основываются на взглядах и целях, преследуемых авторитетным лицом. Невозможно полностью противопоставить авторитет и принуждение. Сила авторитета часто представляет собой психологическое принуждение, ведущее к самоподчинению людей. Под ее влиянием человек может действовать согласно полученным указаниям без осознания происходящего и выработки собственной точки зрения. Следует также отметить, что в среднеазиатском регионе мнение уважаемых людей, пользующихся авторитетом, создавало общественное мнение, которое не подвергалось сомнению. Положительная роль общественного мнения заключалась в том, что оно побуждало людей действовать в рамках традиций. Однако общественное мнение

могло выступать и в виде карающей силы, которая не позволяла вырваться за установленные границы жизнедеятельности и подавляла возможные прогрессивные начинания в какой-либо сфере. Поэтому влияние общественного мнения, в основе которого лежал авторитет, нередко являлось насилием.

Власть, авторитет и насилие — не противопоставимые, а взаимосвязанные между собой категории. Должностная власть — это управление на основе должностного и личного коэффициентов авторитета.

Итак, главы политических институтов использовали различные приемы управления для сохранения за собой статуса лидера. При этом представители низших звеньев подражали в методах верховному правителю. Как отмечал Б.Н. Хатунцев, «психологическая сущность политики сохранения и укрепления власти (заключалась. — *О.С.*) в выполнении функций охраны и обеспечении интересов подвластных с ограничением их сферы свободного поведения и наложением на них определенных обязанностей по отношению к властвующим» [Хатунцев, 1925, с.113].

...Когда одни властвуют, а другие находятся в подчинении, все-таки является стремление провести различие между теми и другими в их внешнем виде, в их речах и в знаках почта.

Аристотель

Глава III

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИМВОЛЫ

Одной из важнейших задач в области исследования традиционной политической культуры является изучение проблем, связанных с политической символикой. Долгое время рассмотрение символов власти осуществлялось преимущественно в рамках социального символизма, а также в контексте описания традиционной материальной или духовной культуры этноса. В политологическом словаре политическая символика определяется как «совокупность выразительных средств, придающих политической жизни, политическому действию, различным формам материализации политики явный, особенно очевидный, подчеркнутый либо, напротив, скрытый смысл» [Политология... 1993, с.272]. Категория «политические символы» может рассматриваться в различных аспектах. Существует много символических знаковых систем, вовлеченных в политический процесс. Некоторые из них являются выразителем определенного должностного статуса в системе управления. Должностные символы занимают автономное место среди многообразия властных символов. Именно они составят основной предмет рассмотрения в данной главе. Причем, безусловно, речь не идет об описании атрибутов множества должностей, существовавших в Бухарском эмирате в конкретный промежуток времени. За основу взяты описанные выше три основных уровня властной вертикали.

1. СИМВОЛЫ, СИМВОЛИЧЕСКИЕ ЗНАКИ И ЗНАКИ ВЛАСТИ

В Бухарском эмирате, как и в соседних Хивинском и Кокандском ханствах, многие предметы материальной культуры, а также явления общественной жизни имели прямое или косвенное отношение к сфере управления. При этом, оказавшись непосредственно в системе

отношений «господства—подчинения», предметы и явления приобретали свойственный им показатель **властного коэффициента**. У некоторых предметов и явлений, имеющих отношение к сфере управления, этот показатель мог изменяться в зависимости от сложившейся ситуации. Одна из систем политической символики, и должностных символов в частности, может быть выделена на основе функциональной разницы между ними. Выделение же базируется не на всем функциональном многообразии явлений. В первую очередь, имеется в виду функция, которая была напрямую связана с властным коэффициентом предметов и явлений и объединяла их в общую категорию символов власти. Согласно функциональной разнице подобная система включает в себя по крайней мере три основные подсистемы.

Символы власти

Как представляется, первую подсистему составляли непосредственно символы власти как таковые. К ним относились предметы и явления, отличительной особенностью которых было наличие у них только одной постоянной функции — это показатель определенного количества властных полномочий лиц, задействованных в сфере управления, т.е. имеющаяся единственная функция выражалась только во властном коэффициенте. Так, например, на уровне верховного правления символами власти были прежде всего атрибуты власти хана, такие как *тахт* (мраморный трон), на который сажали правителя во время церемонии смены верховной власти, а также *тодж* (ханский венец) из золотых украшений и драгоценных камней, втыкавшийся в чалму. Сам ритуал смены верховного правителя, в свою очередь, представлял собой поведенческий символ власти. Далее, должностные лица всех уровней управления, как главы политических институтов, так и их многочисленное окружение согласно рангу получали определенные материальные атрибуты. В частности в Бухарском эмирате к подобным знакам отличия относились посохи, ножи, сабли и топоры, латы, шлемы и другие предметы, различавшиеся между собой материалами и цветовой гаммой. Они выдавались людям, имевшим военные либо придворные чины. Например, отличием должности *достарханчи* был золотой топорик, носимый им в руках (достарханчи отвечал за приготовление пищи для эмира; подавал правителю еду, которую приносил запечатанной своей печатью). Докладчики и постоянно сопровождавшие эмира двое удайчи имели красные посохи. При выездах эмира, шествуя впереди, они зачастую кричали: «Да поможет Господь Хазарету Эмиру при жизни из закона справедливости не выходить!» [Ханыков, 1843, с.187]. Двое *тун-катар* по очереди дежурили у дверей

спальни эмира. Во время поездок глава эмирата давал им небольшие литавры, в которые они стучали, обходя эмирскую палатку [Ханыков, 1843, с.186]. На внешние отличительные знаки различных чиновников обращали внимание очевидцы бухарских событий. В. Крестовский отметил наличие у *махрам-баши* (он ведал перепиской по делам придворных чиновников) инкрустированного золотом чеканной работы топорика с серебряной рукоятью, засунутого за бархатный пояс. *Есаул-баши* носил в руках длинный посох красного цвета. *Парваначи* (один из высших чинов в Бухарском эмирате, ведавший раздачей ярлыков эмиров и управлением по делам арабов, проживающих в ханстве) имел при себе хорасанскую саблю [Крестовский, 1887, с.96—108]. Однако нельзя исключать возможную вариативность материальных атрибутов придворных чинов в период того или иного хана. Следует учитывать очень важную особенность распределения подобных предметов. Существовал не просто иерархический, а иерархо-этнический принцип деления должностных символов. Так, отличительным знаком чина *токсабы* (начальник войскового подразделения, имеющего свое знамя — *тук*) являлся бунчук. Он должен был быть зеленого цвета, если в чин производили человека из племени мангыт. Для остальных групп населения, по сведениям Н.В. Ханыкова [1843, с.185] и Евреинова [Рекогносцировка... 1888, с.122], выбор цвета зависел от воли эмира, т.е. иногда особо подчеркивалась значимость в управлении и роль в государстве людей из правящей династии. Возможно, символы могли выражать также и принадлежность людей, занятых в управлении, к тюрко- или ираноязычному населению.

Символы власти, вероятно, существовали на всех уровнях властной иерархии. Но очевидно, что большее их число относится именно к верховному правлению, так как, по-видимому, с ним, персонифицированным в лице хана, связывалось у населения понятие о власти как категории общественной жизни. Многие символы ханской власти являлись неотъемлемой частью общегосударственных символов.

Символические знаки власти

Не менее значима вторая подсистема выделенной статической системы политических символов. Она включает многочисленные символические знаки власти. Их не следует отождествлять с символами власти, в отличие от которых символические знаки не являлись только показателями определенного количества властных полномочий лиц, занятых в системе управления. Это была лишь одна из нескольких функций подобных предметов и явлений, но при этом постоянная, т.е. они всегда характеризовались наличием властного коэффициента

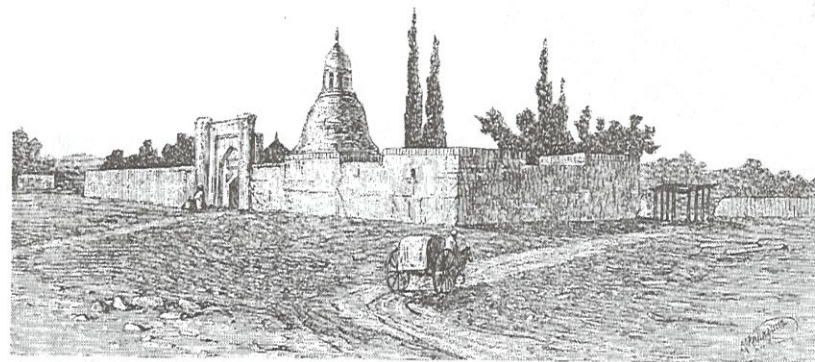
наряду с другими функциональными коэффициентами. Можно выделить наиболее значимые виды символических знаковых систем.

Территориальные символические знаки власти. В масштабе ханств это были, безусловно, города, и в первую очередь столичные, ассоциировавшиеся у населения с источником и центром власти. Широко известно, насколько в Средней Азии велика была роль высокоразвитой городской культуры. Особенно это касается Бухарского эмирата. Разрушаемые кочевниками при завоевании города вновь восстанавливались на прежних местах. Важно еще раз подчеркнуть, что прежде всего город ассоциировался у населения с понятием власти. Еще Н.В. Ханыков отмечал, что «у населения понятие о власти слилось с понятием о городе» [Ханыков, 1844, с.342]. Именно с властью, жесткой, сильной, всемогущей, а не просто центром управления одних людей другими. Это место проживания эмира и высших сановников. Город можно охарактеризовать абстрактным понятием «господство—подчинение». Таким образом, прослеживается изменение этого соотношения не только в вертикальном направлении от авторитета до господства, т.е. от главы общины (даже от главы семьи) до эмира, но и в горизонтальном, т.е. кишлак—город. Были символические места также в самом городе и в каждом селении, такие как площадь, базар, мечеть, чайхана и другие, где происходили собрания общины, выборы руководителей или просто обсуждения должностными лицами различных аспектов жизни селения.

Следует отметить специфику столицы эмирата, города Бухары. Здесь центром общественной жизни квартала была мечеть, где проходили выборы органов самоуправления, сюда приезжали эмирские чиновники в случае, если у них было дело к жителям квартала. В других же городах эмирата, таких как Самарканд, Ташкент, города Ферганской долины, подобным центром являлась и чайхана, где собиралась мужская половина квартала. В Бухаре же чайханы посещались в основном приезжими, а «коренные бухарцы считали это не совсем приличным» [Сухарева, 1958а, с.36]. Итак, в ряде случаев обычные места начинали играть роль символов власти. В геополитическом масштабе территориальным символическим знаком выступил сам Бухарский эмират по отношению к соседним Хиве и Коканду.

Вербальные символические знаки власти. К ним, по-видимому, можно отнести термины прямого обращения к представителям властных институтов, а также своеобразные словесные формулы, произносимые населением при желании переизбрать переставшего их устраивать аксакала или шаха.

Поведенческие символические знаки власти. Это, прежде всего, этикет в сфере управления.

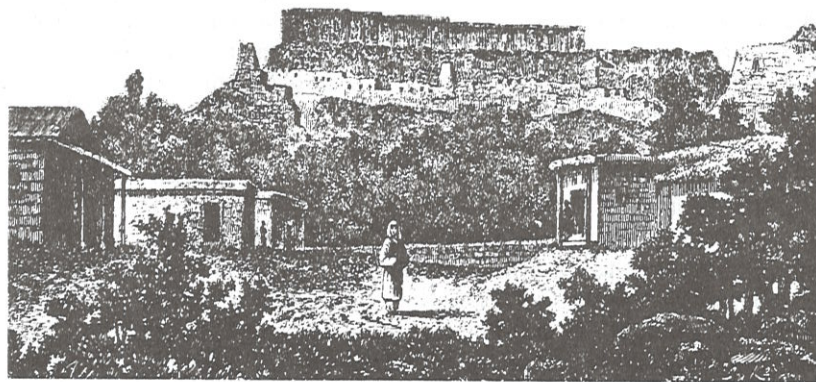
Вид цитадели города Намангана
(с наброска шт.-капитана Дикгофа, рис. Н.Н. Каразин, грав. К. Вейерман).

Звуковые символические знаки власти. Они, как правило, сопровождали значимые и массовые общественные события, в которых не обходились без участия представителей власти любого ранга. Подобным образом население информировали о происходящем. Например, это приветственный бой барабанов при входе верховного правителя в арк и при выходе из него. Как отмечал С. Айни [1960, с.815], барабанщики сидели над воротами арка в специальной комнате с палочками в руках и с барабанами, на которые была туго натянута разогретая кожа. Одновременно били в 10—12 барабанчиков и в огромный барабан. В некоторых областях Бухарского эмирата кармаем созывали граждан на площади по случаю различных событий — при назначении нового правителя, при прибытии должностных лиц и т.д. Звуки музыки также часто сопровождали телесные наказания людей. Иногда на языке звуковых сигналов представители власти давали указания своим подчиненным. В «Очерках Бухарского ханства» Н.А. Маева [1875, с.18] говорится, например, что после сигнала, исполненного на рожке, нельзя было не только безнаказанно проникнуть во дворец Китабского бека, но и ходить поблизости от него.

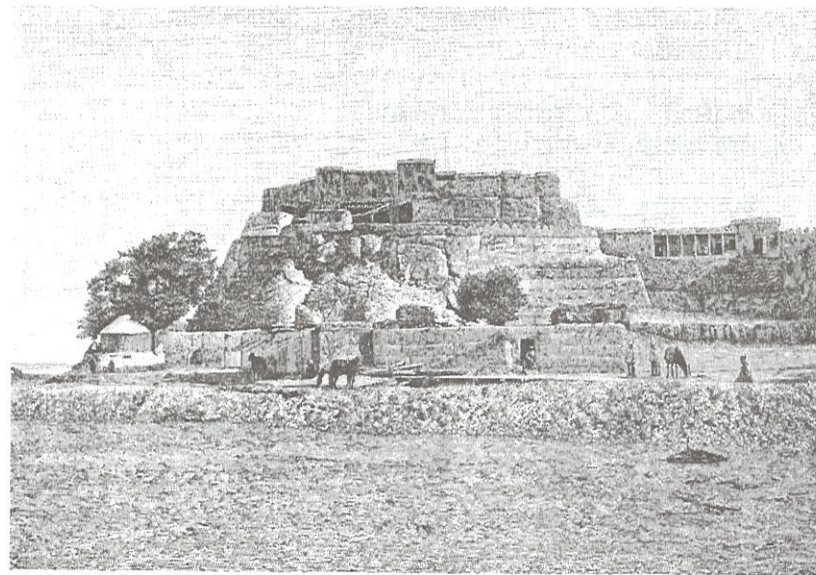
Астрологические символические знаки власти. Как известно, согласно лунным фазам существовали различные приметы, связанные со здоровьем, погодными условиями, событиями в жизни человека, например с браком и т.д., и в том числе с властью. В Хивинском ханстве население объясняло причину лунного затмения так: луна меркнет только в случае смерти какого-нибудь великого государя [Муравьев-Карский, 1819, с.9]. Время восшествия хана на престол сопровождалось

Хива. Дворец хана.

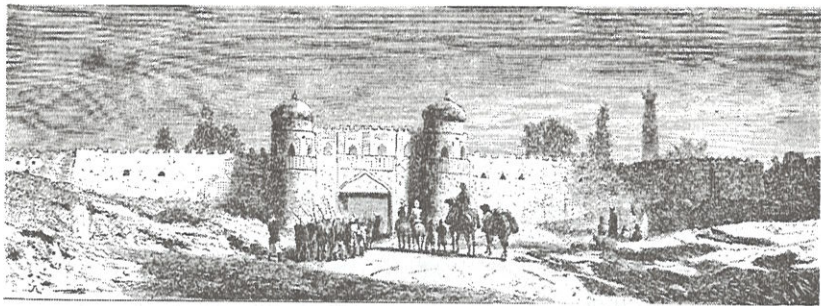

г. Чимкент и цитадель
(с рис. Беленцева, рис. на дер. А.Н. Писченко, грав. Л.А. Серяков).

Бухара. Крепость Керки
(гравер М. Рашевский).

астрологическими наблюдениями. Учитывалось расположение луны и звезд, движение планет и их влияние, определявшееся свойствами каждой планеты. Важны были и градусы знаков зодиака. Предсказатели предвещали, будет ли в стране в годы правления нового хана благополучие и процветание, или неминуема разруха и несчастья. Эти предсказания были неотъемлемой частью многих исторических трактатов. В одном из своих трудов А. Дониш описывает приметы, связанные с правителями мангытской династии Бухары. Эмир Хайдар «вступил на трон в воскресенье четырнадцатого раджаба 1215 года, спустя три часа после восхода солнца, под знаком Козерога в двадцатом градусе. Марс в это время находился под прямым углом к Сатурну и уже начинал обратное движение, а Сатурн и Юпитер находились в созвездии Рыбы. Такое сочетание светил предвещало, что во время правления Хайдара взбунтуется войско, у военачальников будут разногласия с правителем, а сам он будет стремиться к служению богу и добрым делам» [Дониш, 1960, с.39]. «Седьмого дня раби-ал-аввала 1277 г. Хиджры, спустя пятьдесят две минуты после восхода солнца Музаффар вступил на бухарский трон под знаком Скорпиона в десятом градусе, Юпитера — в десятом, Сатурна и Марса — в пятом, когда Луна находилась напротив Юпитера, а Венера — напротив Марса. Такое сочетание предвещало, что при нем улемы и люди ремесла будут

Хива. Первые ворота при въезде в город.

почитаемы для виду. Противостояние Марса Венере предвещало, что религия будет слабеть, что народ, знать и вельможи будут терпеть убытки» [Дониш, 1960, с.44].

Предметные символические знаки власти. Они составляли одну из самых многочисленных групп в числе символических знаков. Среди них можно выделить следующие.

Прежде всего, это предметы, постоянно находившиеся во дворцах правителей всех ханств Мавераннахра. Они были специально представлены для всеобщего обозрения. Их могли видеть люди, которые когда-либо оказывались во дворце, остальное же население знало об их существовании по рассказам очевидцев. Данные предметы являлись символическими знаками верховной власти. В Бухарском эмирате к ним, по-видимому, можно отнести огромных размеров плеть, принадлежавшую, по преданию, богатырю Рустему (чаще всего людей наказывали плетью); большую деревянную булаву и змеевидный посох одного из среднеазиатских святых и другие предметы, развешанные на стенах туннеля арка. Вероятно, они олицетворяли собой одновременно светскую и духовную власть верховного правителя. Количество предметов менялось с течением времени: одни вещи убирались из туннеля, другие — появлялись. Так, при эмире Насрулле к их числу добавился узловатый корень и часть ствола неизвестного дерева, привезенные в Бухару возвратившимся из Мекки ходжою, и т.д. Этот же правитель приказал все лишние плети Рустема, которых скопилось к тому времени уже семь штук, разрезать на части и раздать как святыню дервишам [Маев, 1875, с.66]. Наверно, именно так было сделано не случайно. Ведь богатырь Рустем, «лицо еще донныне лучезарное для среднеазиатцев» [Ухтомский, 1891, с.107], является героем иранского эпоса. В ряде источников он выступает как противник зороастризма. Первое сохранившееся письменное упоминание о нем содержится в согдийском фрагменте V в., повествующем о битве Рустема с дэвами

[Мифологический словарь, 1992, с.472]. О его подвигах неграмотное население узнавало от рассказчиков, помнивших наизусть различные легенды и сказания о нем и о многих других героях. Э. Ухтомский отмечал, что люди в XIX в. часто представляли себе, как «движется гигантская тень с палицей в руке. Над головою кружатся охотничьи соколы, по бокам бегут дрессированные леопарды» [Ухтомский, 1891, с.107]. Интересно, что предметы богатыря, а также его плеть сохранились до начала XX в. в качестве атрибутов верховной власти. Палица представлена наряду с другими вещами в арке, а соколиная охота была чрезвычайно популярна среди верховных правителей. Таким образом, символически хан сравнивался в какой-то степени с богатырем Рустемом. Светская власть хана являлась отражением физической силы богатыря, а борьба Рустема за свою веру как бы воплощалась в религиозной власти хана.

Демонстрация подобных предметов имела место и на уровне глав округов и областей. В этом они также стремились подражать верховному правителю. Однако вещи были не столь диковинными и в основном представлены различными видами оружия. Типичный пример дома бека в Чарджоу, у которого по стенам крытого двора-коридора были развешаны длинные фитильные ружья с подставками, а также копыя и топоры [Дмитриев-Кавказский, 1894, с.22].

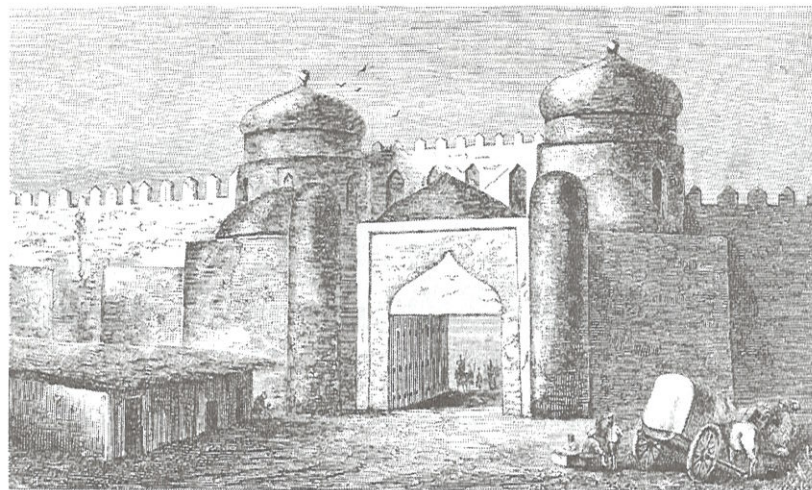
Также к предметным символическим знакам власти относились отдельные элементы одежды (внешние знаки отличия) и жилища (символические знаки места), отличавшие представителей власти от остального населения. Еще Аристотель отмечал [1983, с.398], что «когда одни властвуют, а другие находятся в подчинении, все-таки является стремление провести различие между теми и другими в их внешнем виде, в их речах и в знаках почета». Данные материалы рассматривались ранее в основном в контексте изучения материальной культуры при описании традиционного жилища и одежды. Однако функциональное значение многих предметов заключалось и в их роли символических знаков власти.

Символические знаки места, т.е. жилищные комплексы глав политических институтов и крупных должностных лиц, отличались, как правило, богатым внутренним убранством и внешним изяществом. Великолепный дворец верховного правителя ассоциировался с символом могущества всего Бухарского эмирата. Правители округов и областей, беки и амлокдоры, жили в домах-крепостях, соответствующих их должностному статусу и общественному положению. Отличия сохранялись и на уровне местного управления. В «Воспоминаниях» С. Айни писал об одном селении: «Кроме старосты Наима нет в деревне человека, имеющего дом со многими комнатами. У всех остальных —

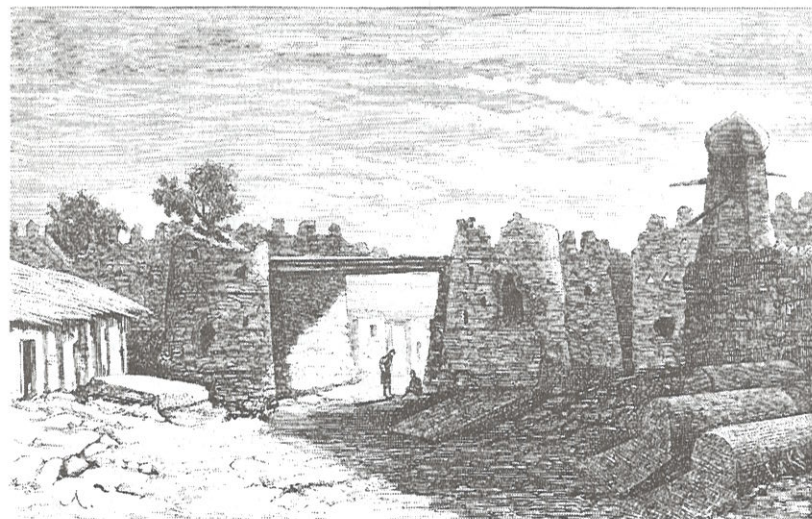
ветхие лачуги, похожие на хлев: в одной комнате вся семья ютится, а в другой — скот стоит» [Айни, 1981, с.105]. Представителям правящей элиты необходимо было иметь жилища, отличающиеся от остальных, так как эмиры при посещении округов обычно останавливались в домах беков, где, естественно, должны были находиться в наилучших условиях и быть приняты с особыми почестями. По данным Петрова, когда эмир приезжал в Карши, то жил в помещении, расположенном в бекской цитадели [Путевые заметки... 1886, с.72]. Дворец шаарского бека служил временным жилищем эмиру во время его пребывания в Шааре [Маев, 1875, с.25]. И это можно сказать почти обо всех бекствах Бухары.

Практическая необходимость иметь дома-крепости связывалась еще и с тем, что некоторые беки являлись правителями областей, где преобладало кочевое население. Иногда требовалась защита от набегов подчиненных племен в случае недовольства политикой и методами управления в крае. А также нередко имели место и междоусобицы между самими беками, которые стремились усилить свою власть путем расширения территории округа или фактического подчинения соседнего правителя.

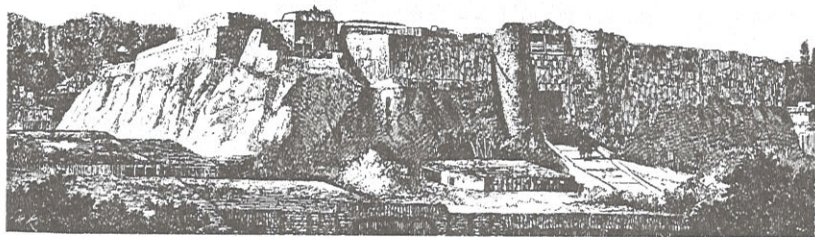
Внутреннее содержание символического знака места основывалось, по крайней мере, на двух принципах. Первый из них заключался в «вертикальности» жилища. Существовала прямая зависимость между занимаемым местом во властной иерархии и высотой жилищного комплекса. Вообще, дома немусульман ханства, например среднеазиатских евреев [Маев, 1875, с.25], должны были быть ниже домов мусульманского населения. Далее «вертикальность» проявлялась согласно рангу людей, входящих в сферу управления: от амлокдора (а иногда и от аксакала) до хана. У Бухарского эмира был самый высокий арк, жилища беков и амлокдоров были выше, чем у обычного населения. При этом жилище располагалось на естественном или искусственном возвышении в виде холма. Об этом свидетельствуют имеющиеся в распоряжении топографические данные и описания почти всех бекских крепостей. Для наглядности приведем один из фактов Петрова по Гузарскому округу, представлявшему собой сравнительно небольшое и незначительное бекство. «Крепость Гузар расположена на правой стороне реки Карасу, правый берег крутой и несколько выше левого, на этом возвышении есть бугор или насыпь, на которой построена цитадель, т.е. помещение бека. Небольшое возвышение окружено глинобитной стеной, в 2.5 или 3 сажени вышиной, в виде четырехугольника, каждая стена в длину не более 50 сажень — одни ворота или въезд с южной стороны. Внутри расположены постройки, занятые беком... Город имеет вид большого обыкновенного кишлака» [Путевые заметки... 1886, с.75].

Наружняя сторона ворот г. Хивы.

Внутренняя сторона ворот г. Хивы
(с набросков поручика Дикгофа, рис. Г.Л., грав. Л.А. Серяков).

Самарканд. Вид крепости.

С первым принципом неразрывно был связан и второй. Это «горизонтальность» жилища, выделявшая символический знак места. В его основе лежала обособленность жилища правителя, его большая или меньшая степень удаленности от жилых комплексов остального населения города или кишлака. Следует иметь в виду все ступени управления, арк же эмира и дворцы в крупных бекствах являлись своеобразными «городами в городах».

Очень важно подчеркнуть следующую особенность, связанную с символическими знаками власти вообще и с жилищами в частности. Она заключалась в постоянном воссоздании символического знака. Дома правителей различных уровней управления находились, как правило, в одних и тех же местах на протяжении веков. Показателен, безусловно, в этом отношении бухарский арк, имеющий многовековую историю. Считается, что крепость была местопребыванием правителя страны с древней земледельческой культурой в течение не менее полутора тысяч лет, а возможно, и много раньше [подр. см.: Андреев, Чехович, 1972, с.13—14]. Пережив за это время множество разрушений, она вновь воссоздавалась на прежнем месте как символ государственной власти. Новые постройки часто возводились на развалинах древних цитаделей. Так, эмир Абдулахад построил дом в Шааре на высоком насыпном кургане на месте древней крепости. Он стал постоянным местопребыванием амлокдора [Крестовский, 1877, с.107]. Таким образом, сохранялась качественная основа символа власти, изменялся лишь внешний вид жилища. Нередко во дворцах поселялись новые правители, в то время как сам внешний облик жилища сохранялся прежним. Это произошло со многими шахскими домами бывших независимых владений, присоединенных к Бухарскому эмирату во второй половине XIX в. Например, одна из крепостей в низовьях реки Ванджа, построенная по преданию дарвазским ханом Азиз-ханом, перешла в

управление амлокдора долины Ванджа [Семенов, 1903, с.9] и т.п. И так, воссоздание или захват символического знака власти свидетельствовали о его значении и роли как для тех, кто имел эту власть, так и для подчиненных.

К предметным должностным символическим знакам относились также отдельные элементы одежды. В этот комплекс входила почетная грамота (ярлык). Она вручалась человеку, удостоенному эмиром какого-либо чина. Согласно данным Н. Ханькова, ярлыки были трех видов: 1) с печатью эмира и с печатью его секретаря, первая находилась на лицевой стороне, вторая — на обороте; 2) с печатью эмира и с печатью *инака* (один из довольно высоких чинов в ханстве), расположение которых соответствовало первому документу; 3) ярлыки с печатью одного эмира [Ханьков, 1843, с.183]. Они вручались согласно разряду чина. Низшие из них получали ярлыки первого и второго вида, третий же предназначался для наивысших чинов в Бухарском эмирате. Грамота втыкалась в чалму, заменяя таким образом приказы и объявления о назначении. По некоторым сведениям, полученный документ должны были носить в течение трех дней. На это время он становился знаком абсолютного авторитета и почета. Окружающие с уважением относились к человеку, носившему в чалме грамоту, поздравляли его с дарованной милостью эмира. Причем обида, нанесенная ему в данный период, приравнивалась к обиде эмира [Сборник... 1885, с.84] и, вероятно, соответственно наказывалась.

Следует отметить, что представители власти на местах и без наличия у них специальных символов выделялись из среды обычного населения. Часто они отличались просто по внешнему виду, т.е. на первый план выходил визуальный язык общения между управляющими и подчиненными. Повсеместно в традиционной культуре различных народов своего рода маркером выступает головной убор, выделяя, например, представителей одного рода, селения, разграничивая людей разного возраста и социального статуса, что проявляется в специфике его орнаментации, цвета, внешнего вида вообще и т.д. Бухарский эмират в этом отношении не являлся исключением. Люди, встречаясь друг с другом, в первую очередь обращали внимание именно на головной убор. Вот какое оригинальное сравнение приводит М.Э. Никольский: «Потратив на повязку одной чалмы столько же времени, сколько любой европейской кокетке нужно на завершение всего туалета, он (житель Бухары. — О.С.) идет на базар. Явиться с дурно повязанной чалмой — значит вызвать ряд насмешек» [Никольский, 1903, с.13]. Чалма могла также входить в подарочный набор вещей, вручаемый при назначении на должность.

В данном случае следует подчеркнуть способ повязывания чалмы. Как заметил А.П. Хорошхин, «чалмы духовных, ханов и знатных стариков не высоки, но зато непропорционально раздаются во все стороны и почти скрывают под своими полами иногда крошечное лицо; чалмы военных (сипаи) немного уже кверху, купцов и массы — самая пропорциональная чалма» [Хорошхин, 1876, с.98]. Аналогичные данные содержатся и у В.В. Крестовского [Крестовский, 1887, с.271—272]. На различия указывал также С. Айни, отмечая, что у придворных чиновников «чалмы, повязанные на голове, в форме репы» [Айни, 1960, с.296]. А. Семенов, описывая внешний вид *мирахура* (он заведовал лошадьми), подчеркивал, что «его громадный тюрбан из индийской кисеи, как бунчук, маячит над сплошной массой чалм» [Семенов, 1900, с.7—8]. Сведения подобного рода приводятся и у О.А. Сухаревой [1982, с.78] в ее работе, посвященной исследованию среднеазиатского костюма. Она указывала на то, что в Самарканде в конце XIX—начале XX в. городской способ наматывания отличался от кишлачного большей плотностью при укладывании складок чалмы, поэтому она получалась меньших размеров. В селении чалма имела несколько бесформенный вид. Такое же отличие наблюдалось в способах наматывания у горожан, принадлежавших к различным слоям населения, т.е. простой народ делал это по-кишлачному. Приведенные примеры о различных способах повязывания чалмы свидетельствуют о региональной вариативности. Важно наличие разницы в повязывании чалмы между людьми, занятыми в системе управления, и обычным населением. К тому же существовала строгая должностная ранжированность повязывания головных уборов, не позволявшая нарушать общепринятые традиции. Безусловно, чалма чиновников и самого эмира выделялась и более дорогими материалами. Широко была распространена тончайшая индийская кисея [Сухарева, 1982, с.79], носившая название мисколи. Есть сведения и об орнаментальной специфике наряду со способами повязывания. Будучи в Чарджоуском бекстве, Л.Е. Дмитриев-Кавказский отмечал, что у простолюдыня выпущенный с левой стороны конец чалмы в большинстве случаев был украшен цветными полосками. «У среднего и высшего общества этот конец загнут кверху и заправлен между тубетейкой и чалмой; во время молитвы его опускают вниз» [Дмитриев-Кавказский, 1894, с.26].

Символическим знаком власти и отличительным элементом костюма был также халат. Наряду с выполнением функции обычной одежды, он являлся также показателем определенного количества властных полномочий лица, занятого в системе управления. При этом изначально на коэффициент власти влияли три основные составляющие халата: материал, цвет, орнамент.

Изготовление шелка
(колл. МАЭ РАН. И-1718-115).

Безусловно, халаты должностных лиц отличались более дорогими материалами, как и вся одежда в целом. В литературе есть немало свидетельств того, что существовали запреты для простого народа носить одежду из того или иного материала. О.А. Сухарева отмечала, что само название канауса — *шохи* (букв. — царский), возможно, указывало на то, что одежду из этой ткани носили только члены семьи эмира. В подтверждение своего предположения она ссылается также на факты П. Небольсина и Е.М. Пещеревой [Сухарева, 1981, с.29]. Однако деление халатов должностных лиц основывалось не только на виде материала, как-то: шелк, полушелк, бархат, парча и др. Имело значение и место изготовления ткани. Так, чиновники аппарата кушбеги, находившиеся в чине токсабы, получали в составе ежегодного комплекта одежды халат из лучшей каршинской или kitabской алачи или бархата, джебачи — из ходжентской полушелковой алачи, чухра-огасы — из ферганского атласа [Сухарева, 1966, с.271—272] (*джебачи* — латник, *чухра-огасы* — начальник придворных слуг). Известно, что существовали традиционные центры по производству тех или иных видов тканей, которые отличались прекрасным качеством и наиболее высоко ценились. Следовательно, для ранжирования халатов существовали, по крайней мере, два показателя: вид материала и место его изготовления.

Общение посредством символов было широко распространенным явлением в культуре любого этноса. Перед нами пример предметного

Богатый наряд сарта
(колл. МАЭ РАН, И-255-129).

Уличные типы среднеазиатских городов.
Мужчина в цветном халате с чалмой на голове
и женщина в парандже верхом на лошади
(колл. МАЭ РАН, И-1718-73).

письма жены к мужу (в среде оседлого населения Ферганы). Женщина послала белье, в которое завернула немного соломы и кусочек угля. Этим она сообщала, что в отсутствие мужа пожелтела, как солома, и почернела, как уголь, от тоски [Наливкин, Наливкина, 1886, с.155]. Можно привести множество подобных примеров, касающихся различных сфер жизнедеятельности человека. Так и представители власти часто общались с подчиненными, заменяя словесный язык языком среднеазиатской ткани, понятным обеим сторонам. Вот что писал в своих воспоминаниях С. Айни: «Казий дал два куска дешевой нуратинской ткани: “Вот шей себе халат. Его величество устал от стихов”. Я догадался, что эмир на меня рассердился. Подарок верховного казия указывал на это, ибо подобная ткань на базаре стоила не более 1.5 рублей. Такой подарок был для меня оскорблением» [Айни, 1981, с.347]. Здесь опять ткань приобретала функцию письма. У оседлого населения среднеазиатских ханств она была одним из наиболее семантически богатых и ярко окрашенных элементов в традиционной культуре. Вступивший на трон эмир Музаффар разослал во все бекства подарки. Самаркандский правитель получил черную лошадь, украшенную всем черным, и исключительно черные же халаты, что должно было означать «весьма нерадостное грядущее». И действительно, вскоре глава округа был назначен беком в Гузар, а спустя еще некоторое время заключен в бухарскую тюрьму и казнен [В.В., 1907].

Цвет халата подчеркивал иерархию среди управляющих. У бухарцев и хивинцев считалось большой честью получить в подарок от хана халат огненного цвета [Вамбери Г., 1877, с.55; Пуцкович, 1900, с.11]. Зачастую право носить светло-красную одежду имели только те семьи, главы которых получили от правителя подобный подарок.

Немаловажное значение имел орнамент и его расположение. Количество золотного шитья на одежде соответствовало рангу носившего ее, начиная от халата с узким орнаментом по бортам и заканчивая халатом, сплошь покрытым золотным шитьем.

На примере халата прослеживается эволюция символического знака при движении от низшей ступени служебной лестницы к высшим. Материал, цвет и орнамент являлись тремя основными составляющими «языка халата», которым пользовались при назначении на должность или в случае присвоения определенного чина. Это было обязательным как для властной вертикали (хан—бек—амлоқдор), так и для связанных с ней многочисленных горизонтальных звеньев (назначение ханом или беком казия, райса и т.п.). На данном языке общались не только при назначении, но и при подтверждении в должности и одобрении результатов выборов. Бек мог подарить халат аксакалу после его выборов местным населением. Или, по сведениям Н.А. Фридриха [1910, с.65]

Эмир Абдулахад с сыном, сановники, представители духовенства и купечества. 1893 г.
(колл. МАЭ РАН, И-1695-3).

и Кузнецова [Дарвоз... 1893, с.70], эмир, получив извещение от бека о кандидатуре главного казия в округе, в качестве согласия присылал судье шелковый халат, после чего казий благодарил бека, даруя ему до десяти халатов и одну лошадь.

В период пребывания у власти получение чиновником более дорогих или, наоборот, дешевых халатов означало соответственно повышение или понижение по служебной лестнице. Халат внешне выражал совокупность запретов и ограничений, определявших этикетом для того или иного должностного лица. Например, в приемную к хану сначала входили придворные, одетые в парчовые халаты, за ними — в шелковые, а после — в атласные [Айни, 1960, с.296].

И, наконец, отстранение от власти, как и назначение, влекло за собой изменение в одежде чиновника. Халат мог являться свидетельством занимаемой прежде должности, оставаясь у человека в случае конфискации всего остального имущества в казну. Или же он открыто служил знаком опалы и лишения властных полномочий, отражая потерю властного коэффициента. Например, снятому с должности беку вручали рваный халат и в таком виде сажали его на видном месте у ворот бекского двора [Логофет, 1909, с.64]. Одежда являлась знаком

наказания не только самих должностных лиц, но и значительной части обычного населения со стороны представителей сферы управления. Так, при обнаружении раисом нарушений правил торговли на базаре разгневанный чиновник, кроме всего прочего, начинал срывать халаты с провинившихся [Ремпель, 1981, с.45]. Однако отметим, что использование халата в качестве знака наказания было лишь частным случаем в системе символических знаков власти.

Халат мог быть использован и при разрешении внутрисемейных конфликтов. Совет родственников мог принять решение наказать неверного супруга следующим образом: распороть лучший его шелковый халат и переделать на одежду оскорбленной жене [Наливкин, Наливкина, 1886, с.216]. Также халат мог стать средством урегулирования межэтнических разногласий. М.С. Андреев, будучи в экспедиции в Самаркандской области в 1921 г., зафиксировал конфликт, возникший в результате оскорбления таджиком арабов. Для восстановления дружеских отношений и в знак примирения родственники обидчика вынуждены были устроить угощение и надеть халаты на самых уважаемых арабов [Андреев, 1924, с.129].

Халаты должностных лиц являлись знаками почета и авторитета. Они были неотъемлемыми предметами всевозможных подношений. Обычай дарения халата был широко распространен и в быту бухарцев. Ими обменивались семьи жениха и невесты, одаривали почетных гостей и т.д. на протяжении веков. Подобный обмен имел место и в системе управления, о чем свидетельствуют различные источники, в частности «Убайдулла-наме», являющийся ценным памятником по истории Бухарского ханства 1702—1711 гг., времени, почти непосредственно предшествовавшему правлению мангытской династии [Амин-и Бухари, Мир Мухаммед, 1957, с.43].

Должностные лица преподносили друг другу халаты по различным поводам. Подношения шли сверху вниз по властной вертикали (хан—бек—амлокдор—аксакал), причем не с обязательным соблюдением строгой подчиненности (хан—амлокдору, бек—аксакалу и т.д.). Это происходило не только по поводу назначения на должность. Халат входил в состав ежегодного жалованья. Во встречном направлении шли ежегодные подношения вышестоящему правителю, частью которых являлся все тот же халат. Чиновники дарили халаты по случаю больших праздников и различных торжеств. Кроме выполнения простой функции дара, халат становился и знаком дарения «части власти» нижестоящему подчиненному, либо в противоположность этому — знаком подтверждения подчинения и службы.

Подарок же почетного халата верховным правителем кому-либо из должностных или бездолжностных лиц считался величайшей милостью

эмира. Об этом событии сразу сообщали на базаре публичные глашатаи. «Народ будет знать, что почетные халаты пожалованы, а это все, что нужно» [Крестовский, 1887, с.171]. Таким образом, для простых людей получение ими халата приравнялось к хорошему приему у главы государства, считалось знаком милости и почета, признания авторитета. Причина дарения халатов послам других государств состояла еще и в том, что, согласно придворному этикету, перед эмиром все должны были появляться в традиционной бухарской одежде, чтобы не оскорбить священные взоры правителя. Впоследствии, особенно после установления протектората России над Бухарой, если послы отказывались накидывать туземную одежду, халаты стали класть на кресла таким образом, что «посол садился на то место подкладки, которое пришлось бы под сиденьем, если бы халат был надет на нем» [Крестовский, 1887, с.141]. Сами же официальные лица объясняли обычай дарения одежды послам до их появления во дворце верховного правителя не столько как знак готовности эмира принять членов посольства, а как замену «испорченного платья, покрывшегося пылью во время путешествия» [Носович, 1898, с.287].

Кроме взаимных подношений внутри системы управления, должностные лица могли подарить халат кому-либо из населения в качестве заслуженной награды. Таким способом чиновники расплачивались и за привезенные из сражений головы убитых врагов. Согласно данным по Хивинскому ханству, за 4—5 голов давали простой обыкновенный халат, а самые дорогие и ценные шелковые халаты вручались за 40—50 голов противника [Инфантьев, 1916, с.37—38; Пуцкович, 1900, с.4]. Победители в поединках борцов, одного из любимых зрелищ бухарцев, также награждались халатом от бека и т.д. В Кокандском ханстве, после завоевания его Россией, и при новой администрации получение халата от управляющих по-прежнему оставалось лучшей наградой [Хорошхин, 1876, с.99]. В подобных случаях преподнесение уважаемым лицом отличительной одежды становилось для человека знаком приобретенного или возросшего авторитета в обществе. Дорогой халат являлся знаком престижа. Покупка некоторых видов халатов была запрещена или ограничена для определенных слоев и категорий населения Бухарского эмирата. Оставаясь символическим знаком, халат одновременно представлял собой и косвенный денежный эквивалент. Количество накопленного богатства определяло положение и влияние человека в обществе, поэтому в отличие от представителей власти в обычных семьях такие подарки чаще всего не носили, а хранили как семейное достояние.

Итак, очевидно, что халат являлся не только элементом традиционной одежды, но и визуальным языком власти, знаком авторитета, почета и

престижа. Он был постоянным средством общения в сфере управления, а также — власти с народом.

В числе заметных элементов одежды и вещественных символических знаков власти непременно следует упомянуть и *тагбанд* (пояс). По аналогии с головным убором и халатом, пояса чиновников отличались наиболее богатым убранством. Они, как правило, украшались золотыми и серебряными бляхами и пряжками. Должностная ранжированность обязательно соблюдалась и в случае самостоятельного приобретения пояса. Ранг чиновников определялся не только вариантами поясов, но и манерой их ношения. Представители сферы управления обычно одевали пояс поверх халата, все остальные категории населения носили тагбанд под верхней одеждой [Сухарева, 1962, с.115], о чем свидетельствуют и фотоматериалы. По сведениям И.А. Ханькова [1843, с.189], «Ходжа калаян», один из чинов Джуйбарских ходжей, единственный имел право приходить к эмиру неподпоясанным. В.В. Крестовский же привел описание внешнего вида кушбеги, одетого в темно-зеленый бархатный халат, который был не подпоясан в знак высокого положения министра [Крестовский, 1887, с.292]. Следовательно, это была особая, дополнительная привилегия со стороны верховного правителя для наиболее значимых людей в государстве. Пояс, в дополнение к головному убору и халату, увеличивал суммарный показатель властного коэффициента.

Таким образом, отдельные элементы одежды и весь ее комплекс в целом были представлены на основе должностной иерархии, существовавшей в Бухарском эмирате, а также, очевидно, в Хиве и Коканде.

Выше отмечались особенности внешнего вида и жилищ представителей всех ступеней властной вертикали, правящих в городах или в сельской местности с оседлым населением, у которого была сходная с властью культура жизнеобеспечения. Многие же чиновники назначались для управления в области, где большинство населения составляли кочевники. Здесь уже на первое место выходили не отдельные детали одежды или жилищ, отражавшие иерархию в системе управления, а их внешний вид в целом. Отмечалось, что среди туркмен долины Амударьи «чалма и яркие цветные халаты редко водятся и заранее уже говорят, что владелец их какой-нибудь чиновный бухарец» [Нечаев, 1914, с.19]. Даже среди юрг путешественники встречали четырехугольную глиняную постройку амлокодора [Липский, 1902, с.307]. В селении около города Мерва, как писал Е. Марков [1901, с.277], среди глиняных мазанок текинцев располагался высокий белокаменный дом Мурадхана, являвшегося тогда аксакалом.

Следовательно, институты власти и управления выступали в роли своего рода катализаторов в процессе аккультурации. Первоначально заимствования осуществляли представители правящей элиты кочевников. Так, кроме владения большим количеством скота и жилища с богатым внутренним убранством, главу одного из узбекских племен отличало от остальных еще и наличие у него шелкового халата для торжественных дней [Семенов, 1911, с.42]. Позже, подражая своей управленческой верхушке, различные элементы культуры начинают заимствовать и остальные кочевники. «Дома богатых уже непременно становятся бухарской постройки, с приемными комнатами и отдельным женским отделением», — писал капитан Быков о туркменах-эрсаринцах [Очерк долины Аму-Дарьи... 1880, с.20]. Стремление жить по-бухарски возникает у многих; так как это становится престижным. В.М. Бехтерев, исследуя человеческие рефлексии, отмечал, что в коллективной среде мода начинается всегда с руководящих слоев населения и от них передается к низшим слоям [Бехтерев, 1921, с.114—115]. Со второй половины XIX в. «бухарская мода» активно распространяется во вновь присоединенных районах Восточной Бухары, начиная свое движение из административных центров, где поселялись чиновники. В Дарвазе в повинность населения входили поездки в Гиссар и Бухару за различными товарами, в том числе и за шелковой одеждой, которой не было в бекстве [Латыпов, 1957, с.119]. Представители же высших уровней власти в эмирате первыми заимствовали элементы европейской культуры.

Таким образом, существовали различные виды символических знаков власти, о некоторых из которых можно сказать словами Б.Н. Хатунцева, что «символические проводники власти — обычно предметы с резкими зрительными отличиями или определенные действия, имеющие инносказательный смысл» [Хатунцев, 1925, с.113].

Знаки власти

Наряду с символами власти и символическими знаками власти существовала и третья составляющая выделенной системы политических символов. Она включала знаки власти, отличительная особенность которых состояла в том, что данные предметы или явления наряду со своей полифункциональностью не имели ни одной постоянной функции, каким-либо образом связанной со сферой управления. Функция могла оказаться лишь временной и возникла только при определенных обстоятельствах, т.е. знаки не имели постоянного властного коэффициента. Он появлялся только на период какой-либо ситуации, от которой зависел его больший или меньший показатель.

К первой группе знаков власти можно отнести предметы, не принадлежавшие к традиционной культуре оседлого населения Бухарского эмирата и попавшие в разряд необычных. Часто представители власти, как правило верхнего уровня управления, т.е. главы эмирата и беки, окружали себя «диковинными» вещами, полученными нередко в качестве подарков. Например, качающаяся и поворачивающаяся во все стороны игрушка бухарского эмира Музаффара, к которой «пробивался народ на празднике Курбан-байрам, желая посмотреть на диво» [Татаринов, 1867, с.28]. Правители как бы заявляли об обладании чудотворной силой и о своей способности на сверхъестественные действия в случае неповиновения подданных, приобретая в глазах людей еще большее могущество и авторитет. Случайные вещи в определенных ситуациях приобретали значение знаков власти.

Ко второй группе знаков власти принадлежали предметы, которые первоначально также рассматривались в числе необычных, но постепенно занимали место среди символических знаков власти. Показателен в этом отношении пример с часами. В Бухаре большие часы-куранты были установлены над главными воротами арка. В.В. Крестовский указывал, что их «устроили на диво» всем жителям эмирата при эмире Насрулле [Крестовский, 1887, с.289]. При дворе существовала должность часовщика, обязанного следить и заводить все часы во дворце и большие куранты, чтобы они звонили каждый час. Предметный знак власти выполнял и роль звукового символического знака власти. В приемной Кокандского хана на стене висело сразу трое русских часов с белыми циферблатами, расписанными розами [Хорошкин, 1876, с.60]. Опять мы видим ведущую роль институтов управления в процессе аккультурации.

Вскоре часы перешли из разряда диковинных вещей в предмет постоянного пользования у должностных лиц. «Нет сановника, который не имел бы часов... Но обращаться с ними не умеет: у одного они без стекла, у другого без стрелок». При этом данный факт трактуется Татариновым как необходимость наличия часов у мусульман для определения времени молитвы [Татаринов, 1867, с.85]. Вряд ли данное объяснение состоятельно, так как часы представляли собой один из многочисленных знаков власти.

И, наконец, третья группа знаков власти состояла из предметов, никогда не воспринимавшихся необычно. Наоборот, многие из них являлись своего рода маркерами культуры. Так, одним из видов традиционной пищи оседлого населения Бухарского эмирата, как и у населения Хивы и Коканда, был плов. В данном случае не имеют значения многочисленные варианты его приготовления и связанная с этим региональная специфика пищи. Однако он также может рассматриваться

Бухара. Базар на Регистане, продажа плова
(колл. МАЭ РАН, И-1179-7).

в числе знаков власти. Причем пример плова демонстрирует еще одну их особенность, а именно зависимость властного коэффициента не только от конкретно сложившейся ситуации, но и от значимости действующих в ней людей, т.е. возникновение различий по ступеням управления.

На уровне местной власти плов имел косвенное отношение к должностным лицам, выступая в роли оплаты их труда или являясь даже причиной их смещения. Например, по обычаю городского квартала Бухары аксакал и кайвони, которые всегда участвовали в подготовке любых общественных сборищ, имели право отослать по блюду плова домой. Злоупотребление же этим правом было одной из наиболее частых причин их переизбрания [Сухарева, 1958а, с.38].

На верхнем же уровне управления проявлялся более сакральный характер плова, приобретая черты, свойственные знакам власти. Существовали два основных варианта использования плова, позволяющие отнести его к числу знаков власти. Во-первых, угощение этим блюдом было неотъемлемой частью этикета у должностных лиц, а точнее, при приеме верховным правителем ханства его ближайшего окружения. В Бухарском эмирате придворные группами приветствовали эмира, затем шли на большой двор, где стоял его трон, и рассаживались в определенном порядке на кирпичной суфе. А тем временем слуги вносили плов. Очень красочно описывает следующий момент С. Айни [1980, с.213]: «Придворные кидались вырывать эти блюда у слуг и

друг у друга», так как, по их мнению, плов эмира священен. Сходный этикет прослеживается и в Хивинском ханстве, где члены Совета при верховном правителе, прежде чем приступить к решению каких-либо дел, насыщались пловом, принесенным для них в больших блюдах [Веселовский, 1877, с.294]. Все происходившее перед общением с главой государства и рассмотрением с ним важных вопросов общественной жизни являлось своеобразным символическим действием, направленным на подтверждение окружением своей преданности хану и получение от него мельчайшей доли благодати и власти в форме священной еды. Одновременно угощение пловом представляло собой и короткий эпизод в огромной системе восточного гостеприимства.

Во-вторых, сложился обычай определения самого вкусного плова. Он отмечен в кругу верховного правителя и его окружения. Нередко в конце дня после выполнения должностных обязанностей бухарский эмир и чиновники собирались за дастарханом. Перед этим каждый из них получал котел и должен был приготовить свой плов, после чего определялся лучший. Безусловно, самым прекрасным всегда оказывалось ханское блюдо [Olufsen, 1911, с.581]. Это было своего рода игровое состязание с заранее известным победителем. Кроме описанного обычая, в Бухарском эмирате сложился обычай общения эмира с населением посредством плова. В столичном квартале, где останавливался эмир, ужин ему присылало ближайшее медресе. Учащиеся складывали приготовленный плов в котлы, а слуга нес их в дом, где находился эмир, в сопровождении хозяев плова. Там главный повар, открыв котлы и попробовав плов, некоторые принимал, а неудачные отвергал. Выбранные же повар выкладывал на эмирские блюда, а хозяевам возвращал их котлы, наполненные пловом эмира. Кроме этого, они получали еще и деньги [Айни, 1980, с.103]. Помимо простого дарообмена здесь в какой-то степени вновь присутствовал оттенок священности блюда верховного правителя. Эмир таким образом постоянно поддерживал связь с миром мусульманской учености, поощрял тех, кто стремился овладеть знаниями. Учащиеся, в свою очередь, могли продемонстрировать свое умение и заслужить похвалу и вознаграждение от эмира. Они имели возможность оказаться как бы ближе к официальному главе духовной власти и всемогущему человеку посредством плова как знака власти. Итак, мы видим, что многочисленную группу предметных знаков власти составляли предметы совершенно разные по своим основным функциям.

Предметы и явления, имеющие прямое или косвенное отношение к сфере управления, не обязательно однозначно выступают в качестве символов власти. Примером тому может служить приведенная выше статическая система должностных символов. Функциональная разница

между ними, связанная с властным коэффициентом, позволила их свести к трем крупным группам — символам власти, символическим знакам власти и знакам власти. Наряду с основной системой существовали и ее производные, отражавшие качественные взаимопереходы трех групп символов.

2. ПОВЕДЕНЧЕСКИЙ СИМВОЛ ВЛАСТИ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ

Предмет политической социализации

Все группы символов власти разных уровней управления были неразрывно связаны с политической социализацией. Очень коротко ее можно определить как процесс включения человека в политику, или как «совокупность процессов становления политического сознания и поведения личности, принятие и исполнение политических ролей, проявление политической активности» [Шестопап, 1990, с.71]. Рассмотрение подобных проблем проводилось в основном на примере высокоразвитых современных обществ Европы и Америки [Шестопап, 1988; Easton, Dennis, 1969; Jennings, Niemy, 1981 и др.], в результате чего исследователи выделили ряд этапов политической социализации ребенка, связанных со сменой психологических механизмов этого процесса, а именно: политизация, персонализация, идеализация и институционализация [Шестопап, 1988, с.61]. В результате политизации дети усваивают, что кроме взрослых дома и в школе есть еще внешняя власть. Персонализация предполагает прежде всего осознание политической власти через символизирующие ее политические фигуры, такие как президент, полицейский и т.п. Идеализация заключается в приписывании политическому деятелю исключительно положительных качеств. Институционализация связана с поворотом в человеческом сознании к более безличному, деперсонифицированному представлению о власти. Взаимодействие политики и личности имеет конкретно-исторический характер и не прекращается на протяжении всей жизни человека, а каждая политическая система вырабатывает свои специфические механизмы вовлечения личности в политические отношения.

Представляется не менее важным и изучение различных форм и механизмов осуществления политической социализации в условиях традиционного общества, т.е. обстоятельное исследование процесса так называемой традиционной политической социализации, что позволит выявить архетипы этого явления и их проявления в условиях современного общества. Причем необходимо рассмотрение традиционных механизмов

включения человека в сферу властных отношений на всех уровнях системы управления. Но это тема отдельного исследования, которое предполагает целенаправленное изучение процесса по различным направлениям с использованием материалов по традиционной и современной политической культуре среднеазиатского региона. Следует отметить, что при таком исследовании необходимо учитывать и роль отдельных символов власти, которые также формировали политическое сознание и поведение личности.

Роль должностных символов в политической социализации

Три группы должностных символов, существовавших в Бухаре, оказывали влияние на все этапы политической социализации в ханстве. Среди их основных функций проявлялись информативная, включавшая выделительную и ограничительную роли, а также коммуникативная, регулировавшая общественные отношения. Вероятно, предметные символы были особо действенны на первых этапах процесса, т.е. в периоды политизации и персонализации. Вообще в Бухаре XIX в. население часто ставило знак равенства между властью и ее внешним воспроизведением. «В кишлак может приехать любой человек, и лишь бы он был на хорошем коне, был похож на важного человека, никто не спросит, кто он, а все будут принимать его как начальство» [Архангельский, Шпигель, 1926, с.19]. По существу, уже само обладание символами и символическими знаками означало для других людей наличие у данного человека власти, а главное — права управлять другими людьми. Отчасти это происходило из-за строгого соблюдения запретов и ограничений на приобретение и владение тех или иных знаков власти.

Как отмечалось выше, в числе значимых политических символов были поведенческие. Они оказывали существенное влияние на политическую социализацию, в первую очередь, из-за своего массового характера, т.е. проявлялись при непосредственном участии народа. Как известно, политическое сознание и поведение формируются под влиянием двух основных групп факторов: политических и неполитических. К первой группе относятся характер и тип государственного устройства, режим, политические институты, партии, организации, движения. Во вторую группу входят семья, школа, работа, культура и т.д. В реальной жизни политические и неполитические факторы тесно переплетены, оказывают сложное воздействие на личность. Это необходимо иметь в виду, анализируя механизмы социализации в конкретных исторических условиях определенной социальной среды. Политическое значение в этом процессе и особенно в традиционном обществе могут иметь даже далекие от политики и ее институтов факторы.

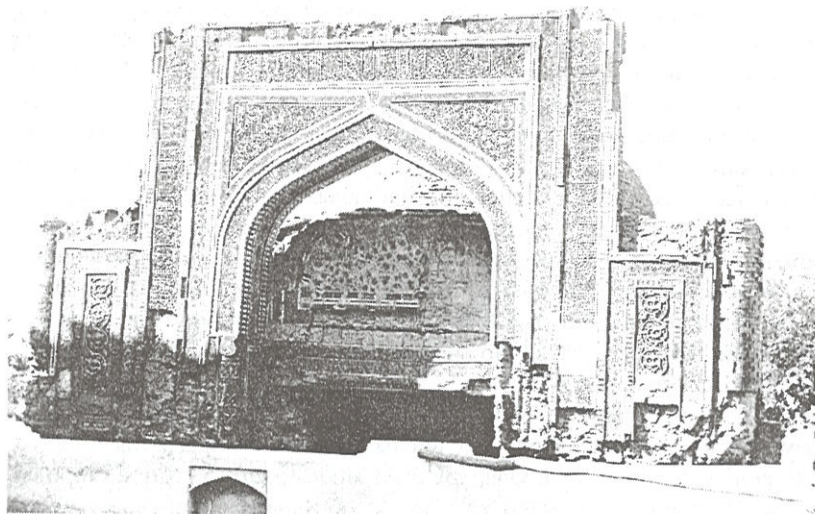
По-видимому, велико было влияние ритуалов, по совершении которых человек мог перейти на качественно новую ступень властной иерархии какого-либо из уровней управления — от главы семьи до главы государства. С этой позиции можно рассматривать различные виды ритуалов, такие как обряды жизненного цикла, церемонии внутри мужских союзов и ремесленных организаций. В семье обыденное «состояние покоя» нарушалось в результате рождения детей, женитьбы или смерти кого-либо из ее членов. В случае рождения и женитьбы наблюдалась динамика в сторону увеличения числа людей, вовлеченных в сферу управления — подчинения, в случае смерти — наоборот, происходило уменьшение их численности. Например, после свадебного обряда жених и невеста, переходя в другой статус, занимали новое место в иерархии большой семьи, давая возможность кому-то подняться по ступеням семейного управления.

В данном разделе внимание акцентируется на поведенческом символе власти в виде ритуала смены верховного правителя ханства. Его роль в традиционной культуре была многогранна. С одной стороны, ритуал можно рассматривать как одну из обрядовых сфер общественной жизни, как единственный случай взаимодействия эмира со своим окружением в контексте взаимосвязей лидеров всех уровней властной иерархии. С другой стороны, следует подчеркнуть еще одну важную функцию ритуала. Он, безусловно, представлял собой зрелищную сторону влияния политического фактора на процесс политической социализации.

Ритуалы смены верховной власти

Ритуальная жизнь политики исторична и связана с политическим строем общества, а ритуал является составной частью зрелищного аспекта политики. Он украшает политическую жизнь, повышая престиж событий и действующих в них лиц. Достаточно вспомнить ту значимость, которую придают в настоящее время происходящим в различных государствах инаугурациям, для которых устанавливаются определенные правила и внутренняя структура, соблюдаются уже сложившиеся традиции или вводятся новые. Ритуал как своеобразный вид политического зрелища делает политику более близкой и тем самым расширяет возможности ее пропаганды, являясь неотъемлемой частью влияния политического фактора на процесс социализации.

Ритуал имел очень важное значение в среднеазиатских ханствах XIX в. При рассмотрении процедуры смены верховной власти необходимо сделать акцент не на символической стороне события и

Бухара. Вход в мавзолей
(колл. МАЭ РАН, И-2808-25).

генезисе ритуала, а прежде всего проследить его роль и структурную взаимосвязь с политической социализацией. Поведенческий символ власти состоял из цепочки временных периодов, оказывавших различное влияние на три группы действующих лиц — правителя государства, чиновников и остальное население. Принимаемое в литературе о Бухаре за ритуал только поднятие хана на белом войлоке не совсем верно. Данное событие являлось не одноактным действием, а более длительным процессом, представлявшим неразрывное целое со всем ритуалом, оно имело свои определенные границы, начало и конец. Причем, это событие содержало определенные предметные символы власти, характеризующие функционирование Бухарского эмирата как государственного образования во главе с единоличным правителем, а также ряд вещевых символов, связанных непосредственно с ритуалом, а в дальнейшем с властью эмира.

Внутреннюю структуру поведенческого символа можно разделить на несколько периодов. Первый из них — **предбухарский период**, состоявший, в свою очередь, из двух основных этапов. Границами начального этапа являлись смерть правителя Бухары и доведение сведений о ней до наследника. Придворные гонцы отправлялись с печальными новостями к старшему сыну эмира, который управлял

одним из данных ему в подчинение бекств. Целью гонцов было призвать наследника в столицу, чтобы принять верховную власть. Этот временной промежуток безвластия являлся, вероятно, наиболее волнующим и беспокойным для многих должностных лиц и будущего главы эмирата, который еще непосредственно не участвовал в ритуале. Ведь обычными были распри за власть между сыновьями и ближайшими родственниками правителя. Велико было желание глав округов увеличить свою власть на местах за счет независимости от центра (впоследствии возмущение недовольных постепенно сойдет на нет). От чиновников высшего уровня управления в сложившейся ситуации требовалось проявление политической мудрости, от которой зависела их должностная судьба при новом хане. Окончанием первого этапа можно считать вручение наследнику ханской печати, а иногда еще и четок, как это было в случае с Музаффаром [В.В., 1907]. Привезенные предметы являлись фактическим подтверждением смерти правителя. Печать входила в число атрибутов государственной власти в Бухаре. Передача предметных символов свидетельствовала о первом признании и начале качественных преобразований катта-гўра в государя. В дальнейшем следовало воссоздание символа в виде новой ханской печати.

Основой второго этапа предбухарского периода было движение наследника, воспринимаемого народом уже в качестве правителя, и его окружения в столицу. Начался ритуал восхождения наследника с уровня бекского управления до главы эмирата. Он — центральная фигура ритуала вплоть до его завершения. Многие должностные лица выезжали из Бухары навстречу кортежу, поздравляя и приветствуя сына эмира словами, с которыми обращались к законному правителю. Главное, что следует отметить, на этом этапе происходило включение в ритуальный процесс простого народа, который становился активным зрителем происходящего. Народ устремлялся к кортежу, подобно песку, гонимому ветром пустыни, количество его росло по мере приближения сына эмира к столице. «К шуму, производимому движением нескольких тысяч человек, присоединялись громкие крики сбегавшихся на дорогу и приветствовавших правителя народа» [В.В.]. На этом же этапе, вероятно, фиксировалось одно из первых официальных изменений, предусмотренных законом, в результате которого до сведения населения доводилось известие о смене власти. Менялись слова молитвенного обращения в криках удайчи, повсюду сопровождавших эмира [Андреев, Чехович, 1972, с.44].

Далее шел **бухарский период** — очень важный в структуре поведенческого символа власти. Он также состоял из отдельных значимых этапов. Во-первых, этап въезда наследника в столицу в новом качестве. Этому событию придавался особый смысл. Необходимо

было произвести впечатление на всех жителей, подобающее главе эмирата, а не просто одному из претендентов на трон. Уже в полном объеме воспроизводится поведение, свойственное хану, но пока без официальной передачи власти. Показателен пример с эмиром Музаффаром, которому окружение не посоветовало въезжать в город ночью согласно естественному течению обстоятельств. «Недостойно нового эмира въезжать в столицу в ночной темноте, точно вору. Лучше обождать наступления утра и въехать при встрече населения с подобающей пышностью и торжественностью», с чем Музаффар, безусловно, согласился [В.В., 1907].

Во время бухарского периода в ритуальный процесс вливались уже городские жители. «Все бухарское население и множество народа из окрестностей расположились в праздничных нарядах сплошной стеной по обе стороны пути следования эмира до дворца». При этом они соблюдали этикет, установленный по отношению к главе эмирата, «падая ниц перед лицом проезжающего государя» [В.В., 1907]. Подавляющее число людей, стоявших за рамками сферы управления, сразу с первых этапов ритуала воспринимали наследника как законного и полноправного правителя эмирата.

После появления будущего эмира в столице добавлялся еще один отличительный признак смены власти, предусмотренный обычаем. Это приветственный бой *нагора* (больших барабанов) при входе и выходе правителя из дворца, по которому жители Бухары могли узнать о восшествии на трон нового эмира.

Наряду с ограниченным кругом должностных лиц население становилось свидетелем непосредственной смены власти, т.е. имело возможность одновременно наблюдать похороны одного и возвышение другого правителя. На данном этапе пересекались две церемонии, а точнее, рассматриваемый ритуал содержал в себе погребальный обряд эмира, участником которого становился его наследник. Подобный факт отражен в исторической хронике начала XVIII в. «Убайдулла-наме»: «...совершивши оплакивание покойного государя и исполнив по обычаю предписание князя пророков, необходимое омовение и снаряжение его благословенного тела — осуществили облачение последнего в саван. [Затем] эмиры, духовенство, рядовые обыватели и привилегированные лица, [равно] высшие чиновники, подняли на плечи носилки с трупом покойного государя и вынесли их из высокого арка. Молодой счастливый принц шел [в процессии]...» [Амин-и Бухари, Мир Мухаммед, 1957, с.23]. Аналогичный пример из периода правления мангытской династии: «Когда эмир подъехал к воротам урды, в это время из них показалась печальная похоронная процессия — выносили тело эмира Насруллы. Процессия в сопровождении Музаффара и массы народа двинулась на

кладбище Имама Имля, расположенное в самом городе, где и похоронен был эмир Насрулла, противно своему завещанию...» [В.В., 1907].

Кульминационным этапом бухарского периода поведенческого символа власти являлся обряд поднятия хана на *кошме* (войлоке). Именно его всегда считали ритуалом как таковым. Очевидно, что наряду с сохранением его основы, имела место вариативность церемонии при каждом мангытском правителе. «...Для готовившегося торжества устроили помост с наметом лицевой стороной обращенной к Мекке... а под намет этот поставили на помост трон из мрамора... По обеим сторонам этого помоста устроили два других, тоже лицом к Мекке... На помост по правую руку садятся сейиды и улемы: первым Накиб, потом Фейзы, далее Ураки-Келан, Казым-Келан, Шейх-уль-Ислам, Казыл-Аскер, Аълем, Ураки-Хурд, Муфтии-Аскер, Раис города Бухары и прочие должностные ходжи и улемы.

В намете по левую руку садятся: первым — Аталык, потом Диван-беги, далее Перваначи, Даджаг, Инак хранитель печати, Токсаба должностной, Ишек-ака-Баши и Мирахур, следующим за Мирахуром сидеть не дозволяется, они стоят. Таким образом, по каждую сторону трона садится человек 10—12 сановников. Которые из них старшие по достоинству, те садятся выше. Накиб и Аталык считаются равными.

Перед троном разостлали белую кошму. Мир-Хайдар возложил на голову себе венец, украшенный драгоценными камнями и сел на кошму. Тогда за четыре угла кошмы взялись Накиб, Аталык, Диван-беги и Перваначи, подняли на ней Мир-Хайдара и опустили на трон. При этом произведена была раздача значительного количества золотой и серебряной монеты. Затем принесли кушанья. По окончании угощения присутствовавшие, каждый по достоинству, получили халат малевый, парчовый, глазетовый или бархатный: 9 тысяч халатов пожаловано было в этот день... послы по прибытии в Бухару были допущены к целованию руки эмирской...», — писал Мирза-Шемса-Бухари о восшествии на престол эмира Хайдара [Записки Мирзы-Шемса-Бухари, 1861, с.2—3].

Основным моментом кульминационного этапа бухарского периода было принесение присяги на верноподданство. По сведениям А.А. Семенова [1924, с.162—164], этот обычай в Бухаре ввел эмир Хайдар. Участниками становилось множество съехавшихся со всех концов эмирата должностных лиц. Сама же процедура заключалась в следующем. Каждый подходивший к правителю, согласно ранжированной очередности, брал протянутую ему руку эмира и, «зажимая в свои ладони, подносил ее к своим глазам и лбу, которыми слегка касался и проводил по неподвижно зажатой руке эмира» [В.В., 1907], произнося различные пожелания в его адрес. Это было знаком признания превосходства верховного правителя. Аналогично же манипулировали, например, с

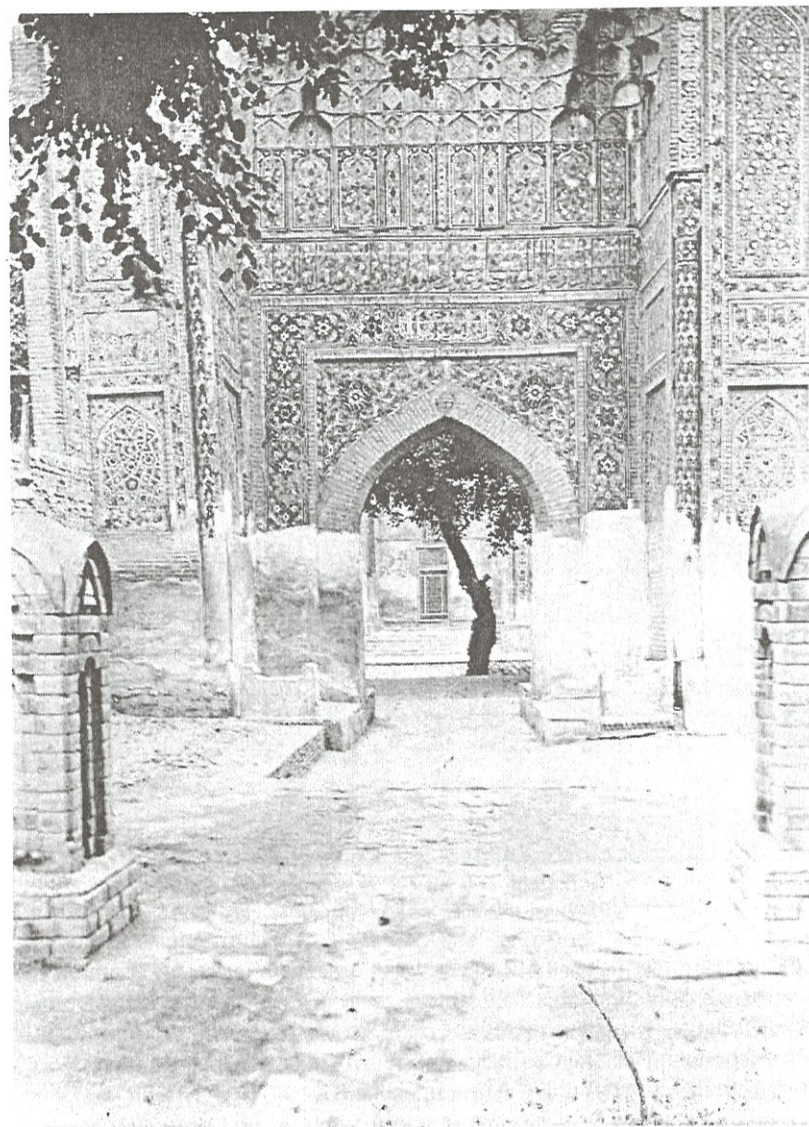
указом эмира. Подобный жест доказывал подлинность и святость документа. Возможно, день восшествия на трон в Бухаре точнее назвать днем присяги. В первую очередь он был особенно значим для главы эмирата и всех чиновников, занятых в системе управления, которые впервые официально подтверждали свое подчинение, давая тем самым эмиру право на господство в стране.

Вероятно, после присяги по велению эмира изменялись два ведущих символа власти. Во время хутбы при пятничном намазе провозглашали имя нового правителя, а также начинали чеканить золотые и серебряные монеты с его именем. Очевидно, что это были символы не просто власти эмира, а знаки существования эмирата как единого государственного образования во главе с единоличным правителем. Именно они оказывали существенное влияние на политическую социализацию населения Бухары.

Два последующих периода ритуала были связаны с городом Самаркандом. Изначально восшествие на трон в Бухарском эмирате происходило в Самарканде, его столице. Однако и после ее перенесения в Бухару Самарканд не перестал играть роль центра передачи власти. В «Убайдулла-наме» отмечается, что «государи Турана... первым делом считали отправиться в Самарканд, являющийся одним из городов, построенным Александром, воссесть там на серый камень» [Амин-и Бухари, Мир Мухаммед, 1957, с.54]. Не стали исключением и все правители мангытской династии. Мухаммед-Рахим-хан, будучи соправителем Абуль-Фейз-хана, решил для упрочения своей власти и достижения единоличного правления совершить подобный обряд в Бухаре. Однако после он был вторично поднят на кошке и в Самарканде, так как бухарский государь не считался законным правителем, пока он не подтвердит в этом городе свою власть. Таким образом, со времени прихода к управлению мангытской династии закрепилось удвоение или дублирование сакрального действия.

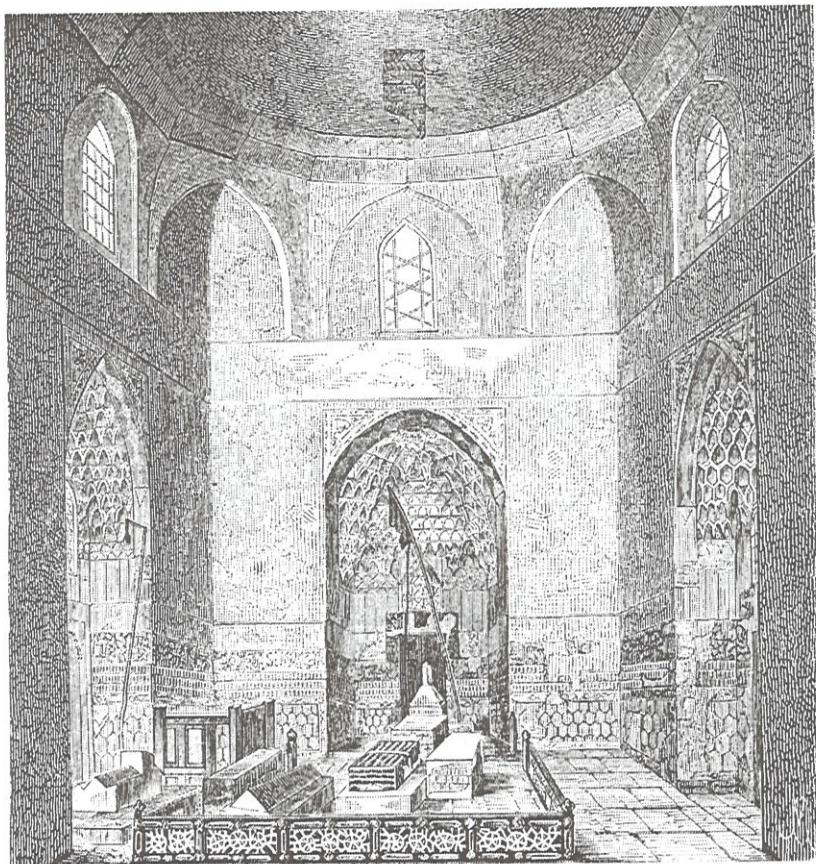
Следовательно, очередным звеном поведенческого символа являлся **предсамаркандский период**, первый этап которого длился до времени отправления правителя в Самарканд. Продолжительность его, очевидно, была различной. Например, эмир Музаффар принял решение посетить город приблизительно через пять—шесть месяцев после присяги [В.В., 1907]. На этом этапе шло накопление опыта в управлении на уровне верховной власти. Налаживались связи с главами округов и областей, происходила смена должностных лиц. Эмиру необходимо было закрепить полученную власть практически, установить порядок в системе управления.

Второй этап предсамаркандского периода связан с поездкой эмира в бывшую столицу. Беку Самарканда поручалось подготовить все

Самарканд. Входные ворота к могиле Тимура
(колл. МАЭ РАН, И-512-172).

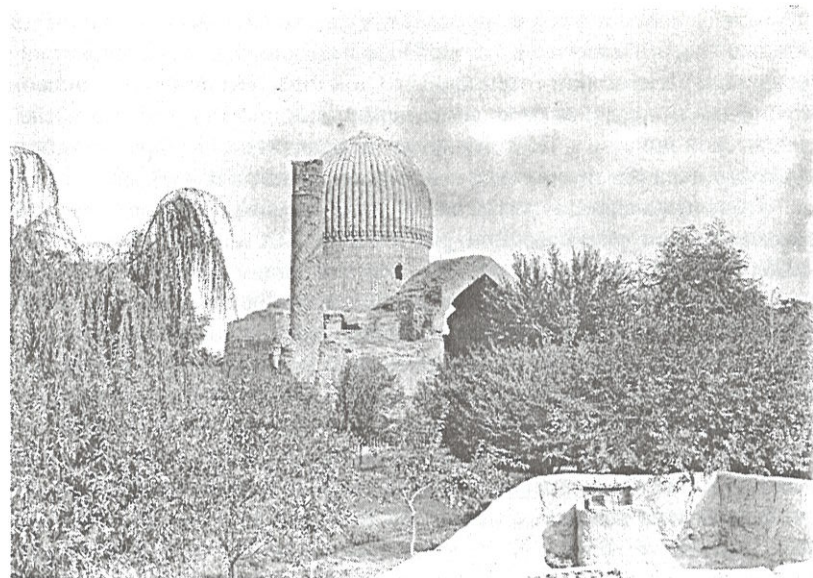
необходимое для проведения ритуала поднятия на кошке, а также известить и собрать на торжественное событие представителей узбекских племен и чиновников бекств. Движение кортежа напоминало предбухарский период

Самарканд. Гробница Тимура
(с наброска Иванова, рис. на дереве О. Май, грав. Л.А. Серяков).

с рядом качественных изменений. Ехал уже действующий эмир, а не наследник. А население становилось свидетелем все того же зрелища. «Земледельцы из окрестностей и даже издалека, с бабами и ребятами, заблаговременно расположились по обе стороны самаркандской дороги, громко приветствуя эмира и падая ниц» [В.В., 1907].

Очень важным был **самаркандский период**, по своей структуре и содержанию напоминавший бухарский. Происходило повторение всех основных моментов, связанных с торжественным въездом и пребыванием в городе. «У бухарских ворот можно было подумать собрался весь самаркандский округ — так много было людей... Один из чинов двора, следовавший рядом с эмиром, разбрасывал горстями серебряные деньги,

Самарканд. Могила Тимура
(колл. МАЭ РАН, И-512-171).

поднятие хана на войлоке на трон. При этом должностные лица так же присягали правителю. После официальных мероприятий наступало время празднеств. Так, эмир Музаффар до возвращения в Бухару прожил в Самарканде около двух месяцев [В.В., 1907]. Несмотря на сходство кульминаций двух периодов, существовала принципиальная разница между ними. Возможно, в Бухаре на первое место выходила присяга на верноподданство, в результате которой избранный эмир получал законное право на управление. Самаркандский обряд в большей степени воспринимался как священное действие, необходимое для закрепления законного права на господство в государстве. Нужно было «воссесть на серый камень и успокоить [все] окрестные племена и улусы», как отмечалось в «Убайдулла-наме» [Амин-и Бухари, Мир Мухаммед, 1957, с.54]. Повторная присяга представителей узбекских племен и чиновников свидетельствовала об их окончательном подчинении и признании эмира. Одним словом, после бухарского периода наследник становился правителем, а после самаркандского — сакральным правителем. Это была точка в длинной цепи временных промежутков. Если борьба за власть не прекращалась, то она велась уже с легитимным эмиром. Как правило, большинство оппозиционных сил сходило на нет.

Следует отметить ряд предметных символов, задействованных в ритуале смены власти. К сожалению, имеющиеся в распоряжении материалы достаточно отрывочны. Описания ритуала не слишком подробны и неравномерно затрагивают каждого из представителей мангытской династии. Поэтому не всегда однозначно и уверенно можно сказать о наличии и тем более о причинах изменений в обряде.

Общепризнанной является точка зрения о монгольском происхождении ритуала. Хотя ряд авторов XIX в. [Гребенкин, 1874, с.337; Шубинский, 1892, с.122] считали кошму чисто узбекским нововведением, принятым Рахим-ханом в качестве символа вступления на ханство, так как кошма была в быту узбеков самой необходимой вещью. Для обозначения чистоты намерений, происхождения и богатства рода была выбрана белая кошма. Безусловно, подобные объяснения применимы не только к узбекам. Т.Д. Скрынникова в монографии «Харизма и власть в эпоху Чингис-хана» приводит из источников по истории монголов различные варианты смены власти, в основе которой лежит поднятие хана на кошме. В одном из источников говорится, что «при возведении государя на престол ближайшие важные сановники сажают его на войлок и по солнцу кругом обносят девять раз. При каждом разе чиновники делают поклонение перед ним. По окончании поклонения сажают его на верховую лошадь, туго стягивают ему горло шелковой тканью, потом ослабив ткань, немедленно спрашивают: сколько лет он может быть ханом» [Скрынникова, 1997, с.100—148]. Основу ритуала в Бухарском эмирате составлял этот же элемент кочевнической культуры.

Итак, центральным предметным символом власти являлся войлок. В Бухаре в числе реликвий хранились также стеганое одеяло и небольшой ковер. Перед церемонией на полу расстилали коврик, на него клали одеяло, а сверху войлок, на котором должен быть поднят эмир [Андреев, Чехович, 1972, с.45, 47]. При восшествии на трон Музаффар в Самарканде одна на другую разостланы были три кошмы. Одна из трактовок символического действия и предмета отражена в игронизации монгольского хана Гуюка. Участники обряда, посадив хана на войлок, говорили: «Смотри вверх и познай бога, и смотри вниз и увидишь войлок, на котором сидишь. Если ты будешь хорошо управлять своим королевством, будешь щедр и будешь поступать справедливо и почитать каждого из князей соответственно его рангу, то будешь царствовать во славу, весь мир преклонится перед твоим правлением и господь пошлет тебе все, что ты пожелаешь в сердце твоем. Но если ты будешь делать противное, то будешь несчастен, отвержен и беден так, что этот войлок, на котором ты сидишь, не будет оставлен тебе» [Скрынникова, 1997, с.110]. Принципиальным вопросом является способ посадки эмира на

кошму. Имеются сведения о двух вариантах: эмир сам садился на войлок [Записки Мирзы-Шемса-Бухари, 1861, с.2—3] или его торжественно сажали на него [В.В., 1907; Татаринов, 1867, с.91; Шубинский, 1892, с.122]. В этом, возможно, символически отражалась степень независимости будущего правления эмира.

По обычаю, за четыре угла войлока, на котором сидел глава эмирата, брались представители знатных родов. Это подтверждают источники по истории Бухары. О восшествии эмира Убайдуллы говорилось, что «четыре эмира от четырех [наиболее] известных [узбекских] племен, подняв на белом войлоке государя мира, посадили его на счастливый наследственный трон» [Амин-и Бухари, Мир Мухаммед, 1957, с.23—24].

Иная ситуация складывалась в период мангытов. М.С. Андреев и О.Д. Чехович привели даже имена четырех человек, поднимавших за концы кошму при Абдулахде и Алимхане. Они являлись представителями ходжей и крупных сановников ханства. Согласно литературным материалам, прежнее правило перестало соблюдаться при восшествии эмира Хайдара [Записки Мирзы-Шемса-Бухари, 1861, с.2—3]. Однако в Самарканде Музаффар, сидящего на войлоке, за четыре угла подняли «представители узбекских родов — мангыт, хытай-кипчак, кырк-юз, найман» [В.В., 1907]. Возможно, существовало различие в бухарском и самаркандском вариантах. Хотя, безусловно, в XIX в. наблюдалось падение значимости племен и их влияния на управление в ханстве.

Вторым ведущим предметным символом ритуала и верховной власти был *кокташ* (трон), на который сажали правителя во время церемонии. Он был изготовлен из мрамора. Трон в сознании людей был предметом священным. Он являлся воплощением места, через которое проходила мировая ось, и его не всем разрешалось видеть. Как говорили местные жители, «это недоступно для магометан» [Соловьев, 1936, с.126]. Возможно, его берегли и от сглаза, чтобы он не потерял приписываемую ему магическую силу. Это напоминает почитание наиболее священных мест мусульман.* Существовала легенда о том, что мраморный камень упал с небес и не позволит лжехану воссесть на него [Schuyler, 1876, с.255]. Кокташ являлся также символом могущества и силы. Во время войн победители часто разбивали трон правителя противника в знак его поражения и подчинения, как поступили бухарцы в Дарвазе [Семенов, 1903, с.15]. В Самарканде после покорения Средней Азии Россией над

* В Шахимардане нельзя было несправедливо видеть место упокоения халифа Али, «даже переводчика-мусульманина просили посетить гробницу не в русском мундире» [Федченко, 1950, с.311].

Следует отметить ряд предметных символов, задействованных в ритуале смены власти. К сожалению, имеющиеся в распоряжении материалы достаточно отрывочны. Описания ритуала не слишком подробны и неравномерно затрагивают каждого из представителей мангытской династии. Поэтому не всегда однозначно и уверенно можно сказать о наличии и тем более о причинах изменений в обряде.

Общепризнанной является точка зрения о монгольском происхождении ритуала. Хотя ряд авторов XIX в. [Гребенкин, 1874, с.337; Шубинский, 1892, с.122] считали кошму чисто узбекским нововведением, принятым Рахим-ханом в качестве символа вступления на ханство, так как кошма была в быту узбеков самой необходимой вещью. Для обозначения чистоты намерений, происхождения и богатства рода была выбрана белая кошма. Безусловно, подобные объяснения применимы не только к узбекам. Т.Д. Скрынникова в монографии «Харизма и власть в эпоху Чингис-хана» приводит из источников по истории монголов различные варианты смены власти, в основе которой лежит поднятие хана на кошме. В одном из источников говорится, что «при возведении государя на престол ближайшие важные сановники сажают его на войлок и по солнцу кругом обносят девять раз. При каждом разе чиновники делают поклонение перед ним. По окончании поклонения сажают его на верховую лошадь, туго стягивают ему горло шелковой тканью, потом ослабив ткань, немедленно спрашивают: сколько лет он может быть ханом» [Скрынникова, 1997, с.100—148]. Основу ритуала в Бухарском эмирате составлял этот же элемент кочевнической культуры.

Итак, центральным предметным символом власти являлся войлок. В Бухаре в числе реликвий хранились также стеганое одеяло и небольшой ковер. Перед церемонией на полу расстилали коврик, на него клали одеяло, а сверху войлок, на котором должен быть поднят эмир [Андреев, Чехович, 1972, с.45, 47]. При восшествии на трон Музаффар в Самарканде одна на другую разостланы были три кошмы. Одна из трактовок символического действия и предмета отражена в интронизации монгольского хана Гуюка. Участники обряда, посадив хана на войлок, говорили: «Смотри вверх и познай бога, и смотри вниз и увидишь войлок, на котором сидишь. Если ты будешь хорошо управлять своим королевством, будешь щедр и будешь поступать справедливо и почитать каждого из князей соответственно его рангу, то будешь царствовать во славу, весь мир преклонится перед твоим правлением и господь пошлет тебе все, что ты пожелаешь в сердце твоём. Но если ты будешь делать противное, то будешь несчастен, отвержен и беден так, что этот войлок, на котором ты сидишь, не будет оставлен тебе» [Скрынникова, 1997, с.110]. Принципиальным вопросом является способ посадки эмира на

кошму. Имеются сведения о двух вариантах: эмир сам садился на войлок [Записки Мирзы-Шемса-Бухари, 1861, с.2—3] или его торжественно сажали на него [В.В., 1907; Татаринов, 1867, с.91; Шубинский, 1892, с.122]. В этом, возможно, символически отражалась степень независимости будущего правления эмира.

По обычаю, за четыре угла войлока, на котором сидел глава эмирата, брались представители знатных родов. Это подтверждают источники по истории Бухары. О восшествии эмира Убайдуллы говорилось, что «четыре эмира от четырех [наиболее] известных [узбекских] племен, подняв на белом войлоке государя мира, посадили его на счастливый наследственный трон» [Амин-и Бухари, Мир Мухаммед, 1957, с.23—24].

Иная ситуация складывалась в период мангытов. М.С. Андреев и О.Д. Чехович привели даже имена четырех человек, поднимавших за концы кошму при Абдулахад и Алимхане. Они являлись представителями ходжей и крупных сановников ханства. Согласно литературным материалам, прежнее правило перестало соблюдаться при восшествии эмира Хайдара [Записки Мирзы-Шемса-Бухари, 1861, с.2—3]. Однако в Самарканде Музаффар, сидящего на войлоке, за четыре угла поднимали «представители узбекских родов — мангыт, хытай-кипчак, кырк-юз, найман» [В.В., 1907]. Возможно, существовало различие в бухарском и самаркандском вариантах. Хотя, безусловно, в XIX в. наблюдалось падение значимости племен и их влияния на управление в ханстве.

Вторым ведущим предметным символом ритуала и верховной власти был *кокташ* (трон), на который сажали правителя во время церемонии. Он был изготовлен из мрамора. Трон в сознании людей был предметом священным. Он являлся воплощением места, через которое проходила мировая ось, и его не всем разрешалось видеть. Как говорили местные жители, «это недоступно для магометан» [Соловьев, 1936, с.126]. Возможно, его берегли и от сглаза, чтобы он не потерял приписываемую ему магическую силу. Это напоминает почитание наиболее священных мест мусульман.* Существовала легенда о том, что мраморный камень упал с небес и не позволит лжехану воссесть на него [Schuyler, 1876, с.255]. Кокташ являлся также символом могущества и силы. Во время войн победители часто разбивали трон правителя противника в знак его поражения и подчинения, как поступили бухарцы в Дарвазе [Семенов, 1903, с.15]. В Самарканде после покорения Средней Азии Россией над

* В Шахимардане нельзя было несправедливо видеть место упокоения халифа Али, «даже переводчика-мусульманина просили посетить гробницу не в русском мундире» [Федченко, 1950, с.311].

троном в торжественные дни развевался российский флаг [Хорошкин, 1876, с.198], т.е. по-прежнему сохранялась его функция как символа власти.

Наряду с совершением двойного церемониала, было и два трона, находившихся в Самарканде и Бухаре. Последний из них претерпел своеобразную эволюцию от простого глиняного возвышения [Гребенкин, 1874, с.337], на которое подняли Рахим-хана, до мраморного камня, описание которого приводится в «Арке Бухары» [Андреев, Чехович, 1972, с.43]. Авторы расходятся во мнениях, покрывался ли трон коврами, сколько в нем было углублений, заполняемых золотыми монетами. По одному из источников, число монет равнялось 92, т.е. традиционному числу узбекских племен, и тогда это явно узбекское нововведение [Андреев, Чехович, 1972, с.49]. Нет единства мнений и в отношении порядка лиц, сидевших с двух сторон от трона, что также было существенным. Вероятно, это описания отдельных ритуалов с появлением новых должностей. В.В. Бартольд, рассматривая церемониал при дворе узбекских ханов XVII в., писал, что слева сидели представители племен [Бартольд, 1909, с.301], чего нельзя сказать о XIX в. Естественно, что ситуация с течением времени изменялась, и это место заняли должностные лица ханства. Имея сведения о положении сидящих при каждом обряде смены верховной власти, можно реконструировать внутреннее развитие институтов управления, роли и значимости государственных должностей в период правления отдельного хана.

К символам власти следует отнести и одежду правителя. Для церемонии смены власти хан облачался в специальные золототканые одежды, надевавшиеся для этой роли его предками. Была еще одна реликвия — *тодж* (ханский венец), состоящий из золотых украшений и драгоценных камней, который втыкался в чалму. В «Убайдулла-наме» написано, что «царский венец и диадема государей была возложена на его (Убайдуллы. — О.С.) благословенную голову» [Амин-и Бухари, Мир Мухаммед, 1957, с.21]. Как отмечали М.С. Андреев и О.Д. Чехович, в тодже хан мог показываться еще в ряде случаев: отправляясь на намаз при наступлении двух больших праздников — Курбана и Рамазана, а также при первом вступлении в звание эмира в город Шахрисябз, очень почитаемый как «ханский город» [Андреев, Чехович, 1972, с.45]. Отрывочные данные о ритуале смены верховной власти показывают, что не все правители по тем или иным причинам надевали тодж. Считают, что этого не делал Шах-Мурад, ссылаясь на то, что его предки были простые узбеки [Записки Мирзы-Шемса-Бухари, 1861, с.53]. Ничего не говорится о тодже в имеющемся ритуале эмира Музаффара, записанном со слов секретаря самаркандского правителя [В.В., 1907]. По сообщениям А. Борнса, Абдулахад иногда его надевал [Борнс, 1849,

с.416]. О. Олуфсен, побывав в Бухаре в 1896—1899 гг., указывал, что раньше эмиры, подобно персидскому шаху, надевали венец [Olufsen, 1911, с.578]. Вероятно, изменения при последних мангытах были связаны и с протекторатом России над Бухарой, где высшая власть уже принадлежала российскому императору.*

Интересно, что в Самарканде, а возможно и в Бухаре, в чалму жениха втыкался тодж ювелирной работы из позолоченного серебра, украшенный цветными стеклами, камнями и несколькими окрашенными в яркие цвета петушиными перышками [Сухарева, 1982, с.82]. По-видимому, в данном свадебном обряде венец также символизировал переход жениха в статус лидера, но не государства, а семьи, микроколлектива. Зафиксировано наличие венца у персидских правителей того же времени [Ухтомский, 1891, с.115]. Очевидно, что надевание тоджа было традицией не монгольского происхождения в структуре ритуала смены верховной власти. Таковы были основные предметные символы, задействованные в церемонии.

При двух последних бухарских правителях добавился еще один элемент ритуала. Эмир вступал в управление на правах владельца эмирата только после утверждения его в этом статусе Российским императором.

Итак, ритуал в целом и отдельные его периоды своеобразно влияли на политическую социализацию прямых и косвенных субъектов процесса — правителя, должностных лиц и населения вообще. Безусловно, в большей степени это касалось социализации будущего хана, который уже воспитывался, в том числе, и в сфере деятельности политических факторов. Без ритуала не было бы самого события перехода власти от одного хана другому, с помощью него глава ханства подтверждал легитимность своего лидерства. Как отмечает А.К. Байбурун, «без ритуала нет события, и наоборот, событие существует лишь постольку, поскольку оно воплощено в ритуале» [Байбурун, 1992, с.19]. Имея в виду прежде всего обряды жизненного цикла и социального возраста, он считает, что ритуал устраняет несоответствие между биологическим и социальным статусом человека. Данный ритуал для верховного правителя также выступает в какой-то степени как обряд жизненного цикла, подобный обрезанию или свадьбе.

* Последний бухарский эмир Алимхан не принимал в *куришихоне* (присный парадный зал), где верховного правителя возводили на трон, т.е. поднимали на белом войлоке. Он делал это только в *саламхоне* (зале приветствий). Старики объясняли это тем, что Алимхан, в отличие от своих предков, которые были полноправными владыками, был лишь вассалом русского царя и потому в *куришихоне* не принимал [Ремпель, 1981, с.81].

Только в случае ритуала отсутствует несоответствие, так как заранее не известен возраст наследника, вступающего на трон, напрямую зависящий от времени смерти его отца, а также существует угроза захвата управления другим претендентом на власть. Это был обряд в жизни наследника правителя, а не всего населения ханства. Вплоть до начала XX в. среди жителей Мавераннахра все еще сохранялось представление о сакральном характере верховной власти. Мало было просто провозгласить наследника новым правителем. Ему необходимо было пройти через ритуал смены власти, без которого он не мог стать ханом как таковым, до тех пор он не считался законным властителем и не мог иметь авторитета правителя. По ходу церемонии происходило его качественное преобразование. Ритуал служил легитимации политики и власти. Многие из чиновников теряли должности либо переподчинялись вышестоящим управляющим. Для населения особо значимыми были предбухарский и предсамаркандский периоды, в которых народ принимал непосредственное участие.

Обряд поднятия хана на белом войлоке существовал также в Хиве и Коканде, только представлял собой упрощенную форму бухарского варианта. В работе Н. Веселовского есть пример восшествия на престол Рахим-кула (1842—1845 гг.) в Хивинском ханстве. Вся церемония состояла в том, что «избранного мыли, одевали с ног до головы в новое платье, приводили затем в ханскую кибитку и там, посадив на белый войлок, трижды приподнимали его, провозглашая: хан! хан! хан!». Указывалось, что хан Хивы, который еще не побывал в военных действиях в новом качестве, не имел право чеканить монеты со своим именем, а также его имя не упоминалось в хугбе [Веселовский, 1877, с.329], т.е., до тех пор пока он себя не проявил, не воссоздавались символы государственной власти. Интересно, что иногда один и тот же правитель несколько раз участвовал в подобном ритуале. Эти сведения относятся к Кокандскому ханству [Кун, 1876, с.68]. Следовательно, поднятие на кошке еще не означало права на пожизненное правление, а символизировало лишь приобретение доверия окружающих. Повторный ритуал подтверждал признание лидерства. День восшествия на престол занимал место в длинном ряду праздников, ежегодно отмечавшихся населением.

Очевидно, что отсутствовал подобный ритуал смены власти беков и амлокдоров. Ведь это были назначаемые главы политических институтов, постоянно сменявшие друг друга. За своеобразную церемонию, сравнимую с ритуалом, можно принять торжество, которое всегда устраивалось по случаю вступления в должность. Скорее всего, по внешней форме оно напоминало обычный праздник, но с иным внутренним содержанием и составом приглашенных.

Выборы аксакала, вероятно, также сопровождалась какой-то небольшой постоянной церемонией. Имеются сведения о цыганах Средней Азии, у которых существовал обычай при избрании ими аксакала поднимать его на белом войлоке (аналогично поднятию на кошке ханов), после чего его избрание считалось свершившимся [Андреев, 1924, с.126]. Таким образом, и на уровне местного управления происходило социальное закрепление выборности, оформление авторитета, т.е. совершалось как раз своеобразное устранение несоответствия между накопившимся авторитетом в глазах окружающего населения и социальным статусом, дающим законное право управления другими людьми. Это было закрепление перехода бездолжностного лидера в главу одного из управленческих институтов.

Итак, ритуал смены власти своеобразно влиял на политическую социализацию населения как из числа управляющих, так и управляемых. Он являлся внешним выражением влияния политических или неполитических факторов этого процесса в зависимости от уровня управления, где он имел место. В среднеазиатском регионе, по-видимому, первостепенное значение имели неполитические факторы, ведущими из которых были семья и община в целом, регулировавшие все стороны жизни человека, в том числе и процесс традиционной политической социализации.

Кроме поведенческого символа власти немаловажное значение имели и поведенческие символические знаки власти, выполняющие коммуникативную функцию. Они представляли хорошо отлаженные механизмы этикета, касавшиеся сферы управления. Значительная часть населения не просто являлась сторонним наблюдателем, как в случае с ритуалом смены власти, но и была включена непосредственно в процесс этикета. Навыки и модели поведения закладывались с раннего детства. Различия в поведении управляющих и управляемых возникло на первых этапах человеческой истории и впоследствии оформилось в строго регламентированный этикет, специфичный для того или иного общества. Внешне взаимодействие властных структур в лице их глав между собой и с управляемым ими населением находило выражение в определенных нормах поведения правителей и подчиненных, пронизывающих все элементы системы управления. Как отмечает В.В. Бочаров, «психофизиологический механизм привычки был надежным внутренним регулятором индивидуального поведения, а также служил эмоциональной предпосылкой негативной реакции членов общества на отклоняющееся поведение его членов <...> социально-иерархический этикет, в основе которого лежит запрет, является, по всей видимости, необходимым условием организации любой общественной системы» [Бочаров, 1992, с.51—53].

Не приводя полного описания этикета, отметим лишь некоторые его принципы в Бухарском эмирате XIX—начала XX в. Все нормы этикета выявляли ограничения и запреты, касавшиеся поведения управляющих. Например лица, занимавшие высокие должности, не должны были сами являться на базар и что-либо покупать [Пашино, 1898, с.176] и т.д. В своей основе отношение к должностным лицам как внутри системы управления, так и в ее связях с населением, напоминало отношение младших к старшим в обыденной повседневной жизни. Это выражалось в поведенческой демонстрации подчинения и уважения вышестоящих правителей. Отношение низших органов управления к высшим, в частности амлокдоров к бекам, было аналогичным раболепному отношению всего общества к главе эмирата. Всегда особо подчеркивалось, что эмир по значимости выше всех остальных. При любых обстоятельствах и в любом месте правитель всегда сидел на каком-либо возвышении. Подданные же сидели на небольших возвышениях разного уровня или прямо на земле, в зависимости от статуса. Всем немусульманам, живущим в эмирате, запрещалось ездить верхом в городе. После подчинения Средней Азии Россией этот запрет не стал касаться русских. Только хан имел право ездить верхом везде, другие же чиновники, в зависимости от занимаемого ими положения в управлении, слезали с лошади, не доезжая определенного расстояния до дворца верховного правителя. Перед народом эмир почти всегда представлял в виде неподвижной фигуры. Он держался на расстоянии даже от своего окружения. Рядом с ним следовал *саям-агасы*, который отдавал за эмира поклоны и кричал за него «Алейкум саям» [Записки о Бухарском ханстве, 1983, с.112], чтобы тот не кланялся перед народом. Практически единственный случай протягивания руки своим приближенным был во время сидения владыки на троне, когда проходил ритуал смены верховной власти. Как отмечал еще в своем дневнике Рюи Гонзалес де Клавихо, путешествовавший ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг., Тимур не давал целовать своей руки, так как «это было не в обычае» [Клавихо, 1881, с.252]. В основе поведения чиновников и населения с эмиром, по-видимому, лежало следующее основополагающее правило: находиться всегда лицом к правителю, но при этом не видеть его лица. Отсюда многообразие видов поведенческих манипуляций людей — падание на колени, склонение головы, закрывание лица и т.д. Поэтому входившие в приемную эмира приближались к нему чуть ли не ползком и удалялись, пятясь назад, чтобы не повернуться к правителю спиной и т.п. Поведение народа при встрече с главой эмирата описал Е. Марков, свидетель подобного эпизода в Бухаре: «При появлении эмира на улице движение толпы разом прекращается; всадники соскакивают с лошадей, арбаки со своих арб, прохожие

останавливаются как вкопанные на улице и вытягиваются рядами; при приближении владыки все эти ряды людей почтительно преклоняют перед ним свои главы, иные даже падают ниц, сознавая свое недостойнство лицезреть нечестивыми очами светлый образ эмир-эль-муменина» [Марков, 1901, с.420]. Человек любого возраста и уровня политизированности был включен в действие поведенческого символического знака власти.

Итак, можно сделать вывод, что в Бухарском эмирате мангытского периода были представлены различные виды символических знаковых систем. Они играли важную роль в жизни государства, будучи вовлеченными в политические процессы. Среди многообразия политических символов отдельное место занимали должностные символы, которые являлись внешним атрибутом должностной власти. Значительная их часть служила предметными знаками отличия представителей системы управления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем итоги проведенного в данной работе исследования традиционной политической культуры Мавераннахра на примере Бухарского эмирата XIX—начала XX в.

1. Должностная власть раскрыта как способность одного субъекта политики (должностного лица) навязывать свою волю другим субъектам (нижестоящим в должностной иерархии или бездолжностным лицам), используя различные методы и средства, ограниченные в некоторой степени рамками должностных полномочий. Должностное лидерство является частью политического.

В системе управления Бухарского эмирата выделено три основных уровня: а) макроуровень (институт верховной власти); б) мезоуровень (институт беков и амлокторов); в) микроуровень (институт аксакалов) управления. Модель управления главы политического института сходна с ниже- и вышестоящими моделями.

Существовала предопределенность поведения лидеров всех рангов и предсказуемость методов и результатов их руководства, что не позволяло должностным лидерам какого-либо уровня власти перерасти в политического лидера.

Взаимодействие властных структур между собой, с одной стороны, и с управляемым ими населением, с другой, обеспечивало функционирование Бухарского эмирата как единого государственного организма.

2. В ходе исследования выявлено, что силовые методы были характерны для всей системы управления от ее верхнего уровня до нижнего, включая и выборную администрацию на местах, т.е. для всех лидеров, наделенных должностными полномочиями. Физические наказания в Бухарском эмирате являлись одним из способов воздействия институтов управления на управляемое население. С точки зрения субъекта, объекта и общественного мнения силовые методы воспринимались всеми в качестве узаконенного традицией обоснованного и необоснованного насилия. Собственно физическим насилием у оседлого населения считались те формы панесения человеку физического ущерба, которые расценивались как незаконное необоснованное насилие. Методы управления и действия властных структур не воспринимались населением как насилие.

3. Для характеристики каждого уровня политического управления введена категория определенного показателя, или коэффициента авторитета. Он представлял собой сумму двух слагаемых: личностного коэффициента, который определялся авторитетом человека из системы

управления, и должностного коэффициента, связанного непосредственно с занимаемым местом во властной вертикали. Имел место относительный коэффициент авторитета, характеризующий весь уровень управления, и абсолютный его показатель, присущий конкретному лидеру каждой из ступеней властной лестницы. На макро- и мезоуровнях управления основу коэффициента авторитета составлял должностной коэффициент, на микроуровне — личностный. В первом случае показатель личностного слагаемого не являлся решающим фактором подчинения людей должностному лицу. По отношению к государственным образованиям Мавераннахра уместно говорить об авторитете власти на всех уровнях управления, но не о власти авторитета. Должностная власть и авторитет выступают в роли синонимов. Должностная власть — это управление на основе должностного и личностного коэффициентов авторитета.

4. Выделена одна из ведущих статических систем политической символики и должностных символов в частности. Должностные символы занимают автономное место среди многообразия властных символов и являются выразителем определенного должностного статуса в системе управления. Следует различать символы власти, знаки власти и символические знаки власти. Предлагаемое разграничение основано на функциональных различиях предметов и явлений, имеющих прямое или косвенное отношение к сфере управления.

К символам власти относились предметы и явления, особенностью которых являлось наличие у них только одной постоянной функции. Это показатель определенного количества властных полномочий лиц, задействованных в сфере управления, т.е. имеющаяся единственная функция выражалась только во властном коэффициенте.

Символические знаки власти не являлись только показателями властных полномочий. Это была лишь одна из нескольких функций подобных предметов и явлений, но при этом постоянная, т.е. они всегда характеризовались наличием властного коэффициента наряду с другими функциональными коэффициентами.

Отличительная особенность знаков власти состояла в том, что предметы или явления наряду со своей полифункциональностью не имели ни одной постоянной функции, каким бы то ни было образом связанной со сферой управления. Она могла оказаться лишь временной и возникала только при определенных обстоятельствах.

В работе предложена типология символических знаков власти. Выделены предметные, поведенческие, территориальные, вербальные, звуковые, астрологические знаки.

В числе значимых политических символов были поведенческие, которые оказывали влияние на политическую социализацию населения Бухарского эмирата. Ритуал смены верховной власти представлял собой

зрелищную сторону воздействия политического фактора на процесс политической социализации.

5. Этнический фактор не являлся единственным определителем специфики традиционной политической культуры в ханствах Мавераннахра. Ведущее значение в регионе, где сосуществовали оседлый и кочевой образы жизни, приобрела хозяйственно-культурная ориентация населения.

Комплексное исследование должностной власти и традиционного управления в Бухарском эмирате XIX—начала XX в. закладывает необходимую основу для дальнейшего изучения специфики традиционной политической культуры Мавераннахра.

SUMMARY

Oksana Solovyova. Power's traits of Splendid Bukhara. The book is dedicated to the traditional political culture of the Emirate of Bukhara (XIX—beginning of XX century). It contains also the data of the Khanates of Khiva and Kokand. After the break-up of the USSR, the Central Asian republics became independent states. To understand contemporary political processes in these states one should be aware of the traditional political culture of Central Asia. Studying traditional power allows one to become better aware of the foundations of the Soviet and post-Soviet era policy. Tradition has to a certain extent influenced the development of the statehood in these countries.

The Introduction explains the reasons for the choice of the subject, outlines the problem area, and surveys past and present studies of the Emirate of Bukhara. It contains detailed analysis of various sources of this study.

The first chapter of the book is focused on the analysis of the government structure in Central Asia. Each historical period of Central Asia put distinctive features in the political culture. Undoubtedly the adoption of Islam is reflected in the political culture. In the XIX and XX century (before the USSR) there were three levels of government hierarchy: (a) centralized power, (b) regional power, and (c) local government. Although supreme political and spiritual authority was vested in the head of the state, the emir, administrative and religious aspects were governed separately. Settlers and nomads co-existed for centuries as distinctly different cultures. Although Islam had been the state religion of the area, people's everyday life was governed by the Moslem law (shariat) along with ordinary law (adat). The chapter also deals with the communications of the leaders of three levels of government hierarchy and interactions of power institutes.

Various methods of government are the subject of **the second chapter**. Any society resorts both to peace and to violent ways of settlement of the conflicts and use of these ways is not identical. An analysis of the ethnographic data of the Emirate of Bukhara demonstrates that «authority», «force» and «violence» are closely interconnected categories. The way of coercion was one of the widespread power methods of government. The authorities frequently used of force to achieve their aims and it wasn't considered in a society as the act of violence from their party. This administrative model of government was usual for people. The right of the officials on use of force was proved through notion of a divine nature of an origin of authority and notion of it as of force. Some types of occurrence and resolution of conflicts are considered: (a) between the officials of three levels of government, (b) between the authorities (centralized, regional and local) and population, (c) among the population (not having of posts). There are given the detailed descriptions of the reasons and procedures of the conflicts, the analysis of various punishments.

The authority of position played an important role in the Emirate of Bukhara's policy. It was the part of administrative model of government. The authority of position's coefficient is used to describe three levels of government hierarchy. It is obvious that the reputation of the official, both personal and professional, determined his authority. Special attention is paid to an analysis of the changes of the reputation of the officials.

The third chapter is focused on the traditional political symbols. These symbols are divided into three groups according to their functions: (a) symbols of power, (b) symbolic signs of power and (c) signs of power. Each group of symbols is examined. It's obvious that many attributes of material culture were the signs of prestige and authority in government system. The ritual of emir's inauguration is also the subject of this chapter. Its structure is divided into four main periods (until Bukhara period, Bukhara, until Samarkand and Samarkand period). The chapter gives a description of the attributes of the emir's rulership connected with this ceremony. The ritual played an important role in the policy of Bukhara. Political and nonpolitical factors affected the political socialization of the people. The ritual was the outward sign of this process and its importance depended on the levels of government hierarchy.

The Conclusion recapitulates the study's major findings.

The book is richly illustrated and contains photos and pictures (XIX—beginning of XX century) from the collections of Peter the Great Museum of anthropology and ethnography (Kunstkamera) Russian Academy of Sciences.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдураимов М.* Пережитки сельской общины в узбекском кишлаке Хумсан (XIX—начало XX в.) // СЭ. 1959. № 4. С.43—54.
2. *Абд-ур-Рауф.* Рассказы индийского путешественника (Бухара, как она есть) / Пер. с перс. А.Н. Кондратьева. Самарканд, 1913.
3. *Абрамов К.А.* Записка о Каратегинском владении, составленная по вопросам // ИРГО. 1870. Т. VI. С.106—110.
4. *Агаджанян А.С.* Государство и традиционная политическая культура Бирмы // Государство в докапиталистических обществах Азии. М., 1987.
5. *Айни С.* Из прошлого. Ташкент, 1935.
6. *Айни С.* Бухара. Воспоминания. Сталинабад, 1954.
7. *Айни С.* Воспоминания. М.:Л., 1960.
8. *Айни С.* Бухара (Воспоминания). Душанбе, 1980. Кн.1, ч.1, 2.
9. *Айни С.* Бухара (Воспоминания). Душанбе, 1981. Кн.2, ч.3, 4.
10. *Амин-и Бухари, Мир Мухаммед.* Убайдулла-наме / Пер. с тадж. А.А. Семенова. Ташкент, 1957.
11. *Аминов Г.А.* Краткие исторические сведения о прежних отношениях Бухары к Шахрисябзу // МСТК. 1873. Вып. II.
12. *Анденес И.* Наказание и предупреждение преступлений. М., 1979.
13. *Андреев М.С.* Некоторые результаты этнографической экспедиции в Самаркандскую область в 1921 г. // ИТОРГО. 1924. Т.17.
14. *Андреев М.С.* По этнографии таджиков. (Некоторые сведения) // Таджикистан. Ташкент, 1925. С.151—177.
15. *Андреев М.С.* Поездка летом 1928 г. в Косанский район (север Ферганы) // Известия общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами. Ташкент, 1929. Т.1.
16. *Андреев М.С., Чехович О.Д.* Арк (Кремль) Бухары в конце XIX—начале XX вв. Душанбе, 1972.
17. *Арандаренко Г.* Значение власти аксакалов в отдельных кишлаках // ТВ. 1874. № 25.
18. *Арандаренко Г.А.* Досуги в Туркестане (1874—1889 г.). СПб., 1889.
19. *Аристотель.* Политика // Аристотель. Соч. М., 1983. Т.4.
20. *Архангельский С.Ф., Шигель М.Л.* Китабская волость, Кашка-Дарьинская область УзССР // Современный кишлак Средней Азии: (Социально-экономический очерк). Ташкент, 1926. Вып.3.
21. *Афанасьев В.Г.* Человек в управлении обществом. М., 1977.
22. *Ахмедов Б.А.* Государство кочевых узбеков. М., 1965.
23. *Ашин Г.К.* Лидерство: социально-политические и психологические аспекты // Политика: проблемы теории и практики. М., 1990. Вып. VII, ч. II. С.176—216.
24. *Ашрафян К.З.* К вопросу о восточном деспотизме // Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти. М., 1993. С.115—142.
25. *Байбурун А.К.* Ритуал: между биологическим и социальным // Фольклор и этнографическая действительность. СПб., 1992. С.18—28.
26. *Байбурун А.К., Топорков А.Л.* У истоков этикета. Л., 1990.
27. *Баласагунский Юсуф.* Благодатное знание / Под ред. С.Н. Иванова. М., 1983.
28. *Бартольд В.В.* Церемониал при дворе узбекских ханов в XVII веке // ЗИРГО по отд. этн. 1909. Т. XXXIV.
29. *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. II, ч.1. М., 1963.
30. *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. II, ч.2. М., 1964.
31. *Басилов В.Н.* Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. М., 1992.
32. *Басин Е.Я., Краснов В.М.* Социальный символизм // ВФ. 1971. № 10. С.164—172.
33. *Баталов Э.Я.* Политическая культура: понятие и феномен // Политика: проблемы теории и практики. М., 1990. Вып. VII, ч. II. С.101—144.
34. *Бейсембиев Т.К.* Ферганские номады в Кокандском ханстве и их историографы // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989.
35. *Бекер Дирк.* Понятие системного насилия // Проблемы теоретической социологии. СПб., 1994. С.55—86.
36. *Бекчурин М.С.* Заметки статского советника Бекчурина. Туркестанская область. Казань, 1872.
37. *Бекчурин М.С.* Шахрисябзское владение (по рассказам Джура-бека и Баба-бека) // МСТК. 1873. Вып. II.
38. *Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г.* Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
39. *Белков П.Л.* Социальная стратификация и средства управления в доклассовом и предклассовом обществе // Ранние формы социальной стратификации: генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции. М., 1993. С.71—97.
40. *Бехтерев В.М.* Коллективная рефлексология. Пг., 1921.
41. *Биндинг Карл.* О происхождении публичного наказания в германо-немецком праве // Новые идеи в правоведении. Сб.3. СПб., 1914.
42. *Блондель Жан.* Политическое лидерство: путь к всеобъемлющему анализу. М., 1992.
43. *Богданов М.* Материалы для описания бухарской экспедиции 1868 г. // МСТК. 1873. Вып. II.
44. *Богоутдинов А.М.* Общественно-философская мысль народов Средней Азии. Очерки по истории таджикской философии. Сталинабад, 1961.
45. *Богоявленский Н.* В верховьях р. Аму-Дарья. (Долина р. Хингоу и Ванджа). М., 1901.
46. *Борнс А.* Путешествие в Бухару. М., 1848. Т.1—3.
47. *Ботяков Ю.М.* К вопросу о традиционной политической культуре в Туркмении // КСДСКЧ. 1992 г. СПб., 1993. С.22—23.
48. *Ботяков Ю.М.* Некоторые аспекты традиционной политической культуры туркмен (XIX—XX вв.) // Этнические аспекты власти. СПб., 1995. С.189—210.
49. *Бочаров В.В.* Некоторые итоги работы научно-теоретического семинара «Этнические аспекты власти в современном мире» // СЭ. 1989а. № 3.

50. *Бочаров В.В.* Этнография и изучение политических традиций общества // СЭ. 19896. № 3.
51. *Бочаров В.В.* Власть. Традиции. Управление. (Попытка этноисторического анализа политических культур современных государств Тропической Африки). М., 1992.
52. *Бочаров В.В.* Власть и символ // Символы и атрибуты власти: генезис, семантика, функции. СПб., 1996а. С.15—37.
53. *Бочаров В.В.* Некоторые итоги работы научно-теоретического семинара «Этнические аспекты власти. Антропология насилия» // Кунсткамера. Этнографические тетради. СПб., 1996б. Вып.10. С.391—394.
54. *Брынских С.* Махалля. Заметки писателя. Ташкент, 1988.
55. *Бутаков А.* Несколько страниц из истории Хивы // ТВ. 1871. № 28.
56. *Бухара.* Описание города и ханства военного инженера, Подполковника Пославского // СГТСМА. 1891. Вып.XLVII. С.1—102.
57. *В.В.* О восшествии на бухарский престол эмира Музаффера и об обряде поднятия на кошке // ТВ. 1907. № 159.
58. *Вальская Б.А.* Путешествия Егора Петровича Ковалевского. М., 1956.
59. *Вамбери А.* Путешествие по Средней Азии из Тегерана через туркменскую пустыню по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, предпринятое в 1865 г. М., 1867.
60. *Вамбери А.* Очерки Средней Азии (дополнение к Путешествию по Средней Азии). М., 1868.
61. *Вамбери А.* История Бухары или Трансоксании. СПб., 1873.
62. *Вамбери Г.* Очерки жизни и нравов Востока. СПб., 1877.
63. *Варьгин М.А.* Опыт описания Кулябского бекства // ИРГО. 1916. Т.LII. Вып.X.
64. *Васильев Л.С.* Курс лекций по средневековому Востоку (Ближний, Средний, Дальний Восток, Юго-Восточная Азия). М., 1988.
65. *Вебер М.* Политика как призвание и профессия // Избр. произвед. М., 1990.
66. *Веселовский Н.* Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПб., 1877.
67. *Веселовский Н.* Русские невольники в среднеазиатских ханствах // ТВ. 1879. № 34, 35.
68. *Вести* от русских из Бухары // Вестник Европы. 1821. № 8.
69. *Власть.* Очерки современной политической философии Запада. М., 1989.
70. *Военная* реконструкция равнинной части Бухарского ханства, произведенная в 1883 г. Г.Ш. Капитаном Архиновым // СГТСМА. 1884. Вып.X. С.171—240.
71. *Гаврилов М.Ф.* Материалы к этнографии «тюрок» Ура-Тюбинского района // ТСАГУ. Сер.II. 1929. Вып.II.
72. *Гаврилов М.Ф.* Остатки ясы и юсуна у узбеков. Ташкент, 1929.
73. *Галкин А.* Краткий очерк Бухарского ханства // Военный сборник. 1890. № 11.
74. *Галкин М.Н.* Этнографические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб., 1867.

75. *Гафуров Б.Г.* Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972.
76. *Гейер И.И.* Путеводитель по Туркестану. Ташкент, 1901.
77. *Гейнс А.К.* Собрание литературных трудов. СПб., 1898. Т.2.
78. *Гиссарское* и Кабадианское бекства 1889 г. Ген. Шт. Кап. Лилиенталь // СГТСМА. 1894. Вып.LVII. С.285—320.
79. *Глуховский А.И.* Плен в Бухаре // Русский инвалид. 1868. № 97—100.
80. *Гражданские* движения в Таджикистане. М., 1990.
81. *Гребенкин А.Д.* Таджики // Русский Туркестан. М., 1872. Вып.II.
82. *Гребенкин А.Д.* Узбеки // Русский Туркестан. М., 1872. Вып.II.
83. *Гребенкин А.Д.* Этнографический очерк Зеравшанского округа // ТВ. 1872. № 45.
84. *Гребенкин А.Д.* Родословная мангитской династии // МСТК. 1874. Вып.III.
85. *Григорьев В.* Описание Хивинского ханства и дороги туда из Сарайчиковской крепости // ЗИРГО. 1861. Кн.2.
86. *Грулев М.* Соперничество России и Англии в Средней Азии. СПб., 1909.
87. *Губаревич-Радобильский А.* Экономический очерк Бухары и Туниса. СПб., 1905.
88. *Гуругли.* Таджикский народный эпос. М., 1987.
89. *Даниелянц Р.И.* Вокентская волость. Зеравшанская область УзССР // Современный кишлак Средней Азии. Ташкент, 1926. Вып.IV.
90. *Дарвоз* (Реконструкция Ген. Шт. Капитана Кузнецова в 1892 г.). Новый Маргелан, 1893.
91. *Денисов В.В.* Социология насилия. М., 1975.
92. *Джаббаров И.М.* Ремесло узбеков Южного Хорезма в конце XIX—начале XX в. // ТИЭ. Нов. сер. Т.XCVII. Л., 1971.
93. *Дмитриев А.В.* Конфликт интересов // Проблемы теоретической социологии. СПб., 1994. С.184—196.
94. *Дмитриев-Кавказский Л.Е.* По Средней Азии. (Записки художника с 199 рис. автора). СПб., 1894.
95. *Дониш Ахмад.* Путешествие из Бухары в Петербург (Избранное). Сталинабад, 1960.
96. *Дониш Ахмад.* Трактат «История мангитской династии». Душанбе, 1967.
97. *Дополнительные* сведения о пути в Среднюю Азию от залива Цесаревича по Усть-Урту и Аму-Дарье. 1885 г. Полковника Белявского // СГТСМА. 1887. Вып.XXV. С.108—212.
98. *Достоевский Милий.* Старина и быт Средней Азии. М., 1917.
99. *Дружинин Н.М.* В страну туркмен и узбеков. Л., 1927.
100. *Духовская В.* Туркестанские воспоминания. СПб., 1913.
101. *Ереценко В.* Путешествие по Старой Бухаре // ТВ. 1911. № 259.
102. *Ершов Н.Н., Кисляков Н.А. и др.* Культура и быт таджикского колхозного крестьянства // ТИЭ. Нов. сер. М., Л., 1954. Т.XXIV.

103. Жуковский С.В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трёхсотлетие. Пг., 1915.
104. Задыхина К.Л. Пережитки возрастных классов у народов Средней Азии // ТИЭ. Нов. сер. Т. XIV. М., 1951. С. 157—179.
105. Записки Мирзы-Шемса-Бухари о некоторых событиях в Бухаре, Коканде и Кашгаре. Казань, 1861.
106. Записки Николая Николаевича Муравьева-Карского. Путешествие в Хиву. СПб., 1819.
107. Записки о Бухарском ханстве. М., 1983.
108. Записки о некоторых народах и землях Средней части Азии Филиппа Назарова, Сибирского корпуса переводчика, посланного в Кокант в 1813 и 1814 годах. СПб., 1821.
109. Здравомыслов А.Г. Проблема власти в современной социологии // Проблемы теоретической социологии. СПб., 1994. С. 197—218.
110. Зубов А.Б. Парламентская демократия и политическая традиция Востока. М., 1990.
111. Иванин М.И. Хива и река Аму-Дарья. СПб., 1873.
112. Иванов П.П. Архив хивинских ханов XIX в. Л., 1940.
113. Игнатьев Н. Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. СПб., 1897.
114. Ильютко Ф. Басмачество в Локае. М.:Л., 1929.
115. Инфантьев П. В плену у хивинцев. М., 1916.
116. Искандаров Б.И. История Бухарского эмирата. М., 1958.
117. Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России. М., 1960.
118. Ислам в современной политике стран Востока. М., 1986.
119. Ислам: религия, общество, государство. М., 1984.
120. Йомудский Н.Н. Присяга у закаспийских туркмен // ЗИРГО. 1909. Т. XXXIV.
121. Кармышева Б.Х. О мусульманском духовенстве в сельских районах Бухарского ханства в конце XIX—начале XX века // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М., 1985. С. 92—103.
122. Кейзеров Н.М. Власть и авторитет. Критика буржуазных теорий. М., 1973.
123. Керимов Г.М. Шариат и его социальная сущность. М., 1978.
124. Килевейн Е.Я. Отрывок из путешествия в Хиву и некоторые подробности о ханстве во время правления Сеид-Мохаммед-хана в 1856—1860 гг. // ЗИРГО. 1861. Т. 1.
125. Кисляков Н.А. Патриархально-феодалные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства (в конце XIX—начале XX в.). М.:Л., 1962.
126. Кисляков Н.А. Некоторые иранские поверья и праздники в описаниях западноевропейских путешественников XVII в. // Мифология и верования народов Восточной и Южной Азии. М., 1973.
127. Клавиго Рио Гонзалес, де. Жизнь и деятельность великого Тамерлана. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканде в 1403—1406 гг. // Сб. Отделения рус. яз. и словесности АИ. СПб., 1881. Т. 18, № 1.

128. Ковалевский Е.П. Странствование по суше и морям // Собр. соч. СПб., 1871. Т. III.
129. Колпаков А.П. Некоторые сведения о кварталах дореволюционного г. Куляба // Изв. отделения общественных наук АН ТаджССР. Вып. 5. Сталинабад, 1954. С. 73—82.
130. Конопка С.Р. Туркестанский край. Ташкент, 1912.
131. Коран / Пер. и коммент. И.Ю. Крачковского. М., 1986.
132. Костенко Л. Город Бухара в 1870 году // Военный сборник. 1870а. № 12. С. 411—425.
133. Костенко Л. Описание путешествия русской миссии в Бухару в 1870 году // Военный сборник. 1870б. № 12. С. 381—410.
134. Костенко Л. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб., 1870в.
135. Костенко Л.Ф. Путешествие в Бухару русской миссии в 1870 г. СПб., 1871.
136. Костенко Л.Ф. Туркестанский край. (Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа). СПб., 1880. Т. I—III.
137. Крадин Н.Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток, 1992.
138. Крадин Н.Н. Структура власти в государственных образованиях кочевников // Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти. М., 1993. С. 192—210.
139. Крамник В.В. Социально-политический механизм политической власти. Л., 1991.
140. Краткие статистические сведения о племенах эрсари, обитающих левый берег Аму-Дарьи от пограничного с Афганистаном селения Боссаги до Чарджуя 1886 г. Г.Ш. Капитана Комарова // СГТСМА. 1887. Вып. XXV. С. 278—297.
141. Краткий военно-статистический очерк района полевой поездки офицеров Ген. Штаба Туркестанского военного округа в 1889 году в Бухарском ханстве и в южной части Самаркандской области. Ген. Шт. Полк. Галкин // СГТСМА. 1894. Вып. LVII. С. 1—42.
142. Краткий обзор современного состояния и деятельности мусульманского духовенства, разного рода духовных учреждений и учебных заведений туземного населения Самаркандской области с некоторыми указаниями на их историческое прошлое // Сборник материалов по мусульманству. СПб., 1899. С. 3—47.
143. Краткий очерк Аму-Дарьинской области, составленный персидским принцем Риза-Кули-Мирзой. СПб., 1875.
144. Краткий очерк Бухары 1887 г. Ген. Штаба Полковника Матвеева // СГТСМА. 1888. Вып. XXXVI. С. 1—8.
145. Крестовский В.В. В гостях у эмира бухарского. СПб., 1887.
146. Куббель Л.Е. Власть // Свод этнографических понятий и терминов: Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986а. С. 31—34.
147. Куббель Л.Е. Престиж // Свод этнографических понятий и терминов: Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986б. С. 153—155.

148. *Куббель Л.Е.* Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988.
149. *Кузнецова С.И.* Этносоциальные проблемы государств Центральной Азии (обзор зарубежной литературы) // Россия и окружающий мир: контуры развития. Вторые Павловские чтения 1995 г. М., 1996. С.215—266.
150. *Кун А.Л.* Заметки о Хивинском ханстве // ТВ. 1873. № 40.
151. *Кун А.Л.* Очерки Кокандского ханства // ИРГО. 1876. Т.12. Вып.1. С.59—70.
152. *Кун А.Л.* Очерки Шегрисябского бекства. СПб., 1880.
153. *Кухистан* с северной частью Гиссарского бекства 1887 г. Генер. Штаба Капитана Лилиенталя // СГТСМА. 1888. Вып. XXXVI. С.9—83.
154. *Латыпов Н.Л.* К вопросу о социальных отношениях в Дарвазском бекстве накануне установления Советской власти // Ученые записки Кулябского гос. пед. института. Вып. III. Куляб, 1957.
155. *Ледява О.М.* Понятие власти // Власть многолика. М., 1992.
156. *Липский В.И.* Горная Бухара. Результаты трехлетних путешествий в Среднюю Азию. СПб., 1902. Ч.1,2; 1905. Ч.3.
157. *Лобачева Н.П.* Социальные институты древности в жизни современной семьи народов Средней Азии // Семья, традиции и современность. М., 1990.
158. *Логофет Д.Н.* Кулябское бекство и его население // ТВ. 1905. № 111.
159. *Логофет Д.Н.* Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние. СПб., 1909.
160. *Логофет Д.Н.* Бухарское ханство под русским протекторатом. СПб., 1911. Т.1, 2.
161. *Логофет Д.Н.* В забытой стране. Путевые очерки по Средней Азии (Очерки Бухары). СПб., 1912.
162. *Логофет Д.Н.* В горах и на равнинах Бухары (Очерки Средней Азии). СПб., 1913.
163. *Лыкошин Н.С.* Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения. Пг., 1916.
164. *Люблинский П.И.* О действии наказания // Новые идеи в правоведении. Сб.1. СПб., 1914.
165. *Люшкевич Ф.Д.* Особенности этнической истории и этнографических черт культуры таджикского населения Бухарского оазиса. Дисс. к.и.н. Л., 1976.
166. [Маев] *Н.М.* Две недели в Шахрисябзе // ТВ. 1875. № 1—3.
167. *Маев Н.* Джизак и Самарканд // МСТК. 1873. Вып. II.
168. *Маев Н.А.* Очерки Бухарского ханства. Ташкент, 1875.
169. *Маев Н.* Очерки Гиссарского края // ТВ. 1876. № 2—7, 10—14, 17.
170. *Макаренко В.П.* Вера, власть и бюрократия. Критика социологии М. Вебера. Ростов-на-Дону, 1988.
171. *Макаренко Е.В., Сушков В.И.* Политология: Альбом схем. М., 1998.
172. *Макшеев А.М.* Исторический обзор Туркестана и наступательного движения на него русских. СПб., 1890.
173. *Маллицкий Н.Г.* Ташкентские махалля и мауза // Сб. В.В. Бартольду. Ташкент, 1927. С.108—121.

174. *Марков Е.* Россия в Средней Азии. Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самарканду, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге. СПб., 1901.
175. *Масальский В.И.* Туркестанский край // Россия. Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1913. С.273—862.
176. *Мезурнова Т.И.* Народный музыкальный инструмент карнай // История и этнография народов Средней Азии. Душанбе, 1981. С.54—64.
177. *Мейендорф Е.К.* Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975.
178. *Миддендорф А.* Очерки Ферганской долины. СПб., 1882.
179. *Миловский Г.В.* Интеграционные процессы в мусульманском мире (очерки исламской цивилизации). М., 1991.
180. *Минаев И.* Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи. СПб., 1879.
181. *Мирзаев К.М.* Амляковая форма феодальной земельной собственности в Бухарском ханстве. Ташкент, 1984.
182. *Мирхасилов С.М.* Из истории общественного быта узбеков // СЭ. 1963. № 5. С.116—121.
183. *Мифологический словарь* / Под. ред. Е.М. Мелетинского. М., 1992.
184. *Мозер Генрих.* В странах Средней Азии (Путевые впечатления Г. Мозера 1882—1883 гг.). СПб., 1888.
185. *Моногарова Л.Ф.* Положение женщин в семье и обществе у таджиков и памирских народов // Женщина и свобода. Пути выбора в мире традиций и перемен. Материалы международной конференции 1993 г. М., 1994.
186. *Муравьев Н.Н.* Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819—1820 гг. гвардии генерального штаба капитана Н. Муравьева, посланного в сии страны для переговоров. М., 1829.
187. *Мухетдинов А.* По Восточной Бухаре // Народное хозяйство Средней Азии. 1924. № 2—3.
188. *Мухтаров А.* Очерк истории Ура-Тюбинского владения в XIX в. Душанбе, 1964.
189. *Мушкетов И.В.* Туркестан (геологическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествий с 1874 по 1880 г.). СПб., 1886. Т.1.
190. *Наливкин В.* Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886.
191. *Наливкин В.* Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913.
192. *Наливкин В., Наливкина М.* Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886.
193. *Наршахи М.* История Бухары. Ташкент, 1897.
194. *Насилие, агрессия, жестокость.* М., 1990.
195. *Неменова Р.Л.* О селениях Дарваза // Изв. отд. общ. наук АН ТаджССР. Сталинабад, 1956. Вып.10—11. С.33—44.
196. *Нечаев А.В.* По горной Бухаре. Путевые очерки. СПб., 1914.
197. *Никольский М.Э.* Благородная Бухара (Страничка из скитаний по Востоку). СПб., 1903.
198. *Носович С.А.* Русское посольство в Бухару в 1870 г. // Русская старина. 1898. № 8—9.

199. Нурджанов Н.Х. О народных театрализованных представлениях у таджиков Кулябской области // Докл. АН ТаджССР. Сталинабад, 1952. Вып.3. С.39—43.
200. Нурекин А. Очерк истории Коканда // ТВ. 1872. № 35.
201. Обручев В.А. По горам и пустыням Средней Азии. М.:Л., 1948.
202. Опенгеймер Г. Историческое исследование о происхождении наказания // Новые идеи в праве. Сб.3. СПб., 1914.
203. Остроумов Н.П. Сарты. Этнографические материалы. Ташкент, 1896.
204. Очерк долины Аму-Дарьи. Распросы Капитана 3-го Западно-Сибирского линейного батальона Быкова. Ташкент, 1880.
205. Очерк долины Зеравшана. Распросы Капитана 3-го Западно-Сибирского линейного батальона Быкова. Ташкент, 1880.
206. Очерки торговли России со странами Средней Азии, Хивой, Бухарой и Коканом (со стороны Оренбургской линии) Павла Небольсина. СПб., 1856.
207. Ошанин В. Каратегин и Дарваз. СПб., 1881.
208. Павленко Ю.В. Человек и власть на Востоке // Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти. М., 1993. С.26—61.
209. Пашино П.И. Туркестанский край в 1866 г. Путевые заметки. СПб., 1898.
210. Петровский Н. Моя поездка в Бухару // Вестник Европы. 1873. Т.П.
211. Пещерева Е.М. Бухарские золотошвей // Сб. МАЭ. Т.ХVI. М.:Л., 1955.
212. Пещерева Е.М. Цех гончаров у народов Средней Азии в конце XIX—начале XX в. // КСИЭ. Вып. XXV (XXVI). М., 1957. С.37—39.
213. Пещерева Е.М. О ремесленных организациях Средней Азии в конце XIX—начале XX в. // КСИЭ. Т. XXXIII. М., 1960. С.39—46.
214. Пещерева Е.М. Некоторые этнографические данные об агалыках в Каршинском и Шахрисябзском бекствах Бухарского эмирата в конце XIX—начале XX в. // История и этнография народов Средней Азии. Душанбе, 1981. С.5—13.
215. Пиотровский М.Б. Исторические судьбы мусульманского представления о власти // Социально-политические представления в исламе. М., 1987.
216. Поездка по бухарским и афганским владениям Г.Ш. Полковника Матвеева // СГТСМА. 1883. Вып. V.
217. Покотило А.Н. Путешествие в Центральную Бухару в 1886 г. // ИРГО. 1889. Т. XXV. Вып. 6.
218. Политические системы современности. М., 1978.
219. Политология: Энциклопедический словарь / Общ. ред. и сост.: Ю.И. Аверьянов. М., 1993.
220. Поляков С.П. Традиционализм в современном среднеазиатском обществе. М., 1989.
221. Попов В.А. Этносоциальная история аканов в XVI—XIX вв. Проблема генезиса и стадийно-формационного развития этнополитических организмов. М., 1990.
222. Попов В.А. Символы власти и власть символов // Символы и атрибуты

- власти: генезис, семантика, функции. СПб., 1996. С.9—14.
223. Потестарность: генезис и эволюция / Отв. ред. В.А. Попов. СПб., 1997.
224. Публикация отрывка из «Путешествия Мир Иззатулла в Среднюю Азию в 1812—1813 гг.» // ТСАГУ. 1957. Вып. XС.
225. Пугаченкова Г., Ремпель Л. Бухара (Узбекистан). М., 1949.
226. Путеводитель по Туркестану и Среднеазиатской железной дороге с историческим очерком сооружения и эксплуатации Закаспийской военной железной дороги и очерком сооружения Оренбург-Ташкентской железной дороги / Под ред. А.И. Дмитриева-Мамонова. СПб., 1903.
227. Путевые заметки классного топографа тит. сов. Петрова 1884 г. // СГТСМА. 1886. Вып. XXI. С.53—102.
228. Пуцькович Ф.Ф. Хивинцы и бухарцы. СПб., 1900.
229. Радлов В. Средняя Зеравшанская долина // ЗИРГО по отд. этнографии. 1880. Т.6.
230. Ранние формы социальной стратификации: генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции / Отв. ред. В.А. Попов. М., 1993.
231. Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности / Отв. ред. В.А. Попов. М., 1995.
232. Рассудова Р.Я. Следы общинно-военной организации у узбеков // СЭ. 1968. № 5. С.111—116.
233. Рассудова Р.Я. Общественные организации и сельское управление (по материалам северного Узбекистана) // КСДСКЧ. Апрель, 1986 г. Л., 1987. С.10—12.
234. Растяльников В.Г. Узбекистан. Экономический рост в агросфере: аномалии XX века. М., 1996.
235. Ратинов А.Р., Ситковская О.Д. Насилие, агрессия, жестокость как объекты криминально-психологического исследования // Насилие, агрессия, жестокость. М., 1990.
236. Рахимов Р.Р. «Мужские дома» в традиционной культуре таджиков. Л., 1990.
237. Рахимов Р.Р. К концепции власти и управления у таджиков // КСДСКЧ. 1992 г. СПб., 1993. С.20—21.
238. Рахимов Р.Р. Концепция лидерства в культуре таджиков. Традиция и современность // Этнические аспекты власти. СПб., 1995. С.138—188.
239. Рекогносцировка пути через Джамский перевал на Гузар и на Карши 1887 г. Ген. Штаба Полковника Евреинова // СГТСМА. 1888. Вып. XXXVI. С.112—147.
240. Ремпель Л.И. Бухарские записи. Далекое и близкое: страницы жизни, быта, строительного дела, ремесла и искусства Старой Бухары. Ташкент, 1981.
241. Рзаев А.К. Туси. Таишулов Д. Дониш. М., 1990.
242. Рожевиц Р.Ю. Поездка в Южную и Среднюю Бухару в 1906 г. // ИРГО. 1908. Т. XLIV. Вып. 9.
243. Русско-таджикский словарь / Под ред. М.С. Асимова. М., 1985.
244. Русско-узбекский словарь / Под ред. С.Ф. Акибирова, Н.М. Маматова

- и др. Ташкент, 1983. Т.1, 2.
245. *Савельев П.С.* Бухара в 1835 г. СПб., 1836.
246. *Саидбаев Т.С.* Ислам и общество (опыт историко-социологического исследования). М., 1984.
247. *Сборник сведений о Средней Азии и русском Туркестане.* Статьи неофициальной части «Туркестанских ведомостей» 1885 г. Ташкент, 1885.
248. *Семенов А.* На рубеже Афганистана. В благодатном Хиссаре (Путевые очерки). М., 1900.
249. *Семенов А.А.* По границам Бухары и Афганистана (Путевые очерки) // Исторический вестник. 1902. Т.87, 88.
250. *Семенов А.А.* Этнографические очерки Зеравшанских гор, Каратегина и Дарваза. М., 1903.
251. *Семенов А.А.* Средняя Азия. М., 1911.
252. *Семенов А.А.* К истории бухарских мангытов // Бюлл. САГУ. 1924. № 4. С.162—164.
253. *Семенов А.А.* Очерк поземельно-податного и налогового устройства бывшего Бухарского ханства // ТСАГУ. Сер. II. 1929. Вып. I.
254. *Семенов А.А.* Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях их носителей в средневековой Бухаре // СВ. 1948. № 5. С.137—153.
255. *Семенов А.А.* О среднеазиатском (Бухарском) термине «агалык» // Докл. АН ТаджССР. Вып.3. Сталинабад, 1952. С.3—6.
256. *Семенов А.А.* Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени // ТИИАЭ АН ТаджССР (Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии). Сталинабад, 1954. Т. XXV. Вып. II.
257. *Сиасет-намэ.* Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-Мулька / Пер. Б.Н. Заходера. М.; Л., 1949.
258. *Символы и атрибуты власти: генезис, семантика, функции* / Отв. ред. В.А. Попов. СПб., 1996.
259. *Скрынникова Т.Д.* Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М., 1997.
260. *Снесарев А.Е.* Восточная Бухара. Военно-географический очерк. СПб., 1906.
261. *Снесарев Г.П.* Традиция мужских союзов в ее позднейшем варианте у народов Средней Азии // Полевые исследования Хорезмской экспедиции 1958—1961 гг. М., 1963. Т. II.
262. *Соболев Л.* Новейшая история Бухарского и Кокандского ханств // ТВ. 1876. № 26—28.
263. *Соловьев М.М.* Экспедиция в Бухару в 1841—1842 гг. М.; Л., 1936.
264. *Соловьева О.А.* Символы, символические знаки и знаки власти (на среднеазиатском материале) // Символы и атрибуты власти: генезис, семантика, функции. СПб., 1996. С.38—45.
265. *Спенсер Г.* Основания социологии. СПб., 1898. Т.2.
266. *Странствование* Филиппа Ефремова в Киргизской степи, Бухарии, Хиве, Персии, Тибете и Индии и возвращение его оттуда через Англию в Россию. Казань, 1811.
267. *Стремоухов Н.* Поездка в Бухару (Извлечения из дневника) // Русский вестник. 1875. Т.117. С.630—695.
268. *Сухарева О.А.* Быт жилого квартала города Бухары в конце XIX—начале XX века // КСИЭ. Т. XXVIII. М., 1958а. С.35—38.
269. *Сухарева О.А.* К истории городов Бухарского ханства (историко-этнографические очерки). Ташкент, 1958б.
270. *Сухарева О.А.* Традиционное соперничество между частями городов в Узбекистане (конец XIX—начало XX в.) // КСИЭ. Т. XXX. М., 1958в.
271. *Сухарева О.А.* Позднефеодальный город Бухара конца XIX—начала XX века. Ремесленная промышленность. Ташкент, 1962.
272. *Сухарева О.А.* О терминологии, связанной с исторической топографией городов Средней Азии (ку, махалла, гузар) // Народы Азии и Африки. 1965. № 6. С.101—104.
273. *Сухарева О.А.* Бухара XIX—начало XX в. (Позднефеодальный город и его население). М., 1966.
274. *Сухарева О.А.* Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов). М., 1976.
275. *Сухарева О.А.* Традиция сочетания городских и сельских занятий в Средней Азии конца XIX—начала XX в. // Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. М., 1979. С.203—212.
276. *Сухарева О.А.* О ткацких ремеслах в Самарканде // История и этнография народов Средней Азии. Душанбе, 1981. С.25—37.
277. *Сухарева О.А.* История среднеазиатского костюма. Самарканд (2 половина XIX—начало XX в.). М., 1982.
278. *Сухарева О.А., Бикжанова М.А.* Прошлое и настоящее селения Айкыран. Ташкент, 1955.
279. *Сюкияйнен Л.Р.* Концепция халифата и современное государственно-правовое развитие зарубежного востока // Ислам: проблемы идеологии, права, политики и экономики. М., 1985. С.139—159.
280. *Сюкияйнен Л.Р.* Мусульманское право. М., 1986.
281. *Сюкияйнен Л.Р.* Концепция мусульманской формы правления и современное государствоведение в странах арабского Востока // Социально-политические представления в исламе. М., 1987. С.45—68.
282. *Таджики* Каратегина и Дарваза. Вып.3. Душанбе, 1976.
283. *Татаринов А.С.* Семимесячный плен в Бухарии. СПб., 1867.
284. *Ташбаева Т.Х., Савуров М.Д.* Новое и традиционное в быту сельской семьи узбеков. Ташкент, 1989.
285. *Терентьев М.А.* Россия и Англия в борьбе за рынки. СПб., 1876.
286. «Технология власти» (философско-политический анализ). М., 1995.
287. *Толстов С.П.* Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948.
288. *Тоффлер О.* Смещение власти: знание, богатство и принуждение на пороге XXI века. М., 1991.
289. *Тошматов Н.Э.* Традиционная свадебная обрядность населения г. Ура-Тюбе и его сельской округи (конец XIX—первая половина XX вв.). Дисс. к.и.н. СПб., 1993.

290. *Троицкая А.Л.* Материалы по истории Кокандского ханства XIX в. М., 1969.
291. *Турсунов Н.* Ходжент и его население (конец XIX—начало XX вв.) // Очерки из истории северных районов Таджикистана. Ленинабад, 1967. С.17—49.
292. *Турсунов Н.О.* Из истории городского ремесла Северного Таджикистана. Душанбе, 1974.
293. *Узбекистан: этнополитическая панорама.* Очерки. Документы. Материалы. М., 1994. Т.1; М., 1995. Т.2.
294. *Узбекско-русский словарь* / Под ред. С.Ф. Акобиров, Г.Н. Михайлова. Ташкент, 1988.
295. *Ухтомский Эспер.* От калмыцкой степи до Бухары. СПб., 1891.
296. *Федченко А.* Заметки о Магианском бекстве // МСТК. 1873а. Вып. II.
297. *Федченко А.* Краткие исторические заметки о бывших бекствах: Ургутском, Магианском, Фарабском, Кштутском // МСТК. 1873б. Вып. II.
298. *Федченко А.П.* Путешествие в Туркестан. М., 1950.
299. *Филлипов Г.Г.* Социальная организация и политическая власть. М., 1985.
300. *Философия* политики. М., 1993. Кн. I—IV.
301. *Философский словарь* / Под ред. И.Т. Фролова. М., 1991.
302. *Фиолетов Н.* Бухарское и Хивинское ханства и отношения их с Россией // Исторический журнал. 1941. № 3. С.68—79.
303. *Фотеев И.М.* Ханкинская волость, Хорезмская область УзССР // Современный кишлак Средней Азии. Вып. II. Ташкент, 1926.
304. *Фридман Л.А., Видясова М.Ф.* Положение СНГ—Евразии в меняющейся структуре современного мира // Россия и окружающий мир: контуры развития. Вторые Павловские чтения 1995 г. М., 1996. С.6—55.
305. *Фридрих Н.А.* Бухара. СПб., 1910.
306. *Хамиджанова М.А.* Туи хатна — обрезание у таджиков Верхнего Зеравшана // История и этнография народов Средней Азии. Душанбе, 1981. С.90—105.
307. *Ханыков Н.В.* Описание Бухарского ханства. СПб., 1843.
308. *Ханыков Н.В.* Городское управление в Средней Азии // Журнал министерства внутренних дел. 1844. № 5.
309. *Хатунцев Б.Н.* О природе власти. Саратов, 1925.
310. *Хивинская экспедиция 1839—1840 гг.* Очерки и воспоминания очевидца. Практические советы отъезжающим в степи Н.П. Иванова. СПб., 1873.
311. *Хороших А.П.* Народы Средней Азии (историко-этнографические этюды) // ТВ. 1871. № 9, 10.
312. *Хороших А.П.* Самарканд // ТВ. 1872. № 47.
313. *Хороших А.П.* Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876.
314. *Чабров Г.Н.* Поездка в Бухару переводчика П.И. Демсона (1833—1834 гг.) // ТСАГУ. 1957. Вып. XCIV.
315. *Шейбаниада.* История монголо-тюрок / Пер. И.Н. Березина. Казань, 1849.

316. *Шестопал Е.Б.* Личность и политика. Критический очерк современных западных концепций политической социализации. М., 1988.
317. *Шестопал Е.Б.* Очерки политической психологии. М., 1990.
318. *Широкова З.А.* Традиционная и современная одежда женщины Горного Таджикистана. Душанбе, 1976.
319. *Шишкин В.А.* Города Узбекистана. Ташкент, 1943.
320. *Шкунов В.Н.* Миссия поручика Абдулнасыра Субханкулова в Бухару и Хиву в 1810 и 1818 гг. // Восток. 1997. № 4. С.17—22.
321. *Шубинский П.* Очерки Бухары // Исторический вестник. 1892. № 7, 8, 9.
322. *Эльянов А.Я., Ушакова Н.А.* Страны Центральной Азии в поисках места на мировом рынке // Россия и окружающий мир: контуры развития. Вторые Павловские чтения 1995 г. М., 1996. С.56—115.
323. *Эльянов А.Я., Ушакова Н.А.* Внешнеэкономические связи стран Центральной Азии в стадии трансформации. М., 1997.
324. *Этнические аспекты власти* / Отв. ред. В.В. Бочаров. СПб., 1995.
325. *Этнографические очерки узбекского сельского населения.* М., 1969.
326. *Яворский И.Л.* Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878—1879 гг. СПб., 1882. Т.1, 2.
327. *Яворский И.Л.* Средняя Азия. Культурные успехи и задачи в ней России // Зап. Императорского Новороссийского университета. Т.60. Одесса, 1893. С.1—38.
328. *Яковлев Н.Н.* История СССР: Внешняя и национально-колониальная политика царизма в 1860—1870-е гг. Народы Средней Азии в середине XIX в. Завоевание Средней Азии. М., 1946.
329. *Bass V.M. Stogdill's Handbook on Leadership.* New York, 1981.
330. *Bierstedt R.* An Analysis of Social Power // American Sociological Review. 1950. № 15.
331. *Blau P.* Exchange and Power in Social Life. New York, 1964.
332. *Burnaby Fred.* A ride to Khiva: travels and adventures in Central Asia. London; Paris; New York, 1900.
333. *Cannadine D.* Rituals of Royalty. Power and Ceremonial in traditional societies. Cambridge, 1987.
334. *Dowse R.E. Hugher J.A.* Political Sociology. London, 1986.
335. *Easton D., Dennis L.* Children and the Political System. New York, 1969.
336. *French J.R., Raven B.* The Bases of Social Power // Studies in Social Power. Baltimore, 1959.
337. *Gerth H., Mills C.W.* Characters and Social Structure. New York, 1959.
338. *Goodin R.E.* Manipulatory Politics. London, 1980.
339. *Hartogs R.* Violence: Causes and Solutions. New York, 1970.
340. *Hutton James.* Central Asia: from the Aryan to the Cossack. London, 1875.
341. *Hyman H.H.* Political Socialization. New York, 1959.
342. *Jennings K., Niemy R.* Generations and Politics. Princeton, 1981.
343. *Lasswell H.D.* Psychopathology and Politics. New York, 1960.
344. *Lasswell H.D., Kaplan A.* Power and Society. New Haven, 1950.

345. *Olufsen O.* The Emir of Bokhara and his country. Journeys and studies in Bokhara. London, 1911.
346. *Parsons T.* On the Concept of Political Power // Proceedings of the American Philosophical Society, 1963. № 107.
347. *Rogers M.* The Bases of Power // American Journal of Sociology. New York, 1976. Vol.79. № 6.
348. *Schuyler E.* Turkistan. Notes of a journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kuldja. London, 1876. Vol. 1, 2.
349. *Stogdill R.M.* Handbook of Leadership. New York, 1974.
350. *Straus M.A., Hotaling G.T.* The Social Causes of Husband—Wife Violence. Minneapolis, 1980.
351. *Tucker R.C.* Politics as leadership. 1981.
352. *Wolff Joseph.* Narrative of a Mission to Bokhara in the years 1843—1845. London, 1845. Vol.I, II.
353. *Wrong D.H.* Some Problems in Defining Social Power // American Journal of Sociology. New York, 1968. Vol.73. № 6.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВФ	—	Вопросы философии. М.
ЗИРГО	—	Записки Императорского Русского географического общества. СПб.
ИРГО	—	Известия Русского географического общества. СПб.
ИТОРГО	—	Известия Туркестанского отделения Русского географического общества. Ташкент.
КСДСКЧ	—	Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. СПб.
КСИЭ	—	Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М.;Л., М.
МАЭ	—	Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). СПб.
МСТК	—	Материалы для статистики Туркестанского края. СПб.
СВ	—	Советское востоковедение. М.;Л., М.
СГТСМА	—	Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб.
СЭ	—	Советская этнография. М.
ТВ	—	Туркестанские ведомости. Ташкент.
ТИИАЭ	—	Труды Института истории, археологии и этнографии.
ТИЭ	—	Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.;Л., М.
ТСАГУ	—	Труды Среднеазиатского государственного университета. Ташкент.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Объект, предмет и задачи исследования	3
Источники и литература	5
ГЛАВА I. СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ В БУХАРСКОМ ЭМИРАТЕ	12
1. СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТОВ УПРАВЛЕНИЯ	12
2. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО	22
Макроуровень управления	25
Мезоуровень управления	36
Микроуровень управления	48
3. МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ УПРАВЛЕНИЯ	53
Механизмы появления и смены лидеров	53
Взаимосвязи между главами институтов управления	62
Лидеры и их непосредственное окружение	64
Лидеры и подчиненное население	71
Подношения как звено в цепи взаимосвязей	76
ГЛАВА II. МЕТОДЫ УПРАВЛЕНИЯ	81
1. ДОЛЖНОСТНАЯ СИЛА — СИЛОВОЙ ЛИДЕР	83
Власть и насилие	83
Виды наказаний	89
Смертная казнь	98
Зрелищный аспект публичных наказаний	107
2. ДОЛЖНОСТНОЙ АВТОРИТЕТ — АВТОРИТЕТНЫЙ ЛИДЕР	117
Коэффициент авторитета	117
Динамика коэффициента авторитета	119
Власть и авторитет	125
ГЛАВА III. ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИМВОЛЫ	127
1. СИМВОЛЫ, СИМВОЛИЧЕСКИЕ ЗНАКИ И ЗНАКИ ВЛАСТИ	127
Символы власти	128
Символические знаки власти	129
Знаки власти	149
2. ПОВЕДЕНЧЕСКИЙ СИМВОЛ ВЛАСТИ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ	153
Предмет политической социализации	153
Роль должностных символов в политической социализации	154
Ритуалы смены верховной власти	155
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	172
SUMMARY	174
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	176
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	190